

Составитель

М.Е. Соколова – кандидат философских наук

Научные редакторы:

Д.В. Ефременко – доктор политических наук,

Н.Ю. Соколова – и.о. ученого секретаря,

Ю.Ю. Черный – кандидат философских наук

Редакционная коллегия:

Ю.С. Пивоваров – академик РАН (председатель),
В.А. Виноградов – академик РАН, *И.Л. Беленький* –
ст. науч. сотр., *Л.Н. Верченев* – кандидат философских
наук, *В.А. Глухов* – кандидат технических наук, *Д.В. Еф-
ременко* – доктор политических наук, *Ю.И. Игрицкий* –
кандидат исторических наук, *Л.В. Скворцов* – доктор
философских наук, *М.Н. Смирнова* – ст. науч. сотр.,
М.Е. Соколова – кандидат философских наук, *Н.Ю. Со-
колова* – и.о. ученого секретаря, *Ю.Ю. Черный* – канди-
дат философских наук, *Л.В. Юрченкова* – кандидат
исторических наук

Ф 11 **ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты:** Сб.
ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.)
и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред.: Ефременко Д.В.,
Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – **Вып. 1.** –
252 с.

ISBN 978-5-248-00569-7

Представлены материалы мемуарного характера, посвященные
Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН) АН СССР
и образованному в 1969 г. на ее основе Институту научной информа-
ции по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР (с 1991 г. – РАН).

Для историков науки, работников информационно-библиотечной
сферы, всех, кто интересуется развитием системы научных комму-
никаций.

ISBN 978-5-248-00569-7

ББК 73; 78
©ИНИОН РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

РАЗДЕЛ I. ВОСПОМИНАНИЯ

В.А. Виноградов. На посту директора Института	9
<u>С.И. Кузнецова</u> Из истории востоковедения в ФБОН-ИНИОН.....	47
Л.П. Делюсин. Свободная среда.....	55
Р.Р. Мдивани. 40 лет работы в ИНИОН.....	69
А.М. Кулькин. Науковедение в ИНИОН	91
А.И. Ракитов. О моей работе в ИНИОН	114
Е.Ю. Матвеева. Сектор библиографии по европейским социалистическим странам ФБОН-ИНИОН АН СССР	123
Л.Н. Тарасов. Мы сделали это! (О создании Интегральной автоматизированной информационной системы в ИНИОН АН СССР, 1976–1982 гг.).....	139
Л.В. Скворцов. ИНИОН: гуманитарные исследования на пороге XXI века.....	161
Ю.С. Пивоваров. Работа в ИНИОН сделала меня исследователем.....	176

РАЗДЕЛ II. ПОРТРЕТЫ

Ю.И. Игрицкий. Леонид Константинович Шкаренков	191
М.Н. Смирнова. Вильям Ризатдинович Хисамудинов: штрихи к портрету	201
В.М. Шевырин. Памяти Марлена Павловича Гапочки.....	211
Л.Н. Верченев, И.Ф. Рековская. «Ересь первичного добра» (В.А. Чаликова)	215

Б.С. Орлов. Надежды и реальности в жизни Татьяны Николаевны Мационашвили (Поспеловой)	222
Г.В. Хлебников. Воспоминания об АИПе (А.И. Панченко)	228
Биографические сведения	239
Именной указатель	245

От редакционной коллегии

Сборник статей «ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты» состоит из произведений мемуарного характера, посвященных Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР, а также образованному в 1969 г. на ее основе Институту научной информации по общественным наукам.

Появление такого издания – не только дань уважения людям, отдавшим Библиотеке и Институту многие годы своей жизни, но и отражение актуальных интересов нашей организации. Чтобы не допустить разрыва исторической преемственности между поколениями ученых, ИНИОН стремится обеспечить сохранение и изучение собственного научного наследия.

Мемуары как неизбежно субъективный жанр дополняют иной, документальный способ познания истории Библиотеки и Института. Два года назад он был успешно реализован в сборнике «90 лет служения науке»¹. Предложенный тогда единый взгляд на эволюцию отечественной информационно-библиотечной системы по общественным наукам был признан убедительным². Построение научной истории ФБОН и ИНИОН окажется возможным лишь при творческом взаимодействии двух этих подходов.

Каждый выпуск продолжающегося издания предполагается строить по единому принципу. В нем будут присутствовать разде-

¹ 90 лет служения науке: К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост.: Черный Ю.Ю., Соколова Н.Ю., Юрченкова Л.В. – М., 2009. – 296 с.

² См.: Дивногорцев А.Л. О двух юбилеях // Мир библиографии. – М., 2009. – № 5. – С. 74–76; Павлова Л.П. [Рецензия] // Библиосфера: науч. журн. – Новосибирск, 2009. – № 4. – С. 88–89.

лы «От редакционной коллегии», «Воспоминания», «Портреты», «Биографические сведения» и «Именной указатель».

Первый выпуск посвящен преимущественно истории ИНИОН, т.е. охватывает период с 1969 г. по настоящее время. В разделе I представлены воспоминания трех директоров Института – Л.П. Делюсина, В.А. Виноградова и Ю.С. Пивоварова, а также известных сотрудников ИНИОН, внесших большой вклад в его становление и развитие. Это С.И. Кузнецова, Р.Р. Мдивани, А.М. Кулькин, А.И. Ракитов, Е.Ю. Матвеева, Л.Н. Тарасов и Л.В. Скворцов. Раздел II состоит из литературных портретов, посвященных Л.К. Шкаренкову, В.Р. Хисамутдинову, М.П. Гапочке, В.А. Чаликовой, Т.Н. Мационашвили и А.И. Панченко.

Герои воспоминаний и портретов предстают живыми людьми со своими особенностями, симпатиями и антипатиями. Вместе с тем их характеры и стили мышления представляют собой различные грани единого типа ученого – человека, преданного познанию мира. Это познание составляет одну из его глубочайших жизненных мотиваций. Возвратить профессии исследователя возвышенное содержание, продемонстрировать за внешне однообразной чередой событий подлинную драму идей с ее переживаниями, рисками, взлетами и падениями – еще одна задача настоящего издания.

К участию в проекте приглашаются не только нынешние и бывшие сотрудники ИНИОН, но и все те, у кого с Институтом и Библиотекой связаны важные страницы личной и научной биографии – в частности, многочисленные внештатные авторы и читатели.

РАЗДЕЛ I. ВОСПОМИНАНИЯ

В.А. Виноградов НА ПОСТУ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА³

Разработка программы действий

После возвращения из командировки в Польшу⁴ я полностью сосредоточился на подготовке к вступлению в должность директора Института научной информации по общественным наукам. Положение дел в Институте в общих чертах мне было известно. С работой Фундаментальной библиотеки по общественным наукам, входившей ныне в его состав, был знаком давно и обстоятельно: здесь написал и кандидатскую, и докторскую диссертации, работал и над другими публикациями. /.../

В январе и первой половине февраля у меня состоялись встречи со многими учеными. Прежде всего, я несколько раз беседовал с академиком П.Н. Федосеевым. Очень помог мне обмен мнениями о направлении развития ИНИОН с академиками Н.Н. Инюземцевым, Н.Н. Некрасовым, А.Л. Нарочницким, Ф.В. Константиновым, доктором экономических наук Е.И. Капустиным⁵, членом-корреспондентом АН СССР Ф.П. Филиным и другими учеными. Много практических советов дал директор ВИНТИ профессор А.И. Михайлов. Ранее он работал в Президиуме АН СССР, и мы были знакомы. Одним из моих консультантов стал Юрий Остро-влянов – заместитель главного редактора журнала «Мировая эко-

³ Текст представляет собой главу шестую и часть главы девятой книги: Виноградов В.А. Мой XX век: Воспоминания. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2005. – С. 263–307, 378–389. Публикуется с сокращениями.

⁴ События относятся к началу февраля 1972 г. – *Прим. ред.*

⁵ В 1976 г. Е.И. Капустин был избран членом-корреспондентом АН СССР.

номика и международные отношения». Так постепенно начала складываться программа моей деятельности в должности директора.

15 февраля 1972 г. академик П.Н. Федосеев представил меня членам дирекции ИНИОН. Встреча была короткой. Петр Николаевич пожелал успеха в работе и уехал в Президиум АН СССР.

Первые пятнадцать дней я посвятил ознакомлению с работой всех информационных подразделений. В тот период в институте работали, включая и библиотеку, 1 доктор и 80 кандидатов наук. В семи реферативных отделах значилось 112 человек. В ряде из них числилось всего 5–6 научных сотрудников. Из многочисленных бесед с руководителями отделов было выделено наиболее существенное, записано, продумано и дополнительно включено в доклад, с которым я выступил на расширенном заседании Ученого совета Института. Наиболее полезные советы я получил от Г.Б. Косова, А.И. Ракитова, С.И. Кузнецовой и Л.К. Шкаренкова. Заседание было продолжительным, доклад произвел впечатление: в нем была развернута панорама развития Института не только в текущем году, но и на ближайший период, сформулирована задача сразу же приступить к подготовке макетов журнала «Общественные науки за рубежом», состоящего из 10 серий. Первые серии предполагалось издать уже осенью. Предстояло их общественное обсуждение в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Казани и других университетских городов. Одновременно необходимо было приступить к подготовке тематических реферативных сборников по наиболее актуальным вопросам социальных и гуманитарных наук.

Для большинства участников заседания оказалась неожиданной постановка вопроса об автоматизации информационных процессов на основе современной электронной техники. Рассказал о тех возможностях, которые открывает планируемая автоматизация. Специально остановился на расширении комплектования Фундаментальной библиотеки зарубежной литературой, исходя из направлений информационной деятельности Института. Подчеркнул необходимость шире использовать в этих целях международный обмен книгами. Обратил также внимание на повышение полиграфического качества всех публикаций, и в первую очередь библиографических указателей литературы, издававшихся тогда самым примитивным способом на третьесортной бумаге.

В конце доклада подчеркнул, что необходимо приложить все усилия для завершения строительства нового здания Института к концу 1973 г. Только в новом здании перед Институтом могли от-

крыться широкие возможности: он будет в состоянии обеспечить обществоведов комплексной и самой разнообразной информацией, сможет занять надлежащее место среди других институтов Академии наук СССР, оказывать влияние на развертывание информационной работы в академиях наук союзных республик. Заканчивая выступление, указал, что нам предстоит изучить опыт организации информационной деятельности многих стран и взять из него все полезное, проверенное временем, с учетом, конечно, нашей специфики.

Все основные положения доклада получили поддержку. В выступлениях заведующих реферативными отделами были и встречные предложения, звучала просьба о выделении штатных единиц и приглашении на работу квалифицированных научных работников и молодых специалистов. Без такого пополнения новые задачи были невыполнимы, что и было признано мной в заключительном слове. Обещал в ближайшие дни выделить для пополнения реферативных отделов сто штатных единиц, уже полученных из Президиума АН СССР.

После окончания заседания ко мне подошел И.Я. Госин – один из старожилов ФБОН, пользовавшийся большим авторитетом среди библиотечных работников, и порекомендовал быть осторожнее, обещая обеспечить Институт техникой и быстро закончить строительство здания. «Вы можете такими трудновыполнимыми обещаниями подорвать свой авторитет», – сказал он. Такая реакция меня только утвердила в правильности выбранного пути. Прожектерством я никогда не занимался и, давая обещания, опирался на уже обговоренную ранее поддержку в решении широкого круга технических, строительных и других проблем. /.../

Первые итоги обнадёживают

Подходил к концу 1972 г. – настало время оглянуться на пройденный путь и подвести итоги. Сделано действительно было немало – это признавали и в Институте, и за его пределами. Прежде всего отмечу публикацию 37 реферативных сборников по различным актуальным проблемам общественных наук и издание первых макетов нескольких серий реферативного журнала (РЖ) «Общественные науки за рубежом». Тем самым было положено начало созданию системы информационных изданий ИНИОН. В процессе их подготовки пришлось решать немало методических и методологических проблем. В их число входили отбор литературы

для реферирования, примерный размер самого реферата и принципы его составления. Главное требование к реферативной информации в области общественных наук состояло в том, чтобы реферат содержал основной ход рассуждения автора статьи или монографии, логику исследования, мировоззренческий элемент и основные выводы. Эти вопросы неоднократно обсуждались в Институте. Правильность разработанного подхода к составлению рефератов проверяли на основе реакции потребителей информации. Именно поэтому при подготовке к изданию РЖ и было решено сначала опубликовать макеты, обсудить их и только после этого приступить к изданию.

Осенью 1972 г. Институт начал избирательное распространение информации на основе зарубежных журналов. Здесь мы воспользовались опытом ВИНТИ. Институт получил мощный «ксерокс», позволявший ежедневно копировать до десяти тысяч страниц. Было решено предложить членам АН СССР, входящим в состав гуманитарных отделений, отобрать из разосланного им списка журналов до 30 наименований, которые их интересуют. Собранные сведения, специально созданный для этих целей сектор приступил к работе. Технология ее состояла в следующем: на второй или третий день после поступления в библиотеку соответствующих журналов с их оглавлениями снимались копии и рассылались ученым, которые отмечали заинтересовавшие их статьи и возвращали оглавления в Институт. Через неделю или десять дней они получали копии статей. В результате ведущие ученые и работавшие вместе с ними сотрудники стали знакомиться с зарубежными журналами, не посещая библиотеку, подбирать досье для очередных исследований и т.д. Эта форма информационного обеспечения была воспринята с большим удовлетворением. Институт стал получать много благодарностей. Как-то через год в Президиуме АН СССР ко мне подошел академик-секретарь Отделения литературы и языка М.Б. Храпченко и сказал: «Я продолжаю регулярно получать статьи, что очень хорошо. Поначалу думал, что Институт с этим не справится – ведь поток запросов очень велик». Академик-секретарь другого отделения – исторического – Е.М. Жуков в разговоре со мной подчеркнул, что для него важно не только получение статей, но и просто регулярное ознакомление с оглавлениями журналов, по которым он может судить о направлениях исследований вообще и о научных интересах известных ему зарубежных ученых в частности. «Это очень помогает в работе», – сказал он.

За девять месяцев разительные изменения произошли на стройке: здание оделось в белый камень и выглядело очень нарядно. Внутри были установлены перегородки, велись малярные работы, настилался паркет, монтировались светильники, на третий этаж вела широкая лестница, выложенная мраморными плитами. Особо отмечу, что книгохранилища, как и было обещано, были готовы к расстановке в них книг. Во всем этом была заслуга и коллектива ИНИОН: несколько субботников по уборке помещений от строительного мусора оказались очень результативными. Сотрудники Института осуществили навеску нескольких тысяч полок в книгохранилищах. Утвержденная на 1972 г. смета строительно-монтажных работ в размере 2 млн. руб. была выполнена, что в пять раз превысило объем работ, осуществленных в 1971 г.

Строительство здания Института опережало приведение в порядок территории, задерживались работы по обеспечению электроснабжения Института по постоянной схеме (прокладка кабелей и др.). Сооружение технического бассейна, необходимого для охлаждения кондиционеров, не было еще начато. Дело это осложнялось тем, что на месте будущего бассейна находился внушительный холм. Требовалось его срезать и вывезти сотни тонн грунта. Приходилось ждать весны.

Не был решен еще один важный вопрос – обеспечение Института и его библиотеки специализированной мебелью (столы, шкафы, полки, стеллажи, каталожные шкафы и т.д.). Было очевидно, что все это оборудование к концу 1973 г. должно уже находиться в Институте. Его сборка и расстановка потребует два-три месяца. Следовательно, форсируя окончание строительных работ, необходимо думать и об этом.

За помощью я обратился к Президенту АН СССР академику М.В. Келдышу. Всю мебель и библиотечное оборудование целесообразно было закупить в Финляндии. Мстислав Всеволодович внимательно выслушал, отметил, что ценит мои усилия, и обещал проблему с мебелью решить. Им было направлено в Госплан СССР мотивированное письмо с просьбой выделить ИНИОН целевым назначением 500 тыс. инвалютных рублей для закупки в Финляндии специализированной мебели.

Такая возможность у Госплана СССР была в связи с мировым энергетическим кризисом и появлением «нефтедолларов». Обращение Мстислава Всеволодовича поддержал секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев. В моем присутствии он позвонил по «вертушке» председателю Госплана Н.К. Байбакову, и тот обещал указанную

сумму выделить, что в переводе на доллары составляло более 900 тысяч. Тут же Петр Нилович позвонил председателю Государственного комитета по науке и технике академику В.А. Кириллину, сказал, что у него на приеме В.А. Виноградов, и попросил оказывать ИНИОН содействие в оснащении электронной, множительной и другой техникой. Отметил, что Институт развивается успешно и заслуживает поддержки. Это была двойная удача. Деньги Министерству внешней торговли были переведены, и вскоре соответствующее управление заключило контракт с финской фирмой «Мартелла» на поставку ИНИОН в 1973 г. библиотечной и другой мебели.

Деловые контакты с П.Н. Демичевым продолжались и в 1973 и в 1974 гг. Он интересовался развитием Института, просматривал новые информационные издания, высказывал свои рекомендации, которые были весьма полезны. В нескольких случаях Петр Нилович оказал Институту помощь в получении дополнительных валютных средств и различной техники. Я был благодарен Петру Ниловичу за внимание к Институту. Он неоднократно говорил, что следует изучить опыт работы зарубежных информационных центров, использовать все передовое, а с его стороны Институт будет пользоваться неизменной поддержкой.

Осенью 1974 г. Демичева назначили министром культуры. Заменял его в качестве секретаря ЦК КПСС по идеологическим вопросам М.В. Зимянин. С ним установились хорошие отношения, он ценил работу Института, читал его издания, но все мои обращения об оказании помощи оставались тщетными. Обычно он говорил: «В этом году ничего сделать нельзя – валютные средства уйдут на закупку зерна». Ту же фразу повторял и на следующий год. /.../

Книги двинулись в поход

С ноября 1972 г. в Институте началась подготовка к предстоящему переезду в новое здание. Обсуждались многие вопросы. Здание было спроектировано и строилось для библиотеки. Теперь в него въезжали Институт и библиотека. Поэтому правильному распределению помещений придавалось большое значение. Приоритет был отдан библиотечным подразделениям. Часть реферативных отделов оставалась в старом здании на ул. Димитрова. План размещения следовало разработать и утвердить заранее. Это позволяло каждому отделу ИНИОН планировать переезд и органи-

зацию работы в новом здании с учетом предусмотренных для него помещений.

Большая подготовительная работа к переезду проводилась Отделом научных фондов во главе с его заведующей И.Н. Воскресенской. В отделе были разработаны научно-методические документы, определяющие организацию библиотечного фонда в новом здании. На время переезда обслуживание читателей из основного хранилища было решено не прекращать. Работу по перемещению книжных, журнальных и газетных фондов, которая была произведена в сжатые сроки, можно с полным правом назвать уникальной. Все было задумано так: в специально изготовленные ящики, соответствующие по размеру одной книжной полке в новом хранилище, закладывались книги. В новом хранилище книги из него расставлялись на заранее определенную полку. При этом для старых фондов использовалась существовавшая схема классификации, а новые книжные поступления было решено расставлять по форматно-хронологической порядковой системе. В процессе перевозки фондов проводились их проверка, сортировка, санитарная обработка и т.д. Трудоемкость этих процессов очевидна: сотрудники Отдела научных фондов, прямо скажу, осуществили в тот период титаническую работу.

Первоначально планировалось для перевозки книг использовать автотранспорт Академии и пригласить бригаду грузчиков. Однако моему заместителю по общим вопросам Г.Р. Филиппову удалось договориться с командованием дивизии МВД об оказании помощи в перевозке книг на основе взаимных шефских услуг. Это резко упростило и ускорило все дело. В наше распоряжение каждый день выделялись два грузовых автомобиля и взвод солдат. Они грузили ящики в автомашины, перевозили и разгружали в новом хранилище. В обязанности Института входило накормить солдат обедом. Институт оказывал дивизии различные полиграфические и информационные услуги. Известно, что в жизни все абсолютно гладко не бывает. Мы радовались, что перевозка книг осуществляется быстро, сохранность обеспечивается и Институт несет минимальные затраты. Однако в середине 1973 г. командование дивизии, ссылаясь на указание «сверху», прекратило эти работы. Помог мне и на этот раз Петр Нилович Демичев: по его просьбе работы по перевозке возобновились и продолжались до перебазирования всех фондов. Хочу специально отметить, что до мая 1974 г., когда начался общий переезд в новое здание, читальные залы в ФБОН были открыты, читатели могли получать

книги и из нового книгохранилища. Знатоки библиотечного дела утверждали, что им неизвестно, чтобы где-либо таким образом перемещались многомиллионные фонды из одного здания в другое. Сказалась хорошо продуманная и четко организованная работа. Этот несомненный успех прежде всего заслуга И.Н. Воскресенской и ее коллектива.

Перебазирование книг, находившихся в «спецхране», было задержано до переезда Института в новое здание. Это было сделано в целях обеспечения сохранности этих фондов – своего рода «перестраховка». Заведующая Отделом «спецхрана» О.В. Рожкова, используя уже накопленный опыт, успешно обеспечила перевозку фондов на тех же военных машинах. Следует отметить, что были перевезены книги не только из основного хранилища на ул. Фрунзе, но и из 11 подвалов (к счастью, сухих), где они хранились и не были «законсервированы». Читатели могли получать из этих подвалов книги, но только с задержкой на один день.

Переезд в новое здание

В 1973 г. мои усилия как директора Института были подчинены решению трех основных задач: дальнейшему развитию информационной системы, контролю за завершением отделочных работ в новом здании и подготовке всех подразделений к переезду и размещению в нем. Решением первой задачи были заняты мои заместители М.П. Гапочка и Л.С. Кюзаджан. На их плечи легла большая работа по контролю за качеством информационных изданий, за выполнением плановых сроков, по связям с читателями. В период становления информационной системы требовалось постоянно сверять, насколько наши издания отвечают научным потребностям специалистов. Вслед за журналом «Общественные науки за рубежом» была обеспечена подготовка макетов семи серий журнала «Общественные науки в СССР». Их обсуждение показало, что журнал будет востребован читателями: к нему проявили интерес и научные работники, и преподаватели высшей школы, и другие читатели. Особенно много для становления РЖ сделали заведующие отделами Института С.И. Кузнецова, Г.Б. Косов, А.И. Ракилов, Я.М. Бергер и Ф.М. Березин.

Значительно увеличилась публикация других информационных изданий. Число библиографических указателей литературы было доведено до 29. Качество их резко улучшилось: внешне они стали привлекательными, библиографические описания набира-

лись на пишущих автоматах, появились авторские и предметные указатели, что облегчало поиск необходимой читателям литературы. Вокруг реферативных отделов начал складываться коллектив внештатных авторов, что облегчало подготовку рефератов и обзоров, особенно на основе литературы, публикуемой на редких языках. Этот факт свидетельствовал о росте интереса к деятельности ИНИОН.

В 1972–1973 гг. в реферативные отделы было зачислено почти двести новых научных сотрудников. Многие из них хорошо владели английским, французским и немецким языками. Было создано несколько новых отделов: государства и права, языкознания, литературоведения, экспресс-информации. Вопреки прогнозам некоторых лиц, из Института не был уволен ни один сотрудник – всем нашлась работа. Происшедшие за два года изменения почувствовал весь коллектив. Резко возрос интерес к работе, радовали достигнутые результаты и их положительная оценка потребителями информации.

В декабре 1973 г. строители были готовы сдать здание в эксплуатацию. Собралась большая комиссия по его приемке, состоящая из представителей многих районных служб (пожарная охрана, санинспекция, энергетики и т.д.). В здании оставались существенные недоделки, но строители клялись, что до марта они будут устранены. На меня оказывалось большое давление – подпись директора была решающей. Однако я выдержал этот напор и акт о приемке здания в эксплуатацию при наличии недоделок подписать отказался. Было ясно – если подпишу акт, то затем придется ходить за строителями и упрашивать их завершить те или иные работы. Предпочтительнее представлялось обратное – пусть строители ходят за мной и доказывают, что все недоделки устранены. В МК КПСС на имя В.В. Гришина начальник строительного треста А.Г. Науменко написал жалобу. Обвинял меня в срыве выполнения трестом годового плана. Однако это не помогло – нашлись силы, меня поддерживавшие. В течение января и февраля 1974 г. строители вынуждены были интенсивно продолжать работы и устранили все недоделки.

Только после приемки здания в эксплуатацию мы получили возможность заняться сборкой финской мебели, которая в упакованном виде уже находилась в здании. Дело это было кропотливое и трудоемкое. Фирма «Мартелла» командировала нам в помощь трех квалифицированных мастеров со специальным оборудованием. Они обучили бригаду сборщиков из числа сотрудников Института,

которая в течение трех месяцев занималась этой работой. Бригаду возглавил главный библиотекарь Н.Ф. Арифуров. Пришлось собрать более 100 шкафов, четыреста читательских столов, сотни полок, стеллажей и другую специализированную мебель. Общее руководство сборкой и расстановкой мебели, в соответствии с планом, утвержденным дирекцией, осуществлял заведующий сектором комплексной механизации С.А. Пищальников. Это было очень большое и важное дело.

Переезд с ул. Фрунзе в новое здание начался в мае 1974 г. Руководила им заместитель директора И.А. Ходош. В первых числах июня Институт был уже готов к открытию. Большинство помещений получили библиотечные подразделения. Главный читальный зал был рассчитан на 110 читателей. В нем находилась многочисленная справочная литература открытого доступа. Рядом был расположен зал для чтения газет и журналов. В этих залах на специальных стендах демонстрировались журнальные и книжные новинки. Две большие комнаты были отведены справочно-библиографическому кабинету, руководимому Г.Г. Кричевским – признанным знатоком книги. В этом кабинете находились библиографические и справочные издания почти из 100 стран мира. Библиографический отдел был размещен в трех больших помещениях. Наряду с двумя читальными залами было открыто пять читательских кабинетов – по философии, истории, экономике, литературе социалистических стран, государству и праву и материалам ООН, включая ее специализированные организации. Эти кабинеты предназначались для старших научных сотрудников. В каждом кабинете был размещен фонд научной литературы, пользовавшейся наибольшим спросом читателей.

Открытие нового здания ИНИОН произошло 7 июня 1974 г. Все сотрудники пришли празднично одетые. Приехали вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев, многие ученые, строители, представители организаций Черемушкинского района. К сожалению, не смог присутствовать секретарь МГК КПСС по строительству Н.А. Рожков – какие-то неотложные дела его задержали.

Сотрудники Института и гости собрались в вестибюле перед парадной лестницей, ведущей на третий этаж. Я обратился ко всем собравшимся с кратким приветственным словом. В моих архивах нашел его текст и решил, что будет интересно частично его воспроизвести:

«Мы отмечаем сегодня волнующее событие в жизни коллектива Института научной информации по общественным наукам – открытие нового, большого, светлого здания Института. Остались позади трудные годы ожидания, годы строительства и годы становления Института. Большой, квалифицированный и дружный коллектив ИНИОН входит в это здание не как новичок, который только в будущем станет специалистом в избранной области знания, а как полноправный хозяин, знающий, чем он будет занят и сегодня, и завтра, и в 1975 году, и в 1976... И не только знающим это, но и способным решать и стоящие, и возникающие более сложные новые задачи.

Одна из особенностей Института состоит в том, что в его состав входит Фундаментальная библиотека по общественным наукам, которая издавна пользуется заслуженной известностью, служит своеобразной идеологической лабораторией для большинства специалистов в области общественных наук. Это явилось важным фактором в развитии информационной деятельности Института. Наше новое здание – это общий дом всех ученых, работающих в области общественных наук. Просторные читальные залы и научные кабинеты Института готовы принять своих читателей. Но мы рассчитываем и на углубление обратных связей – на все большее участие ученых-общественников в непосредственной информационной работе Института, в подготовке его изданий. Такое сотрудничество складывается, оно взаимно обогащает, а следовательно, должно развиваться и вширь, и вглубь.

Наш праздник – это праздник и рабочих-строителей, и командиров стройки. От имени коллектива Института горячо благодарю начальника УЖС-1 Владимира Ефимовича Житлевского, архитектора Ефима Петровича Вульха, управляющего трестом Мосстрой № 6 Алексея Гавриловича Науменко, начальника СУ-169 – нашего генерального подрядчика – Михаила Михайловича Онифатора и в их лице всех строителей».

Далее выступил академик П.Н. Федосеев. Он пожелал коллективу Института успешной работы в новом здании, быстрейшего завершения многогранной информационной системы в области социального и гуманитарного знания, полного выполнения задач, поставленных Президиумом АН СССР перед ИНИОН. С приветствиями выступил представитель строителей начальник треста А.Г. Науменко, а от ученых – академик Б.А. Рыбаков. Он обратил внимание на интересную архитектуру здания и подчеркнул, что ИНИОН готов уже сегодня принять первых читателей, а это озна-

чает, что мы присутствуем не на показательной парадной церемонии, как это нередко бывает, что очень приятно.

Петр Николаевич разрезал красную ленточку и пригласил всех присутствующих познакомиться с Институтом. Осмотр начали с третьего этажа. Для большинства гостей оказалось сюрпризом, что книжные фонды уже перевезены, а читальные залы действительно открыты для посетителей. Затем все гости спустились на второй этаж в малый конференц-зал, где был накрыт стол, стояли бутылки с шампанским. Поздравления продолжались.

Вечером в конференц-зале Института состоялось праздничное собрание коллектива. Из президиума я глядел в зал и с удовольствием отметил, что среди сотрудников очень много молодежи – это были молодые специалисты, пришедшие на работу в Институт в последние два года. Уже в тот период работа в Институте среди выпускников московских вузов считалась престижной. После официальной части состоялся концерт. Все разошлись с чувством удовлетворения.

Следующий день принес нам определенные неожиданности. Где-то в середине дня я поднялся на третий этаж посмотреть на первых читателей. К моему удивлению, их не оказалось. Причину быстро выяснили. Несмотря на сообщение средств массовой информации, известивших о переезде ИНИОН в новое здание, о прекрасных условиях, созданных в нем для работы читателей, к этой информации отнеслись с недоверием. К сожалению, у нас в стране очень часто сообщали о трудовых подвигах, о завершении строительства, о пуске турбин и т.д. На самом же деле такая информация опережала действительные результаты. К этому привыкли. Так произошло и на сей раз – читатели библиотеки решили, что Институт не готов еще для их приема, книжные фонды в новое здание не перевезены, а следовательно, приходится ждать не юридического, а фактического открытия. Пришлось в тот же день связаться по телефону с большинством институтов Академии и попросить оповестить сотрудников, что ИНИОН действительно открыт и ждет читателей.

Переезд Института в новое здание, формирование материально-технической базы создали условия для развития комплексной информационной системы в области общественных наук, рассчитанной на широкий круг пользователей. Коллектив почувствовал свою силу, оценки потребителей информации радовали, контакты с учеными подсказывали новые направления информационной работы.

Проблема совершенствования информации в те дни приобрела особую остроту из-за стремительного роста масштабов исследований, резкого увеличения потока научной литературы. По гуманитарной тематике в мире ежегодно публиковалось свыше одного миллиона книг, брошюр и журнальных статей. Общественное сознание в стране уже не могло успешно развиваться без отбора и избирательного распространения сведений о новых и наиболее ценных исследованиях советских ученых в области социальных и гуманитарных наук, без широкого знакомства с зарубежной общественной мыслью. /.../

Некоторые особенности информации в области общественных наук

В Академии наук СССР уже более двадцати лет успешно действовал Всесоюзный институт научной и технической информации. Издаваемые им реферативные журналы широко использовались не только в СССР, но и в зарубежных странах. Развитию Института много внимания уделял лично президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов. С ВИНТИ сотрудничали около 20 000 внештатных референтов. Был выработан стандартный реферат, содержащий краткую информацию об опубликованной журнальной статье. Он выполнял роль сигнала. Ученые, используя рефераты, могли заказать сами статьи или ознакомиться с ними в библиотеках. Изучить опыт ВИНТИ было необходимо, и с этого я и начал. Однако он отражал специфику естественных и технических наук, и перенести его без корректировки на социальные и гуманитарные науки было невозможно. Предстояла вдумчивая работа по выработке собственного подхода к реферированию с учетом особенностей обществоведческой литературы.

С первых дней работы в Институте мне стало очевидно, что прежде всего необходимо уделить внимание специфике развития общественных наук, методологическим проблемам информационной деятельности. Их анализ показывал, что в процессе познания общества происходит специализация научных исследований. Одновременно действует и противоположная тенденция – к синтезу научных знаний, что проявляется во взаимопроникновении и взаимообогащении отдельных отраслей науки, в развитии новых перспективных направлений, возникших на их «стыках».

Большую роль сыграли читательские конференции, проведенные Институтом. Они показали, что информация по актуаль-

ным проблемам социально-экономического развития, духовных процессов, идейной и политической жизни общества должна иметь комплексный характер. Особенно большое значение приобретала полнота информации. Важная задача состояла и в определении критериев организации научно-информационной деятельности, среди которых одним из основных стал принцип выборочности, предполагавший отбор подлежащих информационной обработке научных источников.

Особая проблема – это ретроспективная информация. Ученному-обществовед�, как правило, приходится просматривать литературу, опубликованную в течение многих лет. Для того чтобы понять сущность общественных явлений, проанализировать изменения в политической жизни того или иного общества, выяснить причины возникновения и отмирания различных теорий, нельзя ограничиться только последними публикациями по интересующей или разрабатываемой проблеме. Очень часто обязательно возвращение к истокам явления. Выполнить эту задачу без помощи органов информации сложно, а когда речь идет о литературе на многих языках – просто невозможно.

И наконец, еще одна характерная черта информации по общественным наукам – это соотношение нового в монографических исследованиях и журнальных статьях. В естественных науках новая важная информация содержится, главным образом, в научных статьях. Лаконичность языка естествознания позволяет это сделать. В обществоведении положение иное. В связи с этим если в сигнальных библиографических изданиях содержится информация и о книгах, и о статьях, то в реферативных изданиях преимущество отдается книгам.

Именно с учетом этих особенностей, которые были широко обсуждены в Институте, и создавалась его информационная система, рассчитанная на различные круги потребителей.

Пять лет, преобразившие Институт

В 1974–1978 гг. в Институте сложилась система реферативных и аналитических информационных изданий. В ее создании Институт руководствовался, с одной стороны, особенностями информации по общественным наукам, а с другой – конкретными запросами потребителей информации.

В Институте осуществлялась обработка литературы практически на всех основных современных языках. Полный охват всех

отраслей общественных наук и высокое качество информации обеспечивались прежде всего сотрудниками Института. Пополнение Института специалистами стало одной из основных задач. На работу были приняты многие уже сложившиеся научные сотрудники, имевшие ученые степени, и еще больше молодых специалистов с университетским образованием. Дирекция уделяла большое внимание повышению квалификации кадров. В Институте была открыта аспирантура, организовано изучение нескольких иностранных языков, созданы условия для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Растущий авторитет Института способствовал привлечению в Институт в качестве внештатных референтов квалифицированных специалистов, работающих в различных научно-исследовательских институтах АН СССР и в высших учебных заведениях. Их число достигало трех тысяч. В результате возникла дополнительная возможность увеличения масштабов информационной работы и одновременно повышения качества реферативных и аналитических изданий, а следовательно, и их привлекательности для читателей.

Центральное место в системе информационных изданий заняли реферативные журналы ИНИОН «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом», издаваемые в 17 сериях. Их создание началось в 1972–1973 гг. Журналы были призваны отражать основные потоки наиболее важной научной литературы. Редколлегия каждой серии стремилась привлечь внимание читателей к самым содержательным работам. Реферат являлся не только сигналом, но и носителем конкретной информации. В силу этого реферативные журналы по своей информативности представляли интерес не только для научных сотрудников и преподавателей. Так, серию «Экономика» использовали руководящие работники и экономисты, занятые в народном хозяйстве; серия «Государство и право» нашла многочисленных читателей среди работников суда, прокуратуры и юридических отделов государственных учреждений; серии «Философские науки» и «Науковедение» содержали полезную информацию для представителей естественных наук, инженерно-технических работников, специалистов, занятых в системе управления; серии «История», «Литературоведение» и «Языкознание» имели несомненное значение для работников культуры и просвещения; серия «Востоковедение и африканистика» давала обширную информацию для всех, кто интересовался сложными процессами, происходящими в странах Азии и Африки.

Уже первые научно-информационные материалы, подготовленные и опубликованные ИНИОН, подтвердили своевременность и актуальность создания в системе Академии наук специализированного информационного центра. Деятельность Института придала импульс развитию общественных и гуманитарных дисциплин в нашей стране. Перед отечественными учеными практически открылись целые пласты нового, прежде недоступного им знания. Публикации ИНИОН помогли многим ученым выйти на наиболее перспективные направления научного поиска, способствовали заметному сокращению образовавшегося разрыва между отечественными и зарубежными исследовательскими центрами в уровне информационного обеспечения. Для многих специалистов стала доступной информация о книгах и журнальных статьях, опубликованных за рубежом. Большое значение имели также информационные материалы различного характера, публиковавшиеся Институтом к предстоящим международным конгрессам. Они во многом способствовали успешному участию в них отечественных ученых.

Поскольку в информационных изданиях Института уже в тот период были представлены все основные направления общественных наук, это позволяло Институту давать информацию концептуального характера по широкому кругу проблем, подмечать новые явления в развитии общественной мысли за рубежом.

Этим целям служили проблемно-тематические реферативные сборники и библиографические указатели. Их подготовка, как правило, происходила при самой тесной кооперации с академическими институтами и другими научными учреждениями. В итоге круг потребителей становился более широким.

Накопленный опыт информационной деятельности позволил Институту приступить к подготовке научно-аналитических обзоров литературы – наиболее сложного, синтетического вида информации. Обзоры имели целью обобщить основные тенденции развития научной мысли в общественных науках. Тем самым Институт не только облегчал специалистам знакомство с новинками отечественной и зарубежной научной литературы, но и постепенно принимал на себя функции и статус самостоятельного исследовательского центра, эффективно использующего находящиеся в его распоряжении информационные массивы.

Сказанное целесообразно проиллюстрировать на примере научно-информационной деятельности ряда реферативных подразделений Института. Так, работа Отдела экономических наук, возглавлявшегося кандидатом экономических наук Г.Б. Косовым,

систематически велась по нескольким направлениям, среди которых можно выделить, в частности, анализ основных тенденций развития международных экономических отношений, освещение актуальных проблем теории и практики государственного регулирования экономики и управления производством, исследование социально-экономических процессов, состояния современной экономической мысли. Многие издания отдела, выпускавшиеся серийно на протяжении ряда лет, стали важным источником практических знаний для специалистов. Особого внимания здесь заслуживают публикации по проблемам управления и научно-технической революции. Системный подход к освещению соответствующих публикаций позволил познакомить отечественных специалистов с передовыми достижениями зарубежной науки управления, в том числе современными концепциями технологической безопасности и новыми методами оценки и принятия управленческих решений. Коллектив отдела стал отслеживать и освещать новые перспективные направления развития экономической науки.

Следует отметить вклад Института в становление и развитие отечественной политологии. Еще в начале 70-х годов, когда само существование политической науки ставилось в нашей стране под сомнение, специалисты ИНИОН приступили к систематическому реферированию классических трудов крупнейших зарубежных политологов. Но особое, повышенное внимание политологическим исследованиям стало уделяться с приходом в Институт в середине 70-х годов профессора Н.Н. Разумовича. Возглавив Отдел государства и права, он объединил в нем людей, «тяготевших» к политологии, работавших как в ИНИОН, так и в других учреждениях Академии наук и высшей школы. Постепенно Институт превратился в один из центров изучения политических наук. Успешная подготовка и проведение в 1979 г. в Москве XI Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук, сыгравшего важную роль как в становлении отечественной политологии, так и в фактическом признании этой научной дисциплины, – во многом заслуга коллектива ИНИОН.

В 1988 г. Н.Н. Разумович оставил должность заведующего Отделом государства и права (по возрасту) и был назначен главным научным сотрудником. На возникшую вакансию были выдвинуты в качестве кандидатов два старших научных сотрудника Отдела: кандидат юридических наук М.Г. Мойсеенко и кандидат исторических наук Ю.С. Пивоваров. Николай Никанорович наиболее достойным считал Пивоварова, который был его учеником,

но Мойсеенко имел (по тем временам) большое преимущество – он был заместителем секретаря парткома Института. На Ученом совете предстоял сложный выбор: Пивоваров более соответствовал в научном отношении, но он был беспартийным, а партком поддерживал Мойсеенко. В сложившейся ситуации многое зависело от позиции директора, и я высказался в пользу Пивоварова, сказав, что Отдел должен возглавлять прежде всего талантливый специалист. Ученый совет согласился с моим мнением. Юрий Сергеевич стал в ИНИОН первым беспартийным заведующим отделом.

Необходимость развития исследований в области политологии потребовала от Института новых научных подходов и совершенствования организационной структуры. Был создан сектор политологии. Его руководителем Ученый совет избрал Ю.С. Пивоварова.

В Институте в Отделе стран Западной Европы и США был создан сектор проблем международного социал-демократического движения, который возглавил доктор исторических наук Б.С. Орлов. Помимо регулярного выпуска реферативных сборников, важным вкладом сектора в формирование новой политической оценки роли современной социал-демократии явилась публикация программных документов социал-демократических партий европейских стран, материалов ряда конгрессов Социнтерна, а также очерков, освещающих политическую деятельность и мировоззренческие позиции ведущих деятелей этого движения.

Среди публикаций ИНИОН впервые появилось издание совершенно нового жанра. Речь идет о выпуске серии политических портретов крупных государственных и политических руководителей стран мира. Материалы брошюр, составивших серию, включали краткую биографию таких руководителей, научный анализ их убеждений и политической позиции, оценку результатов, достигнутых ими на высоком государственном или общественном посту.

Популярность информационных изданий ИНИОН состояла еще и в том, что Институт был единственным научным учреждением, освобожденным, как уже упоминалось, от контроля Главлита. Добиться такой «привилегии» было непросто, но удалось доказать, что для ИНИОН необходимо сделать исключение. Это позволило включать в рефераты и аналитические обзоры высказывания зарубежных авторов в виде выдержек, а не пересказа с комментариями. Читателям предоставлялась возможность самостоятельно делать выводы о научных и политических позициях авторов рассматриваемых книг и статей. Правда, на многих публикациях стоял гриф «Для служебного пользования», но это ограничение имело чисто

формальный характер – они издавались большими тиражами и направлялись во все научные центры страны. Таким образом, научные работники получали возможность знакомиться с развитием научной мысли в области социального и гуманитарного знания в зарубежных странах, учитывать ее результаты в своих исследованиях. Последнее было особенно важно для специалистов, которые не владели иностранными языками и не могли пользоваться зарубежной литературой, находившейся в «спецхране». Тем самым была разрушена «монополия» на использование книг западных ученых только научными работниками, владевшими иностранными языками. Не случайно некоторые из них открыто выступали против цитирования отдельных высказываний авторов реферируемых работ.

В целях обеспечения необходимой полноты реферативной и библиографической деятельности Институт стал выписывать литературу из 115 стран и получать по разным каналам более 4 тыс. иностранных журналов. В годовом комплекте указателей литературы содержалась информация о примерно 250 тыс. книг и статей, опубликованных в СССР и в других странах, на 35 иностранных языках. Это было самое полное библиографическое издание по общественным наукам в мире. В итоге все действительно интересные работы зарубежных исследователей становились известны советским ученым-обществоведам, что следует рассматривать как несомненное достижение, получившее широкое признание в кругу научных работников.

Помимо издания ежемесячных указателей литературы, Институт осуществлял текущую информационно-библиографическую работу: готовил специальные указатели советской и зарубежной литературы, развернул справочно-библиографическое обслуживание научных учреждений и отдельных ученых по их запросам. Важно отметить, что вскоре Институт получил предложение участвовать в международных библиографических изданиях по историческим наукам, по экономике, философии и социологии, языкознанию и т.д., что свидетельствовало о росте его международного авторитета.

Общее представление о масштабах информационной деятельности Института дают следующие данные: в конце 80-х годов публиковалось свыше 900 отдельных выпусков научно-информационных изданий (реферативных журналов и сборников, аналитических обзоров и отдельных рефератов (голубая и зеленая серии), библиографических бюллетеней и указателей и т.д.), а суммарный объем этой продукции превысил 5000 печатных листов.

Подобной системы информационных изданий по общественным наукам как по масштабам охвата литературы, так и по видам изданий не было в других странах. Она складывалась в тесном взаимодействии с институтами Секции общественных наук Президиума АН СССР и при постоянной поддержке вице-президента Академии П.Н. Федосеева. Многие информационные материалы были подготовлены совместно с Институтом мировой экономики и международных отношений, Институтом истории СССР, Институтом всеобщей истории, Институтом философии, Институтом социологических исследований.

Разнообразие форм подготавливаемой ИНИОН информации с учетом интересов различных ее потребителей, по моему убеждению, оказало влияние на ВИНТИ, который, наряду с РЖ, стал выпускать различные виды специализированной и обзорной информации. Взаимное влияние двух крупнейших информационных центров страны вполне закономерно. Например, представители естественных и технических наук проявляли интерес к публикациям ИНИОН по науковедению и философии, а академических экономистов весьма интересовали издания ВИНТИ, посвященные техническим новинкам в странах Запада.

Могла ли описанная система реферативных и библиографических изданий, созданная в ИНИОН, обеспечить с достаточной полнотой интересы всех обществоведов страны? По-видимому, не во всех случаях. Поэтому ее удачно дополняла отраслевая и региональная реферативная и библиографическая информация. Речь идет о серии сборников, публиковавшихся центральными отраслевыми органами и республиканскими информационными центрами по общественным наукам. Главное их отличие и достоинство – информация о литературе, не включенной в общесоюзные информационные издания. Например, публикации по проблемам культуры и искусства, в области высшего образования и педагогики.

В октябре 1974 г. произошло событие, о котором следует упомянуть, – Президиум АН СССР заслушал мой доклад о становлении Института и создании многоплановой системы информации в области социальных и гуманитарных наук. Для доклада было предоставлено 40 минут. Это дало возможность подробно рассказать об организации работы Института в новом здании, об основных информационных публикациях и о планах дальнейшего развития. В частности, я отметил, что «многие реферативные издания в силу их комплексного характера представляют интерес и для ученых, работающих в области естествознания и техники... В сен-

тябре-октябре с.г. всем академикам направлены реферативные сборники “Политика в области науки в некоторых капиталистических странах Европы” и “Методологические проблемы развития науки”. До конца 1974 г. выйдут из печати еще несколько сборников, представляющих общеакадемический интерес»⁶.

В конце доклада было сказано о существующих трудностях и о необходимости оказания Институту помощи. Прежде всего, речь шла о приобретении различной электронной техники и об увеличении валютных средств на закупку зарубежной литературы. Без этого было сложно сократить сроки подготовки информационных изданий, сделать их более привлекательными.

Интересный вопрос был задан мне академиком А.Н. Несмеяновым. Он попросил обозначить принципы, которыми сотрудники Института руководствуются при отборе научной литературы для реферирования. Мой ответ, по-видимому, Александра Николаевича удовлетворил.

Прения открыл академик Б.А. Рыбаков, отметивший, что Институт проводит полезную работу. Информация, получаемая историками, хорошо продумана и охватывает целый комплекс больших исторических тем. «От имени наших историков, – сказал Борис Александрович, – я хотел бы вынести Институту благодарность»⁷.

Интересным было выступление Р.А. Сергеева – руководителя группы советников Министра иностранных дел А.А. Громько. Он отметил, что ИНИОН «находится в ряду тех академических институтов, которые помогают в работе Министерства иностранных дел... Полезными оказались подготовленные Институтом материалы по ФРГ, США и Японии, которые были получены МИДом накануне переговоров с Брандом⁸, Танакой и Никсоном, что придало им особую ценность. Было бы хорошо добавить к задачам Института ориентацию не только на центральный аппарат министерства, но и на посольства. Нам известно, что ряд советских посольств заинтересован в получении изданий Института»⁹. Сергеев выразил пожелание создать в Институте еще одну серию РЖ по проблемам теории и практики международных отношений.

⁶ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1155. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 27–28.

⁸ По-видимому, речь идет о В. Брандте (1913–1992), в 1969–1974 гг. – федеральном канцлере ФРГ. – *Прим. ред.*

⁹ Там же. Л. 29–30.

Представитель высшей школы – проректор Института стран Азии и Африки при Московском университете профессор М.Ф. Юрьев – отметил, что издания Института научной информации используются в преподавательской и научной работе. Они особенно полезны востоковедам, испытывающим трудности в ознакомлении с новыми книгами по своей специальности¹⁰.

Академик А.Л. Нарочницкий в своем выступлении поддержал позитивную характеристику, которая содержалась в проекте постановления Президиума АН СССР. Как председатель Научного совета по истории внешней политики СССР и внешних отношений, он, вслед за Р.А. Сергеевым, высказался за создание Реферативного журнала специального характера по внешней политике СССР, отражающего важнейшую литературу, как отечественную, так и зарубежную, который оказал бы огромную помощь большому числу специалистов по современным международным вопросам¹¹.

Всего в прениях выступило восемь ученых. Завершил их академик П.Н. Федосеев, подчеркнувший, что работа Института научной информации «оказывает заметное хорошее воздействие на деятельность гуманитарных институтов и на кафедры общественных наук»¹². Одновременно он высказал ряд критических замечаний, а также пожеланий. Прежде всего, Петр Николаевич обратил внимание на необходимость повышения оперативности при подготовке и публикации информационных изданий. Он поддержал высказанные при обсуждении доклада пожелания о расширении проблематики, о более тщательном отборе книг для реферирования и совершенствовании самих рефератов, о необходимости автоматизации информационных процессов и т.д.

Подводя итоги обсуждения доклада, академик М.В. Келдыш сделал важное замечание: «Здесь высказывались точки зрения, что, скажем, религиозная, теологическая литература или антисоветская литература должны в какой-то мере отсеиваться, хотя, вообще говоря, мы должны знать и то, что направлено против нас»¹³. Институту следует найти линию, каким образом давать такую информацию. Мстислав Всеволодович пожелал Институту дальнейшего развития, дальнейших успехов, поддержал подготовленный

¹⁰ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1155. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 39.

¹² Там же. Л. 49.

¹³ Там же. Л. 52.

проект постановления и поручил П.Н. Федосееву и докладчику его доработку с учетом прений.

Я, возможно, несколько злоупотребил цитированием участников прений, но сделал это сознательно: речь шла об оценке работы Института, и здесь следует быть точным. Обсуждение доклада оставило у меня и присутствующих на заседании сотрудников Института чувство удовлетворения. Поддержка Президиума АН СССР открыла и способствовала открытию новых направлений в работе. Резонанс от обсуждения был широким и способствовал повышению спроса на издания Института.

Дирекция Института рассмотрела Постановление Президиума и составила план реализации содержащихся в нем поручений, определивших его развитие на ближайшие годы. Было принято решение приступить к публикации серии реферативных сборников под общим заглавием «Проблемы истории и теории международных отношений». Главным редактором этой серии дирекция утвердила Р.А. Сергеева. Одновременно он был избран членом Ученого совета Института. В это время Ростислав Александрович перешел в МИДе на другую работу – стал заместителем заведующего Отделом планирования дипломатических мероприятий. Сотрудничество с ИНИОН прямо соответствовало его служебным интересам. Он составил перспективный план публикаций в новой серии. Первые восемь сборников рефератов были подготовлены под руководством Сергеева. К этой работе он привлек многих выпускников МГИМО, работавших в МИДе. Сотрудники советских посольств, приезжавшие или возвращавшиеся в Москву, привозили с собой интересные книги по международным вопросам (американские, канадские, английские, французские и т.д.). Ростислав Сергеевич старался не пропустить возможность отразить эти свежие публикации в редактируемых им изданиях. Большой интерес у читателей вызвали сборники: «Внешнеполитические конфликты и политические кризисы» (в 2-х ч.), 1979 г.; «Вопросы внешнеполитического прогнозирования», 1980 г.; «Вопросы теории и практики дипломатических переговоров в зарубежных исследованиях», 1981 г. и др.

В 1980 г. Р.А. Сергеев был назначен Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Мексике. Перед отъездом он рекомендовал в качестве главного редактора серии доктора экономических наук А.В. Сергиева, работавшего в одном с ним Отделе МИДа, который активно включился в работу, руководствуясь ранее разработанным перспективным планом. В течение семи лет вышло еще 22 сборника. Среди них появились публикации по междуна-

родным экономическим вопросам, отражавшие и научные интересы нового главного редактора. Последний сборник в этой серии «Критика буржуазной историографии основных направлений развития международных отношений (1945–1985)» Институт издал в 1987 г. Эти публикации пользовались широким читательским спросом.

Возрастающий интерес к деятельности ИНИОН позволил установить творческие связи между производителями информации и ее потребителями. В 1975–1977 гг. все серии реферативных журналов обсуждались во многих университетах и других вузах. Такие читательские конференции состоялись в Москве, Ленинграде, Казани, Новосибирске, Алма-Ате, Киеве, Минске, Баку, Ереване, Тбилиси, Ташкенте, Фрунзе и других городах. Они принесли несомненную пользу для каждой из сторон, позволили внести ряд полезных корректив в информационную деятельность Института, привлечь ученых вузов к информационной работе. В результате свыше 700 профессоров и преподавателей высшей школы стали выступать в качестве нештатных референтов ИНИОН.

Следует отметить, что коллегия Министерства высшего и среднего специального образования СССР в июле 1975 г. проанализировала результаты взаимодействия вузов с ИНИОН. В принятом решении указывалось, что подготавливаемые специально для вузов информационные материалы способствуют повышению теоретического уровня учебного процесса. Такая же оценка содержалась и в Рекомендациях, принятых Всесоюзным совещанием заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений страны в сентябре 1976 г. /.../

В информационной деятельности Института была определена роль Фундаментальной библиотеки ИНИОН. Научная библиотека рассматривалась как часть общей системы информационного обеспечения науки. Ее важная задача – максимально облегчить поиск необходимой литературы. В читальных залах и кабинетах были сконцентрированы энциклопедии, справочники, статистические ежегодники, а также научная литература. Для читателей организовывались постоянные выставки новых поступлений литературы. Ежегодно научным учреждениям и читателям выдавалось более 30 тыс. справок. Научный работник мог заказать ксерокопию необходимого ему документа (статьи, статистические таблицы и т.д.). В библиотеке стали действовать межбиблиотечный, междугородный и международный абонементы, через которые удовлетворялись запросы читателей на литературу, отсутствующую в

фондах ИНИОН. Читатели библиотеки и ее отделений пользовались также услугами индивидуального абонемента – могли брать книги на дом.

Институт располагал богатейшим фондом литературы. В книгохранилищах ИНИОН и его отделений в академических институтах г. Москвы в те годы находилось свыше десяти миллионов единиц печатной продукции (книг, брошюр, номеров журналов, газет и т.д.). Более половины этого фонда составляли зарубежные издания. Лучшей в стране являлась коллекция парламентских отчетов и сборников дипломатических документов. Издания Лиги Наций, ООН, МОТ, ЮНЕСКО и других международных организаций имелись в полном комплекте. Институт располагал хорошо подобранным фондом библиографических и справочных изданий.

С каждым годом интерес к деятельности ИНИОН, его информационным ресурсам возрастал не только среди научных работников и преподавателей общественных дисциплин в высших учебных заведениях Москвы, но и других научных центров страны. В читальных залах библиотеки ежегодно работало до 5000 преподавателей, научных работников и аспирантов, приезжавших в Москву из различных городов. На основе информационных изданий и фондов библиотеки ИНИОН ими было написано много тысяч монографических исследований, а также кандидатских и докторских диссертаций по всем направлениям социального и гуманитарного знания.

В Институт привлекали не только новинки отечественной и зарубежной литературы, богатые научные фонды, многочисленные информационные издания, но и возможность встретиться с коллегами по научной работе. Для многих читателей Институт превратился в своеобразный клуб. Наличие уютных холлов способствовало обмену мнениями как по научным, так и по политическим вопросам (что особенно было характерно для 80-х годов). Нередко в малом конференц-зале по инициативе отделов Института проводились встречи с писателями, известными социологами, политологами, философами. Велись оживленные дискуссии. Все это способствовало созданию в Институте творческой научной обстановки.

Развитие информационной работы потребовало от Института изменения методов и принципов отбора иностранной литературы. Институт начал комплектовать иностранную литературу по выпускавшимся за рубежом проспектам, анонсам, каталогам. Наряду с сотрудниками библиографического отдела в отборе книг для за-

купки принимали участие и научные работники реферативных подразделений.

Большое значение приобрел международный обмен научной литературой. ИНИОН установил постоянные контакты, связанные с обменом литературой, с 1557 различными организациями 66 государств. По этим каналам Институт получал в год более 24 тыс. книг и периодических изданий. Естественно, что это делалось на основе взаимности – соответствующее количество книг и журналов направлялось из ИНИОН в зарубежные страны. Наиболее крупными партнерами ИНИОН в Западной Европе в тот период стали Италия, Франция, Великобритания, ФРГ, Бельгия, Финляндия, Швеция и т.д.

Важно отметить, что Институт стал ежегодно получать для пополнения своих фондов официальные материалы (парламентские отчеты и статистические документы) от всех европейских социалистических стран, а также от Австрии, Дании, Италии, Норвегии, Финляндии, Франции, Швеции.

Особенно эффективные контакты сложились у ИНИОН с германской фирмой «Кубон и Загнер» в Мюнхене, которая специализировалась на обеспечении библиотек стран Западной Европы научной литературой, публикуемой в социалистических странах. В СССР ее главным партнером стал ИНИОН. С владельцем фирмы Отто Загнером познакомился вскоре после назначения на должность директора. Он производил впечатление делового и весьма доброжелательного человека. Мы быстро договорились о расширении контактов и заключили соответствующее соглашение. ИНИОН взял на себя обязательство выполнять заказы фирмы Загнера на советские научные книги, включая букинистические, а наш новый партнер – продажу изданий ИНИОН в странах Западной Европы и приобретение для библиотеки Института книг по социальным и гуманитарным наукам. /.../

Я лишь вкратце рассказал здесь о том, какие усилия были предприняты коллективом Института для создания информационной системы в области общественных наук и каких результатов нам удалось добиться за сравнительно короткие сроки. Развитие и формирование Института как крупнейшего не только в СССР, но и в мире информационного центра по общественным и гуманитарным наукам составляли на протяжении более четверти века основное содержание моей работы в качестве директора.

Деятельность Института привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. За пять лет его посетили мно-

гие десятки различных делегаций. В 1974 г. дирекция завела «Книгу отзывов» для почетных гостей. В ней содержится более ста записей. Приведу лишь отдельные из них, показавшиеся мне наиболее характерными.

Одним из первых оставил свою запись академик В.А. Трапезников. Она содержит несколько слов, что характерно для представителя точных наук: «Очень интересный, нужный и перспективный Институт. Больших успехов всему коллективу!»

Директор Департамента научно-технической политики ЮНЕСКО Де Чемптин от имени Генерального директора написал: «Посещение Института произвело на меня глубокое впечатление. Здесь проводятся работы, вклад которых в дело мира и взаимопонимания между народами не замедлит сказаться в скором времени».

Впечатляющую запись оставил президент Международной ассоциации по экономической истории профессор П. Матеис: «Посетив Институт, я понял, что в мире это самый крупный и наилучшим образом организованный Институт информации по общественным наукам. Распространение научной информации создает общую основу сотрудничества со всеми странами...»

Весьма эмоциональна запись директора французского Института общественного мнения профессора Жана Стецеля: «К нашей многолетней дружбе с директором и основателем этого Института я присоединяю теперь чувство восхищения».

Листая «Книгу отзывов», я с гордостью читал многочисленные записи, вспоминал друзей, совместные работы в области информации, начало которым положило посещение зарубежными коллегами нашего Института. /.../

Автоматизация информационных процессов – введение времени

В середине 70-х годов одной из перспективных задач, стоявших перед ИНИОН, стала разработка концепции автоматизации информационных процессов и практическое ее осуществление. Было очевидно, что повышение качества изданий на всех уровнях и координация усилий всех органов информации по общественным наукам должны в современных условиях сочетаться с подготовкой условий для применения автоматизированной системы обработки, хранения, поиска и выдачи информации. Совершенствование существующих и развитие новых форм информационного обслуживания становилось невозможным без широкого использования

ЭВМ, средств связи и микроносителей информации. Это подтверждал уже накопленный отечественный и зарубежный опыт применения современных технических средств в крупных библиотеках и органах информации.

На основе этого опыта Институт в 1976 г. приступил к разработке концепции «Интегральной автоматизированной информационной системы ИНИОН» (ИАИС) и технического задания на автоматизированный выпуск информационных изданий Института. В условиях научно-технической революции автоматизация информационных процессов являлась неперенным условием дальнейшего успешного развития науки. Автоматизация требовала высокой культуры работы всего коллектива, преодоления психологических «барьеров», глубокого понимания стоящих задач. Первостепенное внимание было уделено подготовке и переподготовке кадров специалистов применительно к новым задачам. В Институте вступил в строй вычислительный центр, оборудованный современной техникой.

Весь комплекс работ, связанный с автоматизацией информационных процессов в Институте, возглавил опытный программист кандидат физико-математических наук В.Р. Хисамутдинов, рекомендованный мне академиком А.Н. Тихоновым, крупнейшим специалистом в этой области.

Новые технические средства позволяли Институту улучшить издание реферативных журналов и библиографических указателей, обеспечить выпуск информационных материалов на микрофишах. Все текущие ежемесячные аннотированные указатели литературы стали выпускаться в автоматизированном режиме. Ежегодный ввод документов в ИАИС составлял 200–220 тыс. В тот период это считалось большим достижением. То, что сегодня очевидно, в 70-е годы рассматривалось как важная и сложная задача. Без ее решения был бы невозможен выход на нынешние информационные просторы.

Появление в 1977 г. первых микропроцессоров ознаменовало новый, очень важный этап развития информационной технологии. Этот этап получил название «микропроцессорная революция». В настоящее время микропроцессоры – основные или составные компоненты всех производимых в мире ЭВМ и их периферийных устройств. Парк персональных компьютеров, используемых в науке, на производстве и в быту, во всем мире в описываемый период приближался к 20 млн. Современные персональные компьютеры имеют мощные операционные системы и дают возможность пи-

сать программы на всех языках программирования, доступных в больших ЭВМ. Использование в ИНИОН персональных компьютеров в информационной работе стало важнейшей задачей.

Персональные компьютеры впервые за всю историю человечества позволили резко повысить производительность труда гуманитариев. Это связано, прежде всего, с использованием программ, обеспечивающих удобную подготовку, редактирование, корректуру и хранение любых текстов с возможностью их вывода через печатающие устройства при качестве, не уступающем хорошим машинописным оригиналам. А при условии вывода этой информации через устройства электронного фотонабора – на уровне самых высоких полиграфических требований.

В марте 1978 г. на годичном Общем собрании Академии наук СССР было решено продемонстрировать из Дома ученых доступ по телефонному каналу связи в автоматизированную базу данных ИНИОН. Этот эксперимент оказался удачным. Он вызвал большой интерес у ученых. Поиск велся по задаваемым вопросам, и тут же делалась бумажная распечатка полученной информации о книгах и статьях. С работой автоматизированной системы познакомились президент Академии А.П. Александров и другие участники Общего собрания. Вице-президент Академии А.В. Сидоренко сделал запрос о литературе, касающейся нефтяных разработок на Среднем и Ближнем Востоке. Запрос был не совсем по профилю Института, но тем не менее в базе данных оказалось 11 соответствующих книг. Александр Васильевич заинтересовался одной из них на английском языке и попросил срочно прислать ее для ознакомления. Это была первая в Академии наук такого рода демонстрация.

В дальнейшем в автоматизированной сети ИНИОН было зарегистрировано 96 организаций-пользователей, а число выданных паролей для вхождения в базы данных достигло 120. Автоматизированные базы данных ИНИОН привлекли внимание информационных центров зарубежных стран, что способствовало дальнейшему развитию международного информационного сотрудничества. К 1990 г. в 13 базах данных ИНИОН насчитывалось уже около одного миллиона библиографических записей. Особой популярностью пользовалась база данных по экономике.

В новых условиях большое значение имела доступность каналов связи для передачи данных и изображений, широкое распространение персональных компьютеров, оснащенных средствами сопряжения с информационными сетями через телефонные каналы

связи. Без этого нельзя было обеспечить качественное совершенствование деятельности информационных центров, их международной кооперации, образования информационных сетей. Развитие информационных центров на базе новейших информационной техники и технологии становилось одним из важнейших факторов научно-технического и социального прогресса.

Задачи создания многоаспектной информационной системы ИНИОН, автоматизированной обработки и выдачи информации, многие другие проблемы, поставленные в моем докладе на Ученом совете ИНИОН при вступлении в должность директора Института в марте 1972 г., были успешно выполнены и фактически сделано гораздо больше, чем первоначально планировалось. Не раз мне приходилось принимать новые решения, подсказываемые уже накопленным опытом информационной работы.

Весьма полезным было ознакомление с зарубежным опытом в данной области. В этих целях я специально выезжал во Францию и США, где посетил многие информационные центры, в которых, прежде всего, изучал передовые методы автоматизации информационных процессов. Широко использовал зарубежный опыт главный конструктор АИС В.Р. Хисамутдинов. Я всячески поощрял его стремление к поддержанию институтской ИАИС на мировом уровне.

На этих страницах не ставилась задача описать всю историю становления ИНИОН, его роль в развитии социального и гуманитарного знания, в организации многочисленных конференций, симпозиумов, летних школ и осуществления различных проектов. По этим вопросам имеются многочисленные публикации, как мои, так и других авторов, посвященные ИНИОН и общим проблемам информационной деятельности, включая компьютеризацию информационных процессов.

Координация информационной деятельности – одна из основных задач Института

ИНИОН был создан не просто как еще один из академических институтов: на него был возложен целый ряд дополнительных функций, выходящих за рамки Академии наук СССР. В их числе: координация и обобщение опыта научно-информационной деятельности в области общественных наук в стране; проверка заказов зарубежной литературы различными ведомствами через

«Международную книгу»; депонирование неопубликованных работ по общественным наукам и выдача их копий.

К выполнению этих задач, особенно первой, Институт сразу приступить не мог. Следовало сначала накопить опыт информационной деятельности, разработать концепцию всесоюзной информационной системы и, наконец, что очень важно, завоевать авторитет внутри страны.

Такие условия стали складываться после развертывания деятельности Института в новом здании. Уже в декабре 1974 г. Институт провел Всесоюзное совещание с повесткой дня: «Актуальные проблемы развития и координации информационной работы в области общественных наук». Совещание было весьма представительным по составу участников и полезным по его результатам. На нем обсуждался широкий круг вопросов, охватывавших все стороны развития информационной работы на различных ее уровнях.

Принятые совещанием рекомендации были разосланы всем его участникам. Руководствуясь ими, ИНИОН разработал «Типовое положение об отделе научной информации по общественным наукам при Президиуме Академии наук союзной республики» – республиканского Центра научной информации по общественным наукам.

В ноябре 1975 г. в Ереване состоялось второе совещание представителей информационных центров академий наук союзных республик. В нем приняли участие представители всех республик и отдельных отраслевых центров информации. Большую работу по подготовке совещания осуществил заместитель директора ИНИОН Л.С. Кюзаджян.

В моем докладе «Всесоюзная система информации по общественным наукам» были подведены первые итоги работы, осуществленной после московского совещания, и отмечено, что ИНИОН, опираясь на отраслевые и региональные информационные органы, информационные подразделения отдельных ведомств и учреждений, уже осуществляет сбор, обработку, хранение и распространение информации по основным направлениям общественных наук.

Главными опорными звеньями создаваемой информационной системы в союзных республиках, отмечалось в докладе, должны были стать республиканские центры научной информации по общественным наукам. В РСФСР соответствующие информационные органы регионального характера планировалось прежде всего создать в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Казани, Свердловске, Но-

восибирске, Иркутске, Владивостоке, а также в некоторых городах, где действуют филиалы АН СССР и ее Сибирского отделения.

Речь шла о формировании системы органов информации, имеющей в своем составе 30–35 учреждений. Такая организационно взаимосвязанная система была способна на должном уровне обеспечить потребности в информации всех обществоведов. Она представлялась нам оптимальной. Я исходил из того, что все информационные функции органов научной информации следует строго разграничить. И прежде всего это относится к информационным изданиям, где дублирование особенно неоправданно, связано с крупными материальными потерями. Каждый орган информации должен иметь свой «участок» и делать то, что он способен делать лучше, чем другие.

Наши усилия по координации информационной работы в области общественных наук преследовали цель усиления сотрудничества между органами информации, расширения выпуска совместных с ними информационных изданий. Ведущаяся по единому плану и по единой методике информационная работа облегчила в дальнейшем решение в республиках проблем автоматизации информационных процессов.

В ходе дальнейших координационных совещаний, которые были весьма полезны, стало ясно, что их участники рассматривают ИНИОН как центральный орган научной информации по общественным наукам и готовы принять его руководство, рассчитывают на помощь, на совместное развитие информационной деятельности. /.../

Моя работа в должности директора подходит к концу

В начале 1995 г. Президиум РАН принял постановление об объявлении конкурса во всех институтах, где пятилетний срок работы директоров истек. В ИНИОН конкурс был объявлен в апреле. Через два месяца коллективу научных работников Института предстояло избрать нового директора. Если конкурс по какой-либо причине не мог состояться, Президиум РАН вправе был назначить меня исполняющим обязанности директора еще на два года. Состоится конкурс или нет, во многом зависело от моей позиции – коллектив Института не хотел смены директора, меня уговаривали остаться еще на два года. В случае моего согласия, заверяли меня научные сотрудники, на собрании они будут голосовать против

любого кандидата, подавшего заявление на конкурс. Я колебался: с одной стороны, мне хотелось сосредоточиться на научной работе, а с другой – в тот момент не видел достойного кандидата на должность директора.

Во время очередной встречи с Юрием Сергеевичем Осиповым он дал понять, что хотел бы видеть меня в должности директора еще два года. Я поблагодарил, но ответил, что не принял еще для себя окончательного решения. Вскоре я уехал в санаторий «Барвиха». Там встретился с академиками Н.Г. Басовым, Г.И. Марчуком и К.В. Фроловым. Во время разговора о предстоящем конкурсе они стали мотивированно уговаривать меня, если возникнет возможность, обязательно остаться директором еще на два года. Сказали, что в Академии это происходит довольно часто. Приведенные аргументы были убедительными, и я принял решение последовать их совету. /.../

Получилось так, что дополнительно в должности директора я проработал два с половиной года. Это позволило продолжить развитие начатых при мне новых направлений в информационной деятельности. Кроме того, что очень важно, я, наконец, увидел в составе научных сотрудников возможного моего преемника на посту директора Института. Свой выбор остановил на Юрии Сергеевиче Пивоварове – заведующем Отделом государства и права, заканчивавшем подготовку докторской диссертации, которую он успешно защитил в конце 1996 г. За двадцать лет работы в Институте он проявил себя как талантливый научный работник, обладающий широкими знаниями в области отечественной и зарубежной истории, а также политологии. В коллективе Института Юрий Сергеевич пользовался устойчивым авторитетом. Он был в расцвете сил – ему исполнилось только 46 лет.

В конце 1996 г. в связи с 75-летием со дня рождения я был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Судя по номеру ордена, он вручался нечасто. Это была действительно высокая награда. Через несколько месяцев – 15 февраля 1997 г. – исполнилось 25 лет со дня моего вступления в должность директора. Это был своеобразный юбилей, и я решил объединить и отметить оба события. Был отпечатан специальный билет, в котором я приглашал коллег и друзей 20 февраля в период с 12 до 17 часов приехать в Институт для товарищеской встречи. Первыми, начиная с 11 часов, начали меня поздравлять представители отделов Института. Позвонил по «вертушке» Юрий Сергеевич

Осипов, отметивший, что не часто ученые столько лет успешно возглавляют академические институты.

Гости заходили в кабинет и по одному, и по двое, и целыми группами. За порядком наблюдала моя бессменная помощница Валентина Васильевна Савина. Она же «организовала» и красивый стол. Всех фотографировали. Среди гостей были многие члены Отделения истории, директора институтов, входивших в другие отделения, вице-президент РАН В.Н. Кудрявцев, сотрудники аппарата Президиума РАН, мои товарищи по Институту международных отношений С.К. Романовский, Г.И. Морозов, Ю.В. Зотиков, Г.П. Куропятник и многие другие. Пришли мои сыновья Андрей и Алексей. Марианна испекла очень вкусные пирожки, но сказала, что поздравлять меня будет дома. Произносили тосты. С каждым я чокался и пригубливал «коньяк» (на самом деле это был крепкий чай). Количество подаренных букетов непрерывно росло, и скоро кабинет стал выглядеть как цветочная лавка.

Вечером в кабинете собрались члены дирекции Института и сотрудники, помогавшие в организации моего праздника. Удивительно, но я не чувствовал себя уставшим. Поблагодарил всех за поздравления и помощь и впервые за этот день выпил рюмку настоящего коньяка. /.../

В мае Российская академия наук готовилась к проведению очередных выборов действительных членов и членов-корреспондентов. Особенность данных выборов состояла в том, что часть вакансий предназначалась для ученых не старше 55 лет. Это повышало шансы быть избранными для молодых ученых. В ИНИОН Ученый совет выдвинул Ю.С. Пивоварова для избрания членом-корреспондентом РАН по Отделению истории на вакансию «отечественная история». Выборы в Отделениях проходили в конце мая. Юрий Сергеевич был избран кандидатом в члены-корреспонденты в Отделении и 30 мая утвержден на Общем собрании. Это явилось большим событием в его жизни, но было очень важно и для меня – теперь я не сомневался, что на предстоящем конкурсе с его избранием на должность директора ИНИОН не возникнет никаких трудностей. Кроме того, очень важно, что Институт будет возглавлять член Академии.

Мой дополнительный двухгодичный срок работы на посту директора Института заканчивался 28 июня 1997 г., и я был готов сложить с себя эти полномочия. В период июля-августа конкурс не проводился. Следовательно, его могли объявить только позднее. В сентябре я был приглашен во Францию профессором Морисом

Эмаром для научной работы. После моего возвращения Ю.С. Пивоваров был назначен заместителем директора Института. Я считал целесообразным, чтобы Юрий Сергеевич несколько месяцев проработал в этой должности, вплотную ознакомился с деятельностью дирекции. Именно поэтому я попросил академика В.Н. Кудрявцева отложить объявление конкурса до декабря. «Переходный период» от заместителя до директора Института, хотя и был коротким, оказался для Пивоварова полезным. Заявлений об участии в конкурсе от других ученых не поступило. Ю.С. Пивоваров был избран собранием научных сотрудников директором ИНИОН почти единогласно. Это произошло 24 февраля 1998 г.

Никакой ностальгии по оставленной должности директора я не испытывал. Между Юрием Сергеевичем и мной сложились отношения полного взаимопонимания. В текущие дела я, разумеется, не вмешивался, но когда требовались мой совет или помощь, Юрий Сергеевич ко мне обращался, мы вместе обсуждали сложившуюся ситуацию или действия, которые следует предпринять. Я рекомендовал ему оставить Валентину Васильевну Савину в качестве помощника директора, за что он меня потом неоднократно благодарил. Отношение ко мне в коллективе не изменилось. Я всегда во всех вопросах продолжаю находить взаимопонимание, а в случае необходимости и помощь.

Пятилетний срок полномочий Ю.С. Пивоварова истек в 2003 г. Снова был объявлен конкурс. Пять лет работы Юрия Сергеевича в должности директора подтвердили правильность моего выбора. В очень непростых условиях он быстро освоился с новыми обязанностями и много сделал для обеспечения нормальной работы Института, несмотря на постоянно испытываемые финансовые и другие трудности. Заметно повысился и содержательный, и полиграфический уровень информационных изданий, появились информационные новинки. В Институте было проведено несколько интересных научных конференций, получивших в стране широкий резонанс. Было сделано и многое другое. На конференции научных сотрудников Института 10 апреля 2003 г. деятельность Юрия Сергеевича в качестве директора получила высокую оценку, и он был рекомендован в качестве кандидата на должность директора на новый пятилетний срок. Президиум РАН 27 мая единогласно утвердил его в этой должности. /.../

Все человеческие потери перечислить на страницах воспоминаний невозможно, но не могу не сказать доброе слово о тех

коллегах, с которыми особенно тесно сотрудничал, создавал Институт, делил и радости и горечи.

Более четверти века проработал с Леонидом Константиновичем Шкаренковым. Он был одним из тех сотрудников, на которых я опирался в создании системы информационных изданий. Опыт Леонида Константиновича в области научной журналистики и издательской деятельности был исключительно весом.

Меня и Леонида Константиновича сближало многое, в том числе и переплетение дат и событий автобиографического характера: мы родились в 1921 г.; оба в 1936 г. вступили в комсомол; в 1939 г. закончили десятилетку и были призваны на действительную военную службу в Красную Армию. В 1940 г. я участвовал в освободительном походе Красной Армии в Бессарабию, а Леонид Константинович находился в войсках, введенных в Прибалтику. Боевое участие в Великой Отечественной войне мы приняли 22 июня 1941 г.; в 1942 г. вступили в партию; оба, несмотря на ранения, остались живы. Нам повезло – большинство наших сверстников, призванных в армию в 1939 г., погибли.

Большие знания, широта взглядов Леонида Константиновича привлекали многих. Я не раз обсуждал с ним самые острые вопросы, связанные с политической и экономической ситуацией в стране и в период горбачевской перестройки и после прихода к власти Б.Н. Ельцина.

В 1990 г. ушел из жизни профессор Николай Никанорович Разумович. Это была тяжелая, трудно восполнимая утрата. Он начал работать в Институте в 1976 г. уже будучи зрелым ученым и много сделал для развития правового и политологического направлений в информационной деятельности, внес свежую струю в работу Ученого совета, большое внимание уделял научному росту молодых научных сотрудников. С его именем связано дальнейшее развитие международных научных связей Института. В коллективе Николая Никаноровича уважали, считались с его мнением. Он был очень интересным, вдумчивым собеседником.

В 1999 г. не стало Вильяма Ризатдиновича Хисамутдинова – главного конструктора АИС ИНИОН. Им было очень много сделано для автоматизации информационных процессов в Институте и в центрах информации академий наук союзных республик. Академик А.Н. Тихонов, рекомендуя его на работу в Институт, назвал «звездой первой величины» в вопросах автоматизации. Рекомендацию академика он вполне оправдал, работал самоотверженно и очень эффективно. Уход Вильяма Ризатдиновича из жизни был

неожиданным, я его тяжело переживал. Трудно прожить в последний путь человека, с которым связано столько лет совместной работы в Институте, поиски и интересные решения, воплощение в жизнь многих пионерских начинаний в области автоматизации.

В 2001 г. не стало Вадима Александровича Глинского, проработавшего в Институте более 30 лет. Он был крупным специалистом в области каталогизации, очень энергичным человеком, всегда жившим интересами всего коллектива. Им было много сделано в период освоения нового здания Института. Вадим Александрович всегда был безотказен в работе, принимал активное участие в общественной жизни. Его знали, уважали, любили.

В начале 2004 г. внезапно скончался профессор Федор Михайлович Березин, с 1972 г. возглавлявший в Институте Отдел языкознания. Он был человек с тяжелой судьбой – его жизнь можно назвать подвигом. В школьные годы в результате несчастного случая он потерял ноги. Эта трагедия не сломила его, он успешно окончил школу и нашел силы уехать в Москву учиться. Федор Михайлович никогда не говорил о своей инвалидности. Шли годы, и он стал доктором филологических наук, известным лингвистом, пользующимся большим уважением среди российских и зарубежных коллег. Публикуемые его Отделом информационные издания всегда пользовались большим спросом, широко использовались в учебном процессе в средней и высшей школе. Федор Михайлович навсегда останется в нашей памяти не только как крупный ученый, но и как очень добрый, приятный человек и верный друг.

С именем Лидии Александровны Богдановой в Институте связано очень много. Она была до конца предана библиотечному делу, которому служила почти 50 лет. В ее обязанности входила организация работы двух читальных залов и пяти читательских кабинетов, абонементной службы. При ее активном участии в Институте было проведено более двухсот выставок отечественной литературы и многочисленные целевые выставки зарубежных книг. Их значение было очень велико – они открывали многим читателям целые пласты неизвестной ранее литературы по социально-экономическим и гуманитарным проблемам. Читатели знали и уважали Лидию Александровну, обращались к ней со множеством вопросов и всегда находили отклик, получали совет или помощь. Ее характерной чертой была высокая ответственность в работе. Вникая во все тонкости библиотечного дела, она действовала быстро, но без суматохи, всегда сохраняла спокойствие и достоинство.

В памяти всех сотрудников ИНИОН Лидия Александровна останется как человек, безгранично преданный любимому делу. Я ее звал «хозяйкой третьего этажа». Трудно до конца осознать размеры утраты. После ее ухода из жизни третий этаж осиротел.

В истории ИНИОН навсегда сохранятся имена М.П. Гапочки, Г.Г. Кричевского, В.П. Казакевича, И.А. Калоевой, С.К. Виленской и многих других сотрудников, заслуживших своим трудом всеобщее уважение.

С.И. Кузнецова

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ФБОН-ИНИОН

Когда я пришла в 1954 г. работать в ФБОН, директором был Виктор Иванович Шунков – гибкий, умный человек, настоящий русский сибирский интеллигент. Он заложил основы нынешнего коллектива ИНИОН.

Поступив в ФБОН, я вскоре стала заведующей Сектором востоковедения, причем вовсе не потому, что к этому стремилась. Просто умер прежний заведующий, пожилой и вполне традиционный человек. До этого у меня был только опыт преподавательской работы.

Защитив кандидатскую диссертацию в МГУ в 1950 г., я даже не пыталась остаться в Москве – это называлось «устроиться». Я не обладала такими возможностями и знакомствами. В МГУ после аспирантуры нас распределяли: вызывали на комиссию и предлагали вакансии. Мне предложили несколько городов, в том числе Баку.

И вот я четыре года прожила в Баку, преподавала в Азербайджанском государственном университете. От того, чтобы остаться в Баку на всю жизнь, меня спасло то, что там закрыли русское отделение, состав которого был интернациональным. После этого я на законном основании вернулась в Москву.

Нам следует помнить, что национализм возник не в 1991 г. Сейчас в этом отношении все стало резко меняться, но, например, в Азербайджане это началось еще при Гейдаре Алиеве. Тогда было строгое деление: ректор – азербайджанец, проректор – армянин или еврей, чаще армянин. Так, А.А. Арзуманян, первый директор ИМЭМО, был у нас проректором. В Баку в то время была большая армянская диаспора.

Национализм начался в СССР после 1924 г. вместе с размежеванием республик и приоритетом так называемых «титულных» наций. И по мере того как с помощью русских ученых постепенно выращивали национальные кадры, они становились начальниками, а дальше все зависело от личных качеств, понимали ли эти люди необходимость интернационального коллектива или начинали вытеснять инонационалов.

Так сложилось, что в ФБОН оказалось много людей, которые или не хотели, или по каким-то своим анкетным данным не могли «пробиваться» в более престижные институты. Так создавался коллектив ученых – не библиотекарей, а действительно ученых. Мы были тогда молодыми, и я помню, что у нас в секторе даже висел лозунг: «В библиотеке надо быть человеком, а не библиотечной крысой».

В большой степени это относилось к востоковедению. Тогда еще важность взаимоотношений с Китаем, с Востоком в целом как-то не очень понималась в верхах. И вот в Секторе востоковедения, который был тогда библиографическим, сложился коллектив из очень талантливых в научном плане людей. В том числе у нас работали будущие доктора наук, крупные специалисты, например, по Китаю – Виталий Рубин, по Индии – Клара Ашрафян.

Как-то в конце 1955 г. в ФБОН пришел профессор И.М. Рейснер из университета¹⁴. Он был из плеяды знаменитостей Московского университета. Очень интересный яркий человек, брат Ларисы Рейснер. Он хорошо и увлекательно читал лекции по Индии, на которые все с удовольствием ходили. И вот именно он попросил меня взять на работу своего молодого ученика, который работал «где-то корректором» (или что-то в этом духе). В общем, не по специальности. Разве можно было не взять того, за кого просил сам Рейснер?

Это был Леня (позже – Леонид Абрамович) Гордон, известный в будущем социолог¹⁵. Его очень ценили в ИМЭМО, где он работал последнее время. Он был одним из нескольких ведущих социологов, которые занимались у нас рабочим классом. Начал с бомбейского пролетариата, а потом стал одним из организаторов

знаменитых обследований по Таганрогу и многое сделал для развития советской социологии.

Каков был состав сотрудников ФБОН? Когда я пришла в ФБОН, в ней были библиографические секторы по всем направлениям. Это наталкивало на мысль о том, что будущий институт может стать таким сосредоточием реферативной работы по многим направлениям. ФБОН при В.И. Шункове был единственной возможностью быть «при науке» для тех, кто не сумел попасть в профильные институты АН.

Шункову предложения нашего сектора об изменении библиографической работы (написание аннотаций, разметка статей в журналах для аннотаций, объединение в один бюллетень иностранной и русскоязычной литературы) понравились, хотя у других секторов на Ученом совете были возражения. Такая активность востоковедов объясняется тем, что в нашей области всегда можно было более свободно высказываться. Ведь одно дело – высказать нестандартную «крамольную» мысль по истории России, а другое – сделать это в востоковедческой работе. Можно было многое написать, ссылаясь на специфику Востока, а потом «присадить» для прикрытия какую-нибудь марксистскую цитату...

Вообще, многие из востоковедов уходили в более широкую, а не чисто востоковедческую проблематику. Каковы были для этого предпосылки? Востоковедение – наука комплексная. Можно специализироваться по какой-то узкой тематике, по одной стране, но всегда была традиция комплексного изучения стран Востока. Поэтому здесь переходы в сферу более широких размышлений были более органичны, чем, например, допустим, для филолога стать историком. Это сказывалось и в востоковедческом образовании. Нас обучали в большом объеме экономическим реалиям, культуре, религии – все это у нас преподавалось, хотя в довоенном востоковедении, наверное, более четко соблюдались грани. В 1960-е годы атмосфера стала более свободной и такие переходы были не столько часты, сколько осуществимы. Так, Л. Гордон, будучи учеником востоковеда Рейснера, стал писать по проблемам рабочего класса. Для него в научном отношении это был радикальный переход. Заниматься рабочим классом Индии, не проводя обследования в стране, – это ведь не настоящая социология. Именно подобная ситуация привела его постепенно к уходу из востоковедения в социологию.

В научном плане у нас в секторе общение строилось по принципу: я вычитал то-то у того-то, и по этому поводу у меня

¹⁴ Рейснер Игорь Михайлович (1898/99–1958) – доктор исторических наук, профессор, один из основоположников отечественной индологии и афганистики. – *Прим. ред.*

¹⁵ Гордон Леонид Абрамович (1930–2001) – доктор исторических наук, в 1955–1961 гг. работал в Секторе востоковедения ФБОН. – *Прим. ред.*

другое мнение; тут же высказывались дополнительные взгляды. Представьте себе, ты сидишь в читальном зале в рабочее время, читаешь зарубежную литературу и вольно или невольно обдумываешь ее. Многое было вычитано из западной литературы и обсуждено в нашем коллективе.

Тогда ходили на работу каждый день и работали «от» и «до». Даже бросали какую-то жестянку в ящик, когда приходили. Поэтому было время не только работать, но и общаться. В нашем отделе это были не «бабские разговоры» про шляпки и прочее, а дискуссии о судьбах науки. Были разговоры и о будущем нашей Библиотеки, в том числе и об использовании опыта ВИНТИ, который к тому времени уже существовал. ВИНТИ ведь возник оттого, что наши власти решили, что нам нельзя отставать в области технических наук, чтобы люди знали, над чем работают на Западе и могли почерпнуть эти знания. А мы решили, что общественные науки тоже очень важны.

Помню, Леня Гордон как-то сказал: «Смотрите, какой у нас здесь коллектив и как нам здесь хорошо. Так вместо того, чтобы пытаться бежать в институты, давайте здесь создадим Институт». Он подал идею, а я понесла эту идею Виктору Ивановичу. Он без большого энтузиазма сказал, что, очевидно, это возможно, я мешать не буду, но и особенной помощи от меня не ждите. Но ведь главное – чтобы начальство не мешало. Это важная функция начальства – не мешать, а Шунков был достаточно умен для этого. Кроме того, он в это время уже был сильно болен. В 1967 г. он умер.

Несколько лет мы вместе с Софьей Константиновной Виленской и Клавдией Павловной Алексеевой вели предварительную работу по методическому обоснованию идеи института. Мне пришлось отложить свою докторскую защиту, потому что я писала огромное количество всех этих, как теперь понятно, псевдометодических обоснований. Они выглядели тем не менее очень солидно. Когда все это кончилось, я весь архив с наслаждением вынесла на помойку. Собралось много-много папок. Я писала общие бумаги, С.К. Виленская – методические обоснования применительно к работе Библиотеки. После смерти Виктора Ивановича Шункова нас стала организационно поддерживать и Инесса Александровна Ходш, которая тогда была и.о. директора.

Я писала в бесконечных «обоснованиях», что создание предлагаемого нами научного центра даст возможность выпуска реферативных журналов по различным общественным дисциплинам.

Мы сразу ставили так вопрос и даже силами сектора выпустили пробный реферативный журнал по Индии¹⁶.

В это время ВИНТИ уже выпускал журналы, но там были небольшие аннотации, а у нас речь шла о настоящих рефератах. Мы доказывали, что по общественным наукам нужно обязательно писать развернутые рефераты.

Идея была благородная. По опыту своей работы в Баку я хорошо знала про отсутствие новейшей научной литературы на периферии. Баку вроде бы большой город, столица Азербайджана, но нужной, особенно иностранной научной литературы все равно не было. На территории Советского Союза это было проблемой. Все что получали из-за рубежа, существовало всего в двух-трех экземплярах: что-то оседало во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, что-то в ФБОН – вот и все.

В самой идее рефератов не было ничего нового, новое состояло в том, что они должны быть такими развернутыми. Мы хотели делать такие рефераты, чтобы они могли заменить людям книгу и не надо было бы тратить свой отпуск на то, чтобы ехать в Москву и там что-то срочно «начитывать».

Как на периферии преподаватели читали лекции? Брели брошюры Высшей партийной школы и по ним готовились. Они же не были виноваты, что отсутствовала литература. А мы хотели дать им представление о первоисточниках. Чтобы заменить книгу, в реферате должны быть развернутые цитаты, которые преподаватель мог бы воспроизвести. Многие защитили диссертации, списывая с наших рефератов и не ссылаясь на нас. Ссылаться было необходимо, ведь именно так и было задумано – дать людям замену первоисточника. Тогда ведь Интернета не было, получали два комплекта журналов на всю страну. Настоящие труды по научным проблемам, когда требуется знать широкий круг научной литературы, могли писать только люди, которые выезжали за границу и могли купить там что-то или посидеть в библиотеке. Для простых смертных, тем более не в Москве, а даже и в Ленинграде, это было невозможно. Поэтому идея была такой – «понесем свет науки в массы», заменим первоисточники для всей армии советских ученых. И то, что ФБОН имел отделы по всем наукам, должно было способствовать такому эффекту. Ведь, в общем-то, общественные науки нуждаются в комплексности.

¹⁶ Индия: Реферативный журнал / ФБОН АН СССР, Институт народов Азии АН СССР. – М., 1961. – 240 с.

Идея наша была также и в том, что в будущем институте соберется особый коллектив, объединяющий подлинных ученых. И первые годы, пока у нас были деньги, действительно к нам приходили специалисты из разных институтов и за сравнительно небольшой гонорар, а больше из-за того, что мы давали им оттиск статьи или книгу, которые они иначе увидели бы не раньше чем через год, писали нам рефераты. В реферировании принимали участие видные специалисты. Так что для того времени идея была очень хорошая. Я понимаю значение новых СМИ, но дело в том, что должно смениться, наверное, два-три поколения, чтобы все научились не просто «рыскать» по Интернету, а действительно получать необходимую информацию по интересующей человека тематике и, самое главное, находить там новые идеи.

Итак, восемь лет я писала бесконечные обоснования о необходимости создания научного центра. Это был очень долгий бюрократический процесс. Все надо было согласовывать не в Президиуме АН СССР, а получить разрешение ЦК. Информация была идеологическим делом!

Пока шли эти бесконечные согласования, даже я при моей нелюбви к общению с сильными мира сего неоднократно ездила в ЦК к разным начальникам. Как только я собиралась ехать на Старую площадь, все в Секторе снабжали меня финансами. Там ведь буфет был роскошный и дешевый. С едой тогда было плохо, главное, что и достать ничего было нельзя. А буфетчицы были очень рады появлению таких, как я. Они все понимали, потому что сами жили в городе. Заевшиеся цеховские начальники брали еду в буфете по малости, поэтому я своими покупками помогала выполнить этим буфетчицам план.

Потом мы обращались и к академикам, которые могли своим весом поддержать нас в Президиуме, потому что там тоже надо было все доказывать.

В общем, это был долгий процесс. К моменту его завершения возникла проблема. Определяясь с выбором будущего директора института, мы остановились на Льве Петровиче Делюсине. Мы хотели, чтобы его назначили нашим директором. Этот выбор был нашим низовым решением – поехали к нему и предложили. Ведь, я повторяю, институт задумывался как своего рода маяк для провинции и вообще для обществоведов. Делюсин для этого очень подходил. Он был известным ученым-китаистом и одновременно работником партаппарата либеральной ориентации. Если бы он остался в Институте, он стал бы членом-корреспондентом и, воз-

можно, академиком. Но он оказался слишком свободомыслящим для начальства, которое победило в Президиуме АН. Я не помню, сколько он у нас пробыл директором, примерно год¹⁷. За это время он привел в Институт много интересных людей. Для нас было особенно важно, что пришли новые китаисты.

Тогда вице-президентом Академии наук был А.М. Румянцев. В то время в Праге издавался журнал, считавшийся рассадником свободомыслия, – «Проблемы мира и социализма»¹⁸. В нем печатались статьи, которые в газете «Правда» не прошли бы. Румянцев одно время был там то ли куратором, то ли редактором этого журнала и знал Делюсина по этому пражскому неортодоксальному изданию. Так вот, Делюсин считал, что и мы должны были внушать ЦК, правительству прогрессивные мысли под видом обзоров зарубежной литературы. Первое, что он сделал, это попросил каждый сектор написать обзор литературы по какой-либо общей проблеме. Потом, я помню, наш текст он принял, что было удивительно, поскольку мы давно этим занимались, а другие сам переписал. Он был широко образованным человеком, но, к сожалению, не прижился в «верхах» ЦК и АН, тогда как для Института, конечно, было важно, чтобы во главе его стоял человек, который может обеспечить покровительство «верхов», и, главное, нужно было достраивать наше здание, которое в то время представляло собой типичный советский долгострой.

Тогда и пришел наш многолетний директор В.А. Виноградов, с именем которого теперь во многом связывают создание Института. Он сделал очень многое, и прежде всего сохранил квалифицированные кадры прошлых лет.

Когда он увидел, как мы ютимся на улице Фрунзе, где район чудесный и здание у нас красивое, хоть и очень тесное, он сумел добиться денег для того, чтобы достроить наше здание в районе станции метро «Профсоюзная». Он все это сдвинул, и строительство пошло намного быстрее. Благодаря Виноградову ФБОН окончательно превратился в ИНИОН.

При нем мы переехали в новое здание, вышли первые три наших реферативных журнала – «Научный коммунизм», «Эконо-

¹⁷ Делюсин Лев Петрович – доктор исторических наук, директор ИНИБОН в 1970–1972 гг. – *Прим. ред.*

¹⁸ «Проблемы мира и социализма» – ежемесячный теоретический и информационный журнал коммунистических и рабочих партий, выходил в Праге в 1958–1990 гг. – *Прим. ред.*

мика», «Востоковедение и африканистика». Владимир Алексеевич сказал, что для того, чтобы оправдать получение денег, надо показать результат. К этому моменту были готовы востоковеды, экономисты и сектор научного коммунизма. Поэтому макеты первых трех журналов были изданы, и мы поехали их обсуждать, конечно же, в Ленинград. При всем том, что Москва – столица, мы всегда оглядывались на Ленинград, на ленинградских ученых. В Ленинграде было объединенное заседание представителей Ленинградского университета и Ленинградского филиала Академии наук. Все были безумно счастливы, что, наконец, мы будем знать, о чем пишут за рубежом. Тогда еще никто не мог представить, что наступит время Интернета.

Несмотря на то что главной нашей задачей было освещение происходящего за рубежом, мы должны были представлять в наших журналах и советскую науку. Поэтому начали издавать и зарубежную, и советскую серии.

При организации Института к нам пришло много людей широко подготовленных и свободно мыслящих. Все это было связано с ситуацией в стране. Задумывалось, что ИНИОН станет сосредоточием творческой мысли. Этот счастливый период продолжался так же, как и в стране в целом: это были 1960-е годы, «оттепель». Такой была «весна», начало ИНИОН.

В наши дни перед коллективом стоят новые трудные задачи. Их следует решать несмотря на все кадровые и финансовые сложности, используя богатый опыт превращения ФБОН в ИНИОН.

Л.П. Делюсин **СВОБОДНАЯ СРЕДА**

Я по образованию китаист, люблю Китай, и поэтому мне интересно все, что там происходит. Заниматься Китаем я начал с 1945 г., когда после войны поступил в Московский институт востоковедения на китайское отделение¹⁹. С тех пор изучаю его уже 60 лет. Биография моя сложилась так, что после института я сразу же попал в Китай в качестве корреспондента газеты «Правда», а с 1954 г. работал в той же должности в Москве.

Раньше было сложно изучать эту страну, потому что о Китае можно было писать только хорошее. Как корреспондент «Правды», я был обязан писать закрытые записки, которые шли в ЦК. И меня иногда даже ругали за то, что я пишу слишком антикитайские вещи. Хотя я любил Китай и писал то, что видел, а видел очень многое.

До сих пор стыжусь одного случая. Я написал брошюру о сложной борьбе с правыми элементами буржуазии. Это была целая кампания. Я, естественно, писал только по материалам китайской печати, потому что иначе опубликовать работу было невозможно. Старался представить ситуацию как можно объективнее, хотя и со строго марксистских позиций. Сейчас я бы переписал эту брошюру заново, потому что появилось много новых фактов. Ведь после этого прошло 50 лет.

В число правых элементов попали некоторые мои друзья. Да какие они были правые элементы, буржуазия тем более!.. Один мой хороший друг, который был в их числе, попал во время куль-

¹⁹ В 1921 г. все московские востоковедческие учебные заведения, включая восточные отделения в разных вузах, были слиты в Московский институт востоковедения (МИВ). В 1954 г. институт был закрыт. – *Прим. ред.*

турной революции сначала в лагерь, потом в деревню. Я с ним встретился снова только в 1980 г. Сейчас он умер. О нем я тогда ничего не писал, потому что иначе бы его еще сильнее травили. У меня вообще было много хороших друзей среди китайцев. Сейчас многие умерли или живут в Америке.

После работы в «Правде» я перешел в журнал «Проблемы мира и социализма». Тогда как раз набирали группу из 12–15 человек для работы на три месяца, чтобы сделать два первых номера. Меня вместе с Н.Н. Иноземцевым, будущим академиком, включили в эту группу. В 1958 г. мы поехали в Прагу, где предполагалось издавать этот журнал.

Почему журнал издавался именно в Праге? Первоначально в Белграде выходил журнал «За мир и демократию», который потом закрыли из-за событий в Югославии. После этого было решено выпускать издание, освещающее проблемы коммунистического и социалистического движения, в основном теоретические, но также и практические, чтобы статьи писались по свежим следам событий. Для издания журнала стали выбирать город, который был как бы «со стороны». Прага с этой точки зрения подходила. Чехи согласились и предоставили хорошее здание.

Журнал «Проблемы мира и социализма» приобрел репутацию относительно вольнолюбивого издания, когда его шеф-редактором был Алексей Матвеевич Румянцев. Я работал в журнале заместителем заведующего Отделом национально-освободительного движения. Заведующий – китаец – вскоре уехал, и я стал практически заведующим этим Отделом. Приходилось заниматься многими вопросами. Алексей Матвеевич очень ко мне благоволил и поручал многие вещи, относившиеся к Китаю. Поэтому у меня были широкие возможности для получения информации. Я участвовал во многих событиях, дискуссиях, переговорах, иногда в качестве наблюдателя.

Сперва ЦК попыталось взять Румянцева и редакцию журнала под свой контроль. Когда он начал посылать своих людей в командировки, со стороны ЦК жестко потребовали, чтобы это обязательно согласовывалось с Международным отделом. Румянцев же добивался, чтобы он мог самостоятельно решать, кого и куда посылать. Он стремился к тому, чтобы редакция и редколлегия сами решали вопросы, что писать, а что нет, и не подчинялись Международному отделу ЦК. Такая позиция, естественно, встречала противодействие. Я был одним из первых, кого он послал корреспондентом в Азию на фестиваль молодежи вместе с еще одним нашим

сотрудником. Потом я побывал в Египте, Судане, Сирии, Ираке, Индонезии, Китае, Индии, Корее, Монголии.

Румянцев вообще был очень хорошим человеком, широких взглядов, смелым. Начинать он с того, что работал в Ростове-на-Дону, преподавал политэкономии, был заведующим кафедрой политэкономии, потому что по образованию был экономистом. Работал в «Правде», потом в «Коммунисте», затем шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма». Такая вот карьера – вплоть до вице-президента Академии наук.

Алексей Матвеевич предложил мне остаться в редакции. Я согласился остаться на год, если потом он рекомендует меня в Академию общественных наук. Мне к тому времени надоела работа в «Правде», где мы засиживались до 4–5 часов утра. Газетное ремесло – жуткая работа. Надо сказать, у меня с Алексеем Матвеевичем вообще были хорошие отношения. Он не хотел меня отпускать из Праги. Но поскольку он мне обещал, то считал, что должен выполнить свое обещание. Он позвонил в Академию общественных наук и добился, чтобы меня туда приняли в 1959 г., причем даже без экзаменов, ибо я уже сдал кандидатский минимум.

Когда позже возникла идея образовать ИНИОН, именно он предложил мне возглавить этот Институт. Сперва я долго отказывался. В это время я уже был заведующим Отделом Китая в Институте востоковедения. По образованию я все-таки китаист и заниматься Китаем мне нравилось больше, чем решать любые другие проблемы. Но он меня уломал. А поскольку я его очень уважал, пришлось согласиться.

В Институт востоковедения я пришел после работы в ЦК. На работу же в Отдел ЦК²⁰ меня пригласили через год после моего поступления в аспирантуру Академии общественных наук. Как раз назревала полемика с китайцами, и понадобился китаист. Я же считался хорошим специалистом.

Я сказал возглавлявшему тогда этот Отдел Ю.В. Андропову, что подумаю, а сам пошел посоветоваться к Юрию Павловичу Францеву, который был тогда ректором Академии общественных наук. Мы с ним раньше вместе работали в «Правде» и были в хороших отношениях. Я к нему пришел и заявил: «Юрий Павлович, я не хочу идти работать в ЦК». Он мне в ответ: «Ты что, дурак, что

²⁰ Так в печати обычно называли Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма, желая замаскировать особые отношения КПСС с партиями стран советского блока. – *Прим. ред.*

ли? Куда ты потом пойдешь, если откажешься сейчас?» Говорю: «Я еще подумаю». «Нечего тебе думать», – подытожил Францев. Я пошел домой, а потом мне позвонили от Андропова, сообщив, что «мы берем Вас на работу, чтобы Вы там ни думали, – завтра выходите».

В Отделе ЦК КПСС в качестве консультантов числились тогда Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Г.Х. Шахназаров, О.Т. Богомолов. Первым консультантом был Лев Николаевич Толкунов, которого потом Андропов сделал своим заместителем. Мы работали в тесном контакте с сотрудниками Международного отдела, который возглавлял Б.Н. Пономарев.

В нашем Отделе была очень свободная атмосфера. С А.Е. Бовиным мы вообще стали большими друзьями. Когда он пришел в ЦК, мы стали тесно общаться. Это было в 1962–1963 гг. Недавно вышла книга воспоминаний о Бовине. У меня там тоже есть о нем большая статья.

Арбатов умел располагать к себе руководство, Бовин тоже. Андропов поощрял свободные дискуссии, но только в его присутствии, чтобы неллицеприятные вещи говорили только ему. Порой он предупреждал: «Ты только не говори об этом везде». Молчали о многом и Бовин, и Арбатов. Помню, однажды к нам пришел зам. главного редактора журнала «Коммунист» и услышал, как мы говорим с Андроповым о разных делах. Он пришел в ужас от этого свободомыслия и не мог понять, как можно выражать мнения, совершенно противоположные тому, что делается наверху. Так что, как это ни парадоксально, именно Андропов приучил нас к свободной мысли.

И при Б.Н. Пономареве было так же. Помню, как мы работали на даче Сталина в Кунцево. Пономарев устроил совещание, куда собрал всех консультантов. Он спровоцировал нас на откровенный разговор, настолько откровенный, что потом забрал у стенографистки записи и не дал ей расшифровывать. То есть бояться-то они боялись, а говорить нам, когда мы говорили это только им, не мешали. Почему Бовин впоследствии был вынужден уйти из ЦК? Потому что он написал своему приятелю несколько неприятных строк о Брежневе, о чем стало известно. И Бурлацкий попал в такую же историю.

Вот, например, события в Чехословакии. Слава богу, мне уже не пришлось работать в ЦК, когда наши войска вступили в Чехословакию. Бовин и другие выступали против, но все это было в рамках Отдела. А я уже был на свободе и мог выступать более-

менее свободно, хотя и в ограниченных условиях. Потому что говорить вслух об этом на общем партийном собрании было невозможно.

Тогда была такая обстановка. В.П. Лукин и еще один сотрудник, которые работали в «Проблемах мира и социализма», выступили против вступления наших войск в Прагу. Против этого также выступил корреспондент газеты «Известия» Б.С. Орлов²¹, которого отправили из Берлина в Прагу. Так их просто уволили с работы. Но все-таки после этого Лукина смог взять к себе на работу в Институт США и Канады РАН Георгий Аркадьевич Арбатов. А Орлова в 1969 г. устроили на работу в Институт конкретных социальных исследований (ныне – Институт социологии РАН), где директором тогда был А.М. Румянцев. То есть нельзя сказать, что все было по-старому, перемены были, потому что раньше их бы просто арестовали. Мы жили в переходный период, когда большой свободы не было, но все-таки можно было что-то говорить. И та информация, которая позже шла из ИНИОНа, приоткрывала нашим начальникам и работникам ЦК новые горизонты, мнения, идеи, которые помогали им задумываться о том, что такое социализм, что такое коммунизм, и что-то из этого как-то на них действовало.

Во время работы в ЦК мне часто попадались аналитические записки из ИМЭМО, которые поступали по заказу «сверху» или независимо от этого. Н.Н. Иноземцев, например, сам писал секретарям ЦК. Я знаю, что он выступал по многим вопросам и писал самому Брежневу. Но часто нас абсолютно не слушали наверху. А.Н. Яковлев, а он был тогда зам. зав. Отделом пропаганды ЦК, мне тогда как-то сказал: «Ты для секретарей ЦК больше шести страниц не пиши. Больше шести страниц они читать не могут».

У меня был такой случай с запиской нашего посла в Китае С.В. Червоненко. Он написал огромную записку на более чем 60 страниц для Хрущёва о полемике с китайцами, вернее, о том, что не надо этого делать. От Хрущёва она попала к Андропову, от Андропова – мне. Читал ее только я и докладывал Андропову по мере прочтения о том, что там написано. Со многим из того, что

²¹ Сейчас Борис Сергеевич Орлов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Западной Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Один из авторов настоящего сборника. – *Прим. ред.*

там было написано, он не соглашался. А согласиться не мог потому, что Хрущёв уже решил порвать с Китаем.

Или, например, Богомолов написал записку против вступления в Афганистан. Из Института востоковедения тоже об этом писали, Иноземцев также выступил против. Когда еще раньше Бовин выступил против ввода войск в Чехословакию, Брежнев ему сказал: «Ты что, хочешь уйти из партии?» Помню, как впоследствии во время моей поездки в ФРГ, директор института, в который я приехал, стал меня расспрашивать про вступление советских войск в Афганистан. Разве я мог ему напрямую ответить? Он понял, что я не одобряю этого, но я ему так это сказал, чтобы он не мог потом написать, что я высказал неодобрение.

Из ЦК я ушел сначала в закрытый Отдел Китая, который входил в структуру АН СССР и поставлял всякие справки для ЦК, МИД и КГБ. Там освободилось место зав. Отделом, и я уговорил Андропова, чтобы он меня отпустил. Юрий Владимирович сначала рассердился, а потом все же согласился со мной и решил отпустить. Я работал там какое-то время. Потом меня как либерала решили отсюда убрать и назначили другого заведующего. Я ушел в ИМРД (Институт мирового рабочего движения) АН СССР, затем в Институт востоковедения в Отдел Китая.

Когда в 1970 г. Румянцев настоял на том, чтобы я стал директором ИНИОН, я договорился с ним, что, оставаясь формально заведующим этим Отделом, не буду в этом качестве получать зарплату и перехожу работать директором ИНИОН.

Одна из любопытных деталей, связанных с моим назначением в ИНИОН. Когда меня назначали, то, естественно, утверждали в ЦК и сначала не хотели утверждать, так как у меня была слава либерального человека, но Румянцев настоял на моей кандидатуре. Я уже упоминал, что заведующим Отделом пропаганды ЦК был Александр Николаевич Яковлев. Он мне тогда сказал (мы с ним были близки одно время): «Тебя назначили в хорошее время. Мы как раз сейчас приняли решение о сужении закрытой информации. Но я не знаю, как ты будешь работать: с одной стороны, ты должен давать всем информацию, с другой стороны, ты не имеешь права ее давать даже академикам, а только в ЦК». На мой вопрос, как же мы будем работать, он ответил: «А вот так и работай. Не знаю, как ты выберешься из этой ситуации». Мы и старались работать, лавируя между наукой и идеологией, с помощью Румянцева, который поощрял нашу работу и всячески поддерживал Институт.

С одной стороны, тем, кто был у власти, хотелось иметь информацию, но с другой – хотелось, чтобы это была хорошая информация. Меня упрекали в том, что я даю «нехорошую» информацию. Я же исходил из того, что информация должна быть объективной. Это мне потом и поставили в вину. Например, один из упреков состоял в том, что в реферате на американскую статью Троцкий упоминался просто как Троцкий, без всяких ругательных эпитетов.

Таким было первое из обвинений в мой адрес, из-за которых я сам решил уйти из ИНИОН. Когда меня назначали директором, я сказал заведующему Отделом науки в ЦК, который меня утверждал, что не проработаю больше трех лет. Потому что работать в условиях, когда на тебя все время давят, очень трудно.

Обвиняли меня также в том, что я еврея Я.М. Бергера назначил зав. Отделом научного коммунизма. Как это может быть, что еврей возглавляет научный коммунизм? Я отвечал, что Карл Маркс тоже был евреем.

Яков Михайлович Бергер, специалист по Китаю, возглавлял у нас Отдел научного коммунизма, который давал информацию по существу антикоммунистическую и антисоветскую. Это не всем нравилось, потому что это была информация о том, что писали наши враги. Бергер был человек очень умный, разносторонний, поэтому я его пригласил заниматься научным коммунизмом, а не Китаем. Часто бывали такие случаи – приходила сотрудница из Отдела научного коммунизма (а у Я.М. был очень хороший отдел) и спрашивала: «Вот антисоветская статья. Как с ней быть?» Я отвечал: «Реферируйте, конечно, и мы ее пошлем в ЦК». Да, страх был у всех нас. Но мы все-таки старались делать все, что могли. В связи с этим бывали разные случаи. Мне ведь запрещали давать закрытую информацию даже академикам. Может быть, и надо было нарушить запрет ЦК, но я этого не сделал. Ведь для меня это было вопросом профессиональной этики.

На меня постоянно давили секретари ЦК КПСС, Московский городской комитет КПСС, райком нашего района. Эти три инстанции все время указывали, кого принять на работу, а кого уволить, причем зачастую при этом ссылались на КГБ. Был такой интересный случай, который мне помнится до сих пор. Мне позвонили и сказали, что КГБ требует увольнения одного сотрудника. Я вызвал этого товарища к себе и говорю: «Я Вас должен уволить, но Вы подавайте на меня в суд». Он подал в суд, и вскоре я получил постановление суда, что должен заплатить ему за пропущен-

ные месяцы. Тогда я позвонил в райком и сказал, что суд приказал мне восстановить его на работе. Иначе я должен буду заплатить ему за пропущенные месяцы. И они не стали мне возражать. Значит, это не КГБ требовал его уволить, а просто на него был донос.

Или был случай с Г.С. Померанцем. Он сидел в свое время в лагере и поэтому долго не мог никуда устроиться на работу. Наконец, он устроился в ФБОН. Меня вызвали в Московский комитет партии и показали записи выступлений Померанца, передававшиеся на радиостанциях «Свободная Европа» и «Свобода». А Померанц после XX съезда много выступал против Сталина, но в 1970-е годы это было уже не очень удобно. Тогда, при Брежневе, была интересная ситуация, когда против Сталина уже нельзя было говорить. На «Свободе» же просто взяли старые записи Померанца и стали их передавать по радио без его согласия. А поскольку я читал его записи раньше, то просмотрел их и сказал: «Так это же все старые вещи».

Мы решили (Софья Иосифовна Кузнецова мне в этом помогла) перевести его из референтов в библиографы, но оставили его в Институте и повысили зарплату. С одной стороны, понизили в должности, но с другой – стали больше платить. Он писал реферативные статьи очень быстро и грамотно, был прекрасным работником, и мне не хотелось с ним расставаться. Вот так мы порой выходили из положения.

Вообще сложное это было дело – заниматься в то время информационной работой. Сложность состояла в том, что информация, которую мы давали, у одних вызывала большой интерес, а у других – злобу. Нас обвиняли в том, что мы распространяем антисоветчину. Это сейчас даже фашистскую литературу издают. А раньше это было невозможно, тогда даже либеральная литература была под запретом. Помню, когда я был в Америке, меня провели в одну организацию, которая раньше занималась посылкой «нехорошей» литературы некоторым нашим ученым. Они и меня включили в этот список. Я потом одно время получал из Америки их посылки: Бердяева, Ильина и пр. А потом они прекратили свою деятельность, потому что все это уже было открыто у нас и в этом больше не было необходимости.

Так вот, когда они привели меня к себе, я просто растерялся. У них была огромная библиотека. Они говорят: берите все, что можете. А там были книги и Солженицына, и многих других. А Солженицын уже тогда был под запретом. Помню, однажды Булат Окуджава вез из Парижа книгу Солженицына и на границе по-

ложил ее сзади за рубашку под пиджак. А его заставили снимать с полки чемодан. И когда он полез за чемоданом, книга поползла вниз. Он испугался, что пограничники увидят у него Солженицына. Он говорил, что изворачивался, как мог, чтобы книга не попала им на глаза.

Я был просто ошарашен, когда увидел все эти книги и готов был все забрать с собой. Но мне, к сожалению, не в чем было все это везти. Тогда я смог взять с собой речи и статьи Солженицына. Почти все, что они потом мне посылали, приходило. Они занимались идеологической обработкой советских людей. Я получал от них литературу и на английском языке, и на русском. Это было в 1970-е годы.

Когда ИНИОН начал издавать рефераты объективистского характера, у одних они вызывали ненависть, а у других восторг. Многие реферативные издания издавались с грифом «Для служебного пользования».

Иногда мы особенно явно ощущали идиотизм нашего положения. Приведу пример. Поступали к нам разные словари, сборники, причем одни из них направлялись в открытый доступ, другие в спецхран. Или одни номера одного и того же журнала шли в спецхран, а другие в открытый доступ. Я звоню в цензуру, спрашиваю, нельзя ли все перевести в открытый доступ. Нет, говорят, вы можете из открытого доступа перевести в спецхран, но наоборот нельзя.

Мне запрещали пускать в библиотеку читателей без заявок от институтов. Даже в ФБОН мог записаться не каждый. Например, ко мне приходил академик М.Б. Митин. Он просил разрешения пользоваться литературой, которая находилась в закрытом хранилище. И я, еще кандидат наук, даже не доктор, должен был давать разрешение для академика на прочтение книг, находившихся в спецхране.

Был и такой случай. Мы рассылали свои реферативные материалы по различным региональным институтам. Однажды один французский ученый был в Ташкентском университете, и ему там показали закрытые материалы. Он приехал ко мне и задал вопрос, можно ли получить эти материалы. Я его спросил: «А откуда вы об этом узнали?» Он ответил: «Мне их показали в Ташкенте». Я сказал, что не имею права. Это же было закрыто за семью печатями! На местах иногда могли себе позволить показать иностранцу такие вещи. Но все равно это было наказуемо. И, кроме того, это ведь был вопрос профессиональной этики.

В свое время ФБОН для многих людей из нашей интеллигенции стал чем-то вроде ссылки. В библиографический отдел как бы «ссылали» умных людей, которые не могли устроиться в другие институты, и они становились библиографами. Разрешалось туда принимать и евреев. Были среди сотрудников и такие, которых увольняли из институтов за какие-либо диссидентские мнения, но я их принимал на работу. И когда вместо меня назначали В.А. Виноградова, я просил его оставить всех тех, кого я взял.

Чудесные, интересные люди работали там в мое время. Уникальная свободная среда. Умные люди, они знали иностранные языки, читали итальянские, немецкие, английские, американские журналы, что в то время было мало кому доступно. Они быстро делали свою работу, и у них оставалось время для того, чтобы заниматься тем, что было интересно им самим. Коллектив был очень большой. По американским социологическим понятиям институт не должен иметь больше 200 сотрудников. Директор должен знать каждого в лицо. В ИНИОН же я не мог всех знать в лицо, там было слишком много людей.

Был интересный случай, когда я принимал в качестве заведующего Отделом философских наук А.И. Ракитова²². Он был почти слепой. Рекомендовал мне его приятель из ЦК, который вместе с ним учился. Я ему говорю, как же я приму слепого человека, надо мной же будут потом смеяться. Он говорит: «Ты с ним поговори, а потом примешь решение». Ракитов работал со слуха. Так он и писал свои работы. Потом, после перестройки, Анатолий Ильич работал в администрации Ельцина. Очень интересный человек.

Александра Моисеевича Пятигорского я тоже принимал на работу. Но он работал у нас короткое время, потому что вскоре уехал в Англию. До этого он работал в Институте востоковедения и был диссидентом. Его провинность была в том, что он нарушил приказ директора Института востоковедения С.З. Гафурова и поехал на конференцию в Тарту к Ю.М. Лотману. И Гафуров уволил его за это. Он остался без работы. А тогда остаться без работы означало считаться тунеядцем. Человек мог быть сослан куда-нибудь в деревню. М.К. Мамардашвили, который был его приятелем, рекомендовал его мне, а с Мамардашвили мы были друзьями.

²² Ракитов Анатолий Ильич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН. Один из авторов настоящего сборника. – *Прим. ред.*

Я взял его на работу. Потом Пятигорского пригласили в Англию, и он скоро уехал.

Работала у нас и Л.М. Алексеева (Московская Хельсинкская группа, Россия). Ей ведь тоже грозило стать «тунеядцем».

Был и такой случай: поступил донос на одну сотрудницу, которая на нашем ксероксе, а у нас ксерокс был жуткий, советского производства, скопировала «Мастера и Маргариту» М.А. Булгакова. Требовали, чтобы я ее уволил, но я на это не согласился.

Создание ИНИОН стало новым этапом информационной работы. И сами сотрудники ФБОН стремились к созданию Института, и материально это было для них лучше, поскольку в Институте они получали большую зарплату. Мы начали с того, что проводили совещания. Первоочередной задачей было расширить реферативные сборники, их тематику по разным отделам, и прежде всего по научному коммунизму. Особенно это касалось Отдела, который возглавлял тогда Л.К. Шкаренков²³. Он в свое время работал в Праге, а потом остался без работы.

Шкаренков был интересным человеком. Когда он работал зам. главного редактора журнала «Вопросы истории», то печатал много антисталинских статей. За ним закрепилась слава антисталиниста. Я хотел его сделать своим заместителем, но его не утвердил ЦК. Время шло, а они не говорили ни да, ни нет. Но заведующих отделами я имел право назначать сам, и я его назначил заведующим Отделом социалистических стран. Этот Отдел реферировал всю литературу на иностранных языках о Советском Союзе.

Будучи директором, я делал в то время все, что мог. Поскольку у меня были довольно хорошие отношения с А.Н. Яковлевым, я приходил к нему советоваться по разным поводам. Он меня все время предупреждал, чтобы я меньше давал информации. Глупость какая-то: создали Институт научной информации, и к тому же недавно вышло постановление сузить закрытую информацию.

²³ Шкаренков Леонид Константинович (1921–1999) – историк, доктор исторических наук, специалист по истории русского зарубежья, белого движения. В 1972–1994 гг. – заведующий Отделом социалистических стран ИНИОН АН СССР (РАН). В 1993–1999 гг. – главный редактор журнала «Россия и современный мир», ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН. См. о нем очерк Ю.И. Игрицкого в настоящем издании. – *Прим. ред.*

Была у нас и такая форма работы – бюллетени-молнии. Мы брали список статей и рассылали консультантам в ЦК, они отмечали галочками статьи и потом мы для них эти статьи реферировали.

Когда создавали ИНИОН, в нем хотели собрать воедино всю информационную работу по общественным наукам в Академии. Все библиотеки, бывшие сначала отделениями ФБОН, а впоследствии ИНИОН, находящиеся в различных институтах, должны были подчиняться указаниям ИНИОН. А до этого они сами закупали книги и были как бы сами по себе – кто сильнее, кто слабее. Было выпущено постановление по линии Президиума Академии наук, что все книги должны поступать в ИНИОН, а уже потом в библиотеки, которые стали отделениями ИНИОН. Но мы это постановление все время нарушали. Положим, зав. информационным отделом каждого института должен был мне звонить и спрашивать, имеет ли он право выписать такую книгу. Мне звонили, и я отвечал: «Имеете».

В новом здании ИНИОН я уже не работал. Когда я ездил смотреть это затянувшееся строительство, меня просто обуял страх. Недостроенное здание, какое-то болото. Жуть! Само здание сначала проектировалось на Октябрьской площади. Но Н.С. Хрущёв узнал об этом и сказал: зачем в центре города будет библиотека, это будет неудобно, и распорядился строить на окраине города. Там сейчас рядом ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений), ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт) и другие институты – целый научный городок.

Помню, как по поводу нового здания был разговор с президентом Академии наук академиком Келдышем. В свое время мы ему писали речь для ЦК, и Келдыш эту речь одобрил. Единственное, что он вычеркнул, – фразу о том, что физики не должны любить лириков, а лирики не должны быть близки с физиками. Академик М.Д. Миллионщиков, который был тогда вице-президентом Академии, хотел расположить в здании ИНИОН еще и техническую библиотеку, чтобы ученые, занимавшиеся естественными науками, могли вести дискуссии и беседы с представителями общественных наук. Но я с этим не согласился. И Келдыш эту идею также не принял.

Когда Румянцев был вице-президентом АН, мы с ним договорились расширять реферативные отделы. И он мне давал для этого ставки. Когда же Алексея Матвеевича на посту вице-президента сменил П.Н. Федосеев, ставки мне давать перестали,

но в то же время упрекали, что я их не настойчиво прошу. Как-то однажды я сильно разозлился, вышел из кабинета П.Н. Федосеева и написал заявление об уходе. Я просил, чтобы меня по-прежнему оставили заведующим Отделом Китая Института востоковедения, и Петр Николаевич на это согласился.

Так я вернулся в Институт востоковедения, где мне довелось работать с Е.М. Примаковым, который был назначен туда директором, и принимать активное участие в знаменитых ситуационных анализах, проводившихся там при Евгении Максимовиче. На ситанализы собирались люди различных областей для обсуждения какой-то определенной темы, например отношений с Китаем или США. Приходили из разных ведомств люди, военные, из МИДа. Потом материалы этих ситанализов суммировались, и все это отправлялось в ЦК.

У Примакова был хороший помощник, который ему предложил эту идею на основе изучения американского опыта работы «Рэнд корпорейшн». Эта корпорация работала вместе с Пентагоном и Госдепом, но в то же время была как бы независимой. Это был целый научно-исследовательский институт, причем огромный, занимавшийся в основном внешнеполитическими проблемами. Там собрались ученые, которые называли себя независимыми и могли писать свободно о том, что они думают. У них было такое условие, о котором мне рассказал через много лет один сотрудник корпорации: если ученый пишет какую-либо работу для «Рэнд корпорейшн» и ее там не публикуют в течение пяти лет, то он имеет право ее опубликовать сам.

Ситанализы были для нас новой формой работы. Примаков поощрял их, но после него они прекратились, потому что некоторые вещи, о которых на них говорилось, не очень нравились наверху. Мы составляли программу вопросов, и каждый участник должен был коротко на них отвечать. Это было устное обсуждение, диспут по определенной схеме. Все это записывалось, а потом суммировалось в письменном виде, и мы на основе этого составляли записку в ЦК, КГБ или МИД. Обсуждались самые разные вопросы. Например, я помню, один военный высказался насчет того, что Китай проводит милитаризацию экономики. А мы, китайцы, спросили его: а наша экономика разве не милитаризована? Он страшно обиделся и сказал, что наша экономика строится совсем на других началах. Помню, что я ответил: «Наша экономика даже более милитаризована, чем китайская».

Примаков редактировал получающуюся в результате записку или это делал его заместитель Г.Ф. Ким. Обычно ситанализ открывал Ким, который после этого уходил, а поскольку я был его заместителем, то в качестве заместителя председателя ситанализа чаще всего вел их я. Отвечал я и за редакцию текста дискуссии. Евгений Максимович все время боялся, что в этих записках пройдет что-нибудь слишком радикальное, крамольное для ЦК. Это сейчас у нас свободная атмосфера. А тогда на меня, например, был донос, когда я на одном партсобрании в Институте выступил и сказал о Мао Цзэдуна, что прежде чем его разоблачать, надо его изучить. Простые слова, ничего крамольного в этом не было. Но это расценили так, что я оправдываю Мао Цзэдуна. Его идеи сравнивали с троцкизмом, не зная толком, кто он такой, а у него ничего и не было троцкистского. Об этом я и сказал. Примаков меня упрекнул за это, но все же защитил.

Потом когда Примаков возглавил Службу внешней разведки, он и там продолжал проводить ситанализы и приглашать на них ученых. Я в них раза два участвовал. Участникам там также задавался короткий вопрос и каждый должен был дать короткий ответ в свободной манере. Все это стенографировалось.

Вот такие несколько сюжетов из моей жизни о времени 1960–1970-х годов. Мне хотелось рассказать о том, какие были времена и каким необычным явлением стал тогда для нашей жизни ИНИОН.

Р.Р. Мдивани 40 ЛЕТ РАБОТЫ В ИНИОН

*Просто делайте то, что любите,
а что будет потом – никому не ведомо.
Дэвид Линч. «Поймать большую рыбу»*

Я пишу о событиях моей долгой жизни в Институте так, как они отложились в памяти. Рассказ одного человека не может не быть субъективным. Поэтому я прошу прощения у тех, чье мнение не совпадает с моим.

Моя работа в ИНИОН началась в 1970 г. и связана с развитием системы информации по общественным наукам. Рекомендовал меня на работу Алексей Алексеевич Леонтьев – известный лингвист, сотрудник Института языкознания АН СССР. После встречи с заместителем директора Инессой Александровной Ходош, исполнявшей в то время обязанности директора Института, я был зачислен в штат. Рабочее место мне было определено в помещении библиотеки Института русского языка, где тонкости библиографической работы мне помогли освоить Надежда Петровна Дебец, Белла Александровна Малинская и Марианна Цезаревна Шабат. За это я навсегда сохраняю к ним чувство благодарности.

Наступил февраль 1972 г., когда Институт обрел нового директора – В.А. Виноградова. В своей книге воспоминаний Владимир Алексеевич пишет о том, что его назначение было воспринято не очень благожелательно членами дирекции и некоторыми близко связанными с ними сотрудниками²⁴. Вспоминаю об этом, поскольку оказался невольно втянутым в эту ситуацию. Дело в том, что

²⁴ Виноградов В.А. Мой XX век: Воспоминания. – М.: Издательский Дом «Калан», 2003. – С. 281.

Владимир Алексеевич занялся решением кадровых вопросов, связанных с отставанием в развитии системы реферативных журналов. В числе новых отделов надо было организовать и Отдел языкознания. Я находился в отпуске, когда получил от М.Ц. Шабат тревожную телеграмму с просьбой срочно вернуться. Надо сказать, что при приеме на работу я был зачислен на должность заведующего еще не укомплектованного реферативного отдела, однако сознательно или нет, занятую мною должность заведующего Отделом И.А. Ходош представила директору как вакантную, и Владимир Алексеевич (по совету академика Ф.П. Филина) пригласил на эту должность Федора Михайловича Березина. Возмущенная «общественность» требовала от меня борьбы за справедливость в Президиуме: при живом-то человеке приглашать на занятую должность другого! Я понимал: здесь что-то не так.

Владимир Алексеевич принял меня в своем кабинете на ул. Фрунзе и объяснил, как обстояло дело. Не верить ему не было никаких оснований. К директору у меня был главный вопрос: уверен ли он в перспективах создания автоматизированной информационной системы? Ответом было твердое «да». Я объяснил, что мне это очень интересно и я напишу заявление о переводе в библиографический сектор в составе Отдела языкознания.

Я никогда не жалел об этом. Должен сказать, что отношения с Ф.М. Березиным сложились самые дружеские. Несколько лет я был членом редколлегии реферативного журнала серии «Языкознание», а в первое время немного помог ему в организации журнального дела, используя свой давний опыт работы в редакции журнала «Русский язык за рубежом».

Задача создания Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АЙСОН) была для нашего директора В.А. Виноградова в числе первоочередных. Он приступил к ней сразу после того, как были решены проблемы «долгостроя» нового здания у метро «Профсоюзная» и размещения в нем библиотечных фондов и штатов новых информационных подразделений. В тот момент структура реферативных отделов имела в своем составе сектора библиографической информации. Однако понимание В.А. Виноградовым специфики процессов содержательной обработки библиографических материалов в условиях разработки и внедрения автоматизированной системы информации привело к изменению этой структуры. В 1974 г. директор принял решение создать непосредственно подчиненный ему Отдел научно-библиографической информации (ОНБИ), состоящий из семи отраслевых,

двух страноведческих секторов и выставки новых поступлений. Возглавить Отдел поручили мне. Думаю, что это решение было обусловлено опытом моей работы в Отделе информационных языков Центрального научно-исследовательского института патентной информации, а до этого – в Отделе терминологии Всесоюзного научно-исследовательского института классификации и кодирования.

Довольно быстро Сектор научно-библиографической информации по языкознанию, руководство которым осталось за мной, пополнили новые сотрудники: Галина Антонюк, Александр Белугин, Нонна Бунимович, Майя Голант, Галина Жаркова, Татьяна Корнилова, Сергей Красногорский, Раиса Розина, Полина Стрельченко. У этих разных по характеру людей было общее: хорошее образование, ответственное отношение к работе и интеллигентность. Такой состав в сочетании со «старожилами» позволил Сектору не только качественно обрабатывать текущую литературу на самых разных языках, но и вести работу над ретроспективными библиографическими указателями.

Еще при первой встрече с коллективом ИНИОН на расширенном заседании Ученого совета в 1972 г. В.А. Виноградов подробно рассказал о перспективах развития Института. Затем он выслушал предложения новых сотрудников. С одним из таких предложений выступила заведующая Сектором философии Елена Ильинична Серебряная, обосновавшая необходимость выпуска библиографических ежегодников по различным направлениям философской мысли. Полезность такого вида информации, промежуточного между ретроспекцией и ежемесячным указателем, состояла в том, что в ежегоднике аккумулировалась литература по одному конкретному направлению, а более детальная, чем в рубриках ежемесячного указателя, систематизация материала лучше раскрывала содержание публикаций. Идея была поддержана. Сектор философии созданного в 1974 г. ОНБИ подготовил (начиная с 1975 г.) несколько тематических ежегодных выпусков библиографии по зарубежной философии и социологии, по историческому материализму и др. Помимо ежегодников издавались и библиографические указатели литературы, охватывающие более длительные периоды, например, «История русской философии»²⁵. Извест-

²⁵ История русской философии: Указатель литературы, изданной в СССР на русском языке за 1968–1977 гг. / Сост. Беленький И.Л.; Отв. ред. Серебряная Е.И. – М.: АН СССР. ИНИОН, 1981, 1982. – Ч. 1. – 1981. – 205 с.; Ч. 2. – 1982. – 198 с.

но, что чем шире хронологический охват включаемой в библиографический указатель литературы, тем больше его ценность для ученых-обществоведов. Уже десятилетний охват литературы можно назвать солидной ретроспекцией.

В ФБОН-ИНИОН в определенный период времени готовились библиографические указатели и с большей глубиной ретроспекции. Например, с 1963 по 1988 г. в сотрудничестве с Институтом русского языка было издано шесть выпусков библиографического указателя «Славянское языкознание», охвативших советские публикации с 1918 по 1981 г. Существенный вклад в эту большую и требующую скрупулезности работу внесла незабываемая Н.П. Дебеч. Врожденное благородство, сдержанность и такт в сочетании с требовательностью к себе и сотрудникам – такой осталась Надежда Петровна в моей памяти. К сожалению, последние два выпуска «Славянского языкознания» готовились нашим Сектором научно-библиографической информации уже без ее участия. Я уверен: если бы сотрудницы Сектора Нонна Бунимович и Галина Жаркова не прошли выучку у Надежды Петровны при подготовке под ее руководством очередного (четвертого) выпуска «Славянского языкознания», последующие выпуски вряд ли увидели бы свет. Последний (шестой) выпуск, включающий литературу с 1979 по 1981 г., был издан в 1988 г.²⁶

В Секторе наряду с выпуском ежемесячного библиографического указателя велась подготовка ретроспекции «Общее и прикладное языкознание», включавшей литературу, изданную в СССР в 1963–1967 гг.²⁷ Это было продолжением изданных «Наукой» в 1965 г. библиографических указателей «Общее языкознание» и «Структурное и прикладное языкознание», охватывающих публикации 1918–1962 гг.²⁸

В ФБОН, как и в большинстве других библиотек, средством описания тематики включенных в библиографии работ было их распределение по рубрикам классификации. Однако мы в Секторе сочли этот метод недостаточным для раскрытия содержания 5,8 тыс. публикаций, представленных в нашем указателе. Классификация – одномерная иерархическая система, позволяющая с достаточной глубиной раскрыть аспекты конкретной публикации только при условии большой дробности и дублирования каждой отдельной работы в рубриках, соответствующих тематике. Но этого обычно избегают, так как работа сильно осложняется, объем издания увеличивается, а дробность классификации делает ее неудобной для читателя. Поэтому было решено в дополнение к классификации включить предметный указатель, состоящий из 1 тыс. терминов, не связанных логикой «сквозной» иерархической структуры. При утверждении издания в печать состоялось довольно бурное обсуждение: против этого «библиографического новшества» был авторитетный и уважаемый человек – Дмитрий Дмитриевич Иванов. Мне удалось убедить участников обсуждения в целесообразности нашего подхода, в частности – благодаря поддержке Григория Григорьевича Кричевского, который в кулуарах сказал, что по накалу страстей обсуждение походило на религиозный диспут.

Продолжение этой библиографии (литература за 1968–1977 гг.) также имело подробный предметный указатель²⁹. Таким образом, языковедческие библиографии имеют полувековую глубину ретроспекции.

Такую же глубину имеют двухтомная «Библиография стран Африки и Арабского Востока»³⁰, включающая 17 тыс. публикаций на русском языке за 1917–1967 гг., и «Библиография Индии»³¹, включающая 11,3 тыс. публикаций за период с начала XVIII в. до

²⁶ Славянское языкознание: Указатель литературы, изданной с 1979 по 1981 г. / Сост.: Бунимович Н.Т., Жаркова Г.Г.; Ред.: Мдивани Р.Р., Широков Е.Н. – М.: АН СССР. ИНИОН, 1988. – Ч. 1. – 277 с.; Ч. 2. – 299 с.; Ч. 3. – 285 с.

²⁷ Общее и прикладное языкознание: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1967 г. / Сост.: Малинская Б.А., Шабат М.Ц.; Отв. ред.: Мдивани Р.Р., Реформатский А.А. – М.: Наука, 1972. – 295 с.

²⁸ Общее языкознание: Указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / АН СССР. Ин-т русского языка; Ин-т языкознания; Фунд. б-ка по общественным наукам; Сост.: Ашанин Ф.Д., Дебеч Н.П., Ижевская М.Г. и др. – М.: Наука, 1965. – 276 с.; Структурное и прикладное языкознание: Указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / АН СССР. Ин-т русского языка; Ин-т

языкознания; Фунд. б-ка по общественным наукам; Сост.: Ашанин Ф.Д., Дебеч Н.П., Ижевская М.Г. и др. – М.: Наука, 1965. – 194 с.

²⁹ Общее и прикладное языкознание: Указатель литературы, изданной в СССР в 1968–1977 гг.: В 13 т. / Сост.: Малинская Б.А., Шабат М.Ц.; Отв. ред. Мдивани Р.Р. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981.

³⁰ Библиография стран Африки и Арабского Востока. Т. 1. Общие работы. Африка / Сост. Милявская С.Л.; Отв. ред.: Громько Ан.А., Солодовников В.Г. – М.: Наука, 1979. – 723 с.; Т. 2. Арабские страны / Сост.: Винокур Э.М., Милоградова Л.П.; Отв. ред.: Лебедев Е.А., Мдивани Р.Р. – М.: Наука, 1980. – 373 с.

³¹ Библиография Индии: Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР / Сост.: Бирман Д.А., Котовский Г.Г., Сошно Н.Н.; Отв. ред. Котовский Г.Г. – М.: Наука, 1976. – 683 с.

1967 г. Работа над ними велась в ФБОН совместно с институтами востоковедения и Африки.

Интересно отметить, что «Библиография стран Африки и Арабского Востока» была практически готова еще до образования в 1974 г. ОНБИ, в структуру которого вошли отраслевые и страноведческие сектора. Однако необходимость провести общую редакцию текста и унификацию библиографических описаний приостановила работу. Ко мне как к заведующему Отделом с этой проблемой обратились составители библиографии – Софья Львовна Милявская из библиотеки Института Африки и Элла Марковна Винокур – сотрудница Сектора востоковедения. Меня, недавно прошедшего школу библиографирования в Секторе языкознания, наличие такой проблемы у сотрудников Фундаментальной библиотеки несколько удивило: я думал, что библиографическое описание редактируется при включении материала в указатель. Но положение обязывало. По договору был привлечен к работе П.К. Колмаков, который, несмотря на весьма преклонный возраст, достаточно быстро и качественно отредактировал библиографические описания обоих томов, после чего была проведена общая редакция текста. Мне приятно было получить это издание с дарственной надписью от Софьи Львовны: «...Без Вашего оперативного вмешательства эта книга вряд ли увидела бы свет».

По иной причине задержалось издание «Библиографии Индии». Как и любое научное издание, она нуждалась в редакторе. Эту работу (также по договору) выполнил по моей просьбе известный индолог Г.Г. Котовский.

К сожалению, эти большие библиографии по разным причинам не получили продолжения. Конечно, оптимальным процессом является целенаправленная работа над ретроспективными указателями, ориентированными на полное поэтапное закрытие хронологических лакун. Уникальным примером могут служить четыре выпуска библиографии по истории зарубежной домарксистской философии, имеющие хронологический охват с 1917 по 1982 г. и подготовленные заведующей Сектором библиографической информации по философии Е.И. Серебряной. Первый выпуск был издан в 1972 г.³², а последующие три выпуска, опубликованные в 1975, 1980 и 1984 гг., довели хронологию включенной в них лите-

ратуры до 1982 г. С учетом хронологии библиографии по философии, представленной в автоматизированной системе, ИНИОН располагает информацией практически обо всей русской литературе по теме с 1917 г. по настоящее время.

Нужна ли ретроспективная библиография? Сегодня в почти четырехмиллионной базе данных ИНИОН самая глубокая ретроспекция в АИС (по экономике и демографии) содержит литературу приблизительно за 30 лет; последняя из сданных в эксплуатацию баз данных (по литературоведению) включает научные публикации за 25 лет. Достаточно ли это для ученых, работающих в области социальных или гуманитарных наук? При ответе на этот вопрос следует учесть специфику этих наук.

В противоположность естественным наукам, обладающим синхронно движущимся исследовательским фронтом и кумулятивным подходом к исследуемым фактам, в социальных и гуманитарных науках множество различных школ существуют достаточно независимо друг от друга, имея дело с одними и теми же социальными проблемами и не приходя при этом к единому решению. Темы, которые уже обсуждались веками, могут возникнуть вновь, и даже при рассмотрении новых проблем обществовед гораздо чаще, чем специалист по естественным наукам, должен ссылаться на старые материалы и идеи, ибо историзм – один из основополагающих принципов исследований. Эта специфика социальных и гуманитарных наук обуславливает необходимость создания больших ретроспективных баз данных, поскольку не существует определенных объективных критериев, в соответствии с которыми можно сказать, что документ устарел и может быть исключен из базы знаний социальных наук³³. Поэтому ценность информации в общественных науках связана с проблемой полноты информационного фонда, одним из аспектов которой является глубина ретроспекции представленной в нем литературы. В далеком 1989 г. заместитель директора ИНИОН Марлен Павлович Гапочка писал о том, что при развитии Автоматизированной системы по общественным наукам важно предусмотреть возможность ввода в автоматизированную систему библиографических описаний документов, ценных в научном отношении, но изданных 10 и более лет назад

³² История зарубежной домарксистской философии: Указатель литературы с 1917 по 1967 г. / Сост. Серебряная Е.И.; Ред. Давыдов Ю.Н. – М.: АН СССР. ИНИОН; Фундаментальная б-ка, 1972. – 535 с.

³³ Хобом Х.-К. Информация и документация по социальным наукам // Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН, 2002. – Вып. 17. – С. 262–280.

(т.е. до начала эксплуатации системы)³⁴. ИНИОН располагает многолетним фондом аналитически обработанной библиографической информации не только о книгах, но и о статьях из журналов и сборников, представленных в его периодических библиографических указателях. Послужат ли эти «полезные ископаемые» вспомогательным материалом для создания какой-либо отраслевой или тематической ретроспективной библиографии?.. Не уверен: отсутствие необходимых квалифицированных кадров и соответствующего финансирования не внушают оптимизма.

Вернемся к созданию Автоматизированной системы информации.

В периодических библиографических изданиях ОНБИ для раскрытия содержания традиционно использовались только разделы Рубрикатора. Перспектива развития системы, накапливающей большие объемы библиографической информации, требовала глубокого раскрытия содержания публикаций с помощью ключевых слов, отражающих конкретные предметы и методы исследования. Учитывая это обстоятельство, нами было решено аннотировать все зарубежные материалы в библиографических указателях. Это позволило заранее выработать у библиографов навыки перевода иностранных терминов и более глубокого анализа содержания материала.

Должен сказать, что так называемого «психологического барьера», в смысле страха перед новым, не было. Мы работали в тесном контакте с руководителями секторов, а при необходимости – и с другими сотрудниками. Уровень сотрудников Отдела в целом очень высок: это люди со специальным факультетским образованием в соответствующей отрасли общественных наук. Их интерес к новому был очень большим. Мне помогали в работе такие коллеги, как Валентина Андреевна Архангельская, Елена Ильинична Серебряная, Ирина Александровна Калоева, Галина Марковна Марковская, Юрий Давыдович Рыскин, Алена Алексеевна Волохова, Василий Ильич Савельев, Ольга Антоновна Барыкина, Галина Львовна Маньковская. Этот настрой сохранялся долго, каждый новый этап работы был интересен. Очень четко была организована работа на выставке новых поступлений, где отбирались

книги и статьи и велась содержательная обработка литературы. Тактично, но жестко порядок работы сотрудников с материалами выставки обеспечивали вначале И.А. Гиршова, затем Н.А. Чагай. Естественно, что сказанное об интересе к новой работе касается не только сотрудников Отдела научно-библиографической информации.

Для оперативной разработки и внедрения АИС был создан Совет Главного конструктора под председательством Вильяма Ризатдиновича Хисамутдинова. Я был заместителем Главного конструктора по вопросам содержательной обработки библиографической информации, а Игорь Яковлевич Госин – по вопросам библиографического описания информационных материалов.

Надо сказать, что при разработке проекта Автоматизированной системы информации ИНИОН Совет Главного конструктора опирался на имеющийся мировой опыт создания таких систем. К этому времени в отечественной и зарубежной специальной литературе были изучены и теоретически обобщены основные положения информатики – науки о теории и практике функционирования информационных систем, определены основные параметры, характеризующие их эффективность. Естественно, что разработчики системы опирались не только на знание информатики и действующие стандарты, но и на личный опыт работы в реальных системах. Правильность принятых технических и методических решений, представленных в документации системы, была проверена в процессе ее эксплуатации. Кроме того, наша система получила высокую оценку зарубежных коллег в ходе научных и информационных контактов с такими организациями, как, например, Research Libraries Group (Информационная система Группы научных библиотек, США), Библиотека Конгресса США, Библиотека Иллинойского университета, ICSSID (Международный комитет по информации и документации), InformationsZentrum Sozialwissenschaften (ФРГ), Centre national de la recherche scientifique (Париж).

Основная тяжесть разработки и поэтапного внедрения ложилась на головной Отдел исследования и разработки информационных систем, который с 1976 г. возглавлял В.Р. Хисамутдинов, а также на ОНБИ и Отдел научного описания информационных материалов (ОНОИМ) под руководством И.Я. Госина. Этот Отдел отвечал за обработку входного документопотока книг, аналитическую роспись периодических и продолжающихся изданий, ведение всех каталогов и отраслевых библиографических картотек и пред-

³⁴ Гапочка М.П. Интеграция информации и развитие международного сотрудничества // Теория и практика общественно-научной информации / АН СССР. ИНИОН; Ред. кол.: Виноградов В.А. (гл. ред.) и др. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 217–232.

ставление библиографических данных в машиночитаемой форме³⁵. Надо отметить, что И.Я. Госин – один из главных разработчиков государственных стандартов по библиотековедению, библиографии и редакционно-издательскому делу (СИБИД).

Проблема библиографического описания информационных материалов является весьма сложной, если речь идет о таком многофункциональном организме, как Фундаментальная библиотека нашего Института. Система была задумана (и реализовалась!) как интегральная динамическая библиотечная система. Она охватывает практически весь цикл обработки: от заказа литературы до ведения алфавитного и предметного каталогов, каталога сериальных изданий, других каталогов и отраслевых библиографических картотек, выпуска периодических изданий научно-библиографической информации и унификации библиографических сведений в реферативных и аналитических изданиях. Для технологии обработки входного документопотока было разработано базовое библиографическое описание документа, на основе которого генерировались записи для нужд конкретного информационного массива и подразделения.

В 1976 г. в Институте вступил в строй вычислительный центр, оснащенный современной техникой. В это же время Совет главного конструктора под руководством В.Р. Хисамутдинова приступил к разработке технического задания – конкретного описания процессов работы подразделений, реализующих задачи, предусмотренные проектом системы. При этом одной из задач было проектирование логистики обработки информационных материалов, т.е. последовательности операций подразделений Института, участвующих в системе. Эта работа была поручена Комиссии под руководством заместителя директора И.А. Ходош. Активное участие И.Я. Госина, И.Н. Воскресенской, С.К. Виленской и других членов Комиссии, четко понимавших структуру и функции библиотечных подразделений и ОНБИ, позволило в кратчайший срок решить эту задачу, тем более что за многие годы было отлажено взаимодействие подразделений. Все предложения Комиссии находили полное понимание у В.Р. Хисамутдинова и его сотрудников, на плечи ко-

торых ложилось решение программных, технических и технологических задач, обеспечивающих функционирование автоматизированной системы. Это стало возможным благодаря тому, что в Институте сформировался коллектив высококвалифицированных программистов, инженеров и технологов – таких, как Л.В. Алексеева, А.Л. Горин, В.М. Гусев, Н.И. Косиченко, Л.Б. Косова, Р.Н. Лабузина, И.Л. Михалько, Л.Н. Тарасов, а также нынешние заместители директора ИНИОН В.А. Глухов и М.Б. Шнайдерман.

В 1976 г. Совет Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН) определил создание автоматизированной системы информации как одно из основных направлений совместной информационной деятельности академий социалистических стран. Главным органом системы был признан ИНИОН, а страны-участницы были представлены Выделенными национальными органами (ВНО). Согласованием взаимодействия с каждым ВНО руководил В.Р. Хисамутдинов. Естественно, что конкретные вопросы решались и согласовывались с ВНО членами его Совета. В частности, форматы библиографического описания в странах-участницах сильно различались, поэтому И.Я. Госин провел работу, обеспечившую представление библиографической информации в коммуникативном формате. Кроме того, была создана единая электронная картотека сериальных изданий, включавшая, наряду с другими, издания стран – участниц МИСОН. Предстояло также согласовать с ВНО лингвистические средства обработки информационных материалов системы. Работа по согласованию с ВНО Рубрикатора МИСОН велась под руководством В.А. Глинского при участии руководителей секторов ОНБИ. Это было необходимо, но недостаточно для эффективного поиска с помощью ЭВМ больших объемов информации, включающих, в частности, статьи из журналов и сборников, посвященные достаточно узким проблемам. Разработка словарей дескрипторного типа – лингвистического обеспечения, отвечающего потребностям современной системы, отставала от плановых сроков. До сдачи первой очереди АИС МИСОН, намеченной на 1980 г., оставалось мало времени. На совещании у В.А. Виноградова этот вопрос был поставлен со всей остротой. Никто не жаждал крови, надо было срочно решить проблему. Я предложил начать обработку документов в ОНБИ со свободного индексирования, т.е. с использования терминологии, отражающей содержание конкретной публикации. Обработанная таким образом литература должна была обеспечить пользователям системы поиск библиографической информации по ключевым

³⁵ Госин И.Я., Смирнова М.Н., Тарасов Л.Н. Унификация библиографического описания: принципы и реализация в ИАИС ИНИОН АН СССР // Всесоюзное совещание по проблемам автоматизации информационных процессов в области общественных наук (Методические материалы) / АН СССР. ИНИОН. – М., 1979. – С. 132–141.

словам. Накопленную за определенный период терминологическую лексику я предполагал передавать Софье Константиновне Виленской в ее Отдел лингвистического обеспечения информационных систем (ОЛОИС) для последующей нормализации и использования в работе над информационно-поисковыми тезаурусами, отражающими реальное содержание формируемых баз данных. Это предложение активно поддержал В.Р. Хисамутдинов. К сожалению, Софья Константиновна отказалась. В.А. Виноградов со свойственным ему тактом предложил ей еще раз обдумать это предложение. На следующем совещании позиция С.К. Виленской осталась без изменений. В результате подразделение С.К. Виленской было переименовано в Отдел (ныне – Сектор) предметного анализа информационных материалов, а часть сотрудников была переведена в состав ОНБИ, где Вадим Александрович Глинский возглавил новый Сектор теории и методики информационно-поисковых языков. В нашей беседе с В.А. Виноградовым при обсуждении задач нового сектора В.А. Глинский попросил оставить за ним только совершенствование Рубрикатора системы, считая, что новую для библиографов терминологическую работу лучше организовать мне. В.А. Глинский, помимо разработки Рубрикатора, активно участвовал в создании проектной документации системы в совещаниях специалистов АИС МИСОН.

Задача обеспечения системы языками дескрипторного типа была решена таким образом: к каждому сектору ОНБИ был прикреплен лингвист, ответственный за сбор и нормализацию терминологической лексики, используемой библиографами при обработке литературы. Промышленная эксплуатация системы еще не началась, что позволило сотрудникам заниматься индексированием литературы как бы в «игровом режиме». Это решало две задачи. Во-первых, библиографы обрабатывали литературу, как говорится, «в стол», овладевая навыками предстоящей работы и не боясь ввести в систему ошибки, причем обязательное аннотирование иностранной литературы облегчало работу. Во-вторых, в секторах накапливался массив терминологической лексики для ее последующей нормализации и использования при обработке и вводе документов в систему. Кроме того, этот опыт учитывался при разработке методики индексирования применительно к специфике социальных и гуманитарных наук.

Численность переведенных в ОНБИ сотрудников позволяла решить еще одну задачу – создать справочное подразделение, способное помочь читателям в удовлетворении их информационных

запросов. Директор одобрил эту мысль. Я попросил Владимира Леонидовича Бирзовича возглавить новое подразделение, обеспечивающее автоматизированный поиск информации³⁶. Новым сотрудникам было предложено самостоятельно сделать выбор.

К сожалению, ветеран войны В.Л. Бирзович, высокообразованный и деликатнейший человек, рано покинул нас: тяжелое ранение сократило его жизнь. Сектор обеспечения библиографической информацией сегодня возглавляет Людмила Винцентовна Шемберко – классный специалист, в свое время пришедшая в ИНИОН с прекрасным опытом работы с автоматизированным банком данных. Вместе с ней в новое подразделение перешли Марина Алексеевна Боровик и Алла Менделеевна Непомнящая, отлично освоившие специфику поиска по любым отраслям общественных наук.

Наступил 1980 год – срок сдачи первой очереди промышленной эксплуатации системы. Было решено начать с Сектора экономики и демографии, руководимого Валентиной Андреевной Архангельской. Затем наступила очередь Сектора философии. Поэтапное развитие библиографической базы данных завершил Сектор литературоведения. Таким образом, в 1985 г. система была сдана в промышленную эксплуатацию в полном объеме в соответствии с Государственной программой 0818 ГАСНТИ.

Основанные на результатах свободного индексирования отраслевые списки нормализованной лексики оказались простым и эффективным средством обработки и поиска информации на начальных этапах развития системы.

В соответствии с техно-рабочим проектом комплекс программ системы обеспечил существенное повышение информативности периодических выпусков библиографических изданий. Дело не только и не столько в высоком полиграфическом качестве каждого номера, новым было наличие автоматически формируемых вспомогательных указателей – авторского, названий журналов и предметного. Первые два указателя программа строила на основе стандартных элементов полей библиографического описания, а структура предметного указателя, разработанная по предложению Л.В. Шемберко, строилась на основе указателей роли и связи ключевых

³⁶ Бирзович В.Л., Мдивани Р.Р., Шемберко Л.В. Совершенствование справочно-информационного обслуживания на основе баз данных по общественным наукам // Вопросы информационной теории и практики. – М.: ВИНТИ, 1985. – № 52. – С. 64–81.

чевых слов, использованных библиографами при обработке документов³⁷.

Повышение качества содержательной обработки информации, включаемой в библиографические указатели и накапливаемой в базе данных, существенно расширило возможности тематического поиска информации, в первую очередь – за счет использования ключевых слов, влияющих на точность и полноту выдачи информации.

Процессы подготовки и выпуска серий библиографических указателей и накопления информации в поисковой базе данных были налажены. В перспективе следовало приступить к нормализации терминологической лексики, накопленной в режиме свободного индексирования. Отметим, что нормализованные списки согласовывались с ВНО МИСОН, причем в ряде случаев они переводились на национальные языки, поскольку понятийный состав этих списков вполне соответствовал тематике отечественной и зарубежной литературы, поступающей в базу данных. Именно нормализованная лексика, отражающая реальное содержание документов в поисковой базе данных, является гарантией качества при разработке отраслевых тезаурусов – наиболее эффективного средства обработки и поиска информации конкретной системы³⁸.

В сентябре 1986 г. по предложению Главного конструктора дирекция и партком приняли решение об упорядочении структуры подразделений Института, связанных с эксплуатацией и развитием автоматизированной системы. Меня освободили от руководства ОНБИ, а Сектор теории и методики информационно-поисковых языков был преобразован в Отдел лингвистического обеспечения информационных систем (ОЛОИС). Руководство Отделом, а также Сектором разработки лингвистических средств в его составе было поручено мне, а Сектор ведения лингвистических баз данных возглавил В.А. Глинский. Этот Сектор просуществовал недолго. В 1988 г. для укрепления предметного каталога Сектор В.А. Глинского и большую часть других сотрудников Отдела вернули к родным пенатам в Лабораторию предметного анализа информационных ма-

териалов. Эти последовавшие друг за другом два организационных мероприятия по совершенствованию структуры подразделений, связанных с функционированием АИС, не обсуждались на Совете Главного конструктора. В обоих случаях я был поставлен перед фактом. На мой взгляд, время показало, что столь резкое сокращение лингвистов и, главное, их административное отделение от процесса содержательной обработки библиографических материалов было не лучшим решением Главного конструктора.

Вернемся к развитию лингвистических средств. В 1989 г. Сектором лингвистического обеспечения совместно с ОНБИ было подготовлено три Списка нормализованной лексики: по экономике и демографии, по философии и социологии, по языкознанию. Каждый Список включал, помимо основного алфавитного, различные вспомогательные указатели терминов³⁹. Списки по остальным отраслям также были подготовлены и использовались в секторах ОНБИ, однако, несмотря на обращения республиканских центров информации и других внешних пользователей, издать их не удалось, что было объяснено идеей «перехода на современную безбумажную технологию».

Наличие Списков нормализованной лексики позволило реализовать в Системе функцию терминологического контроля: отраслевые списки были сведены в единый Генеральный словарь (ГС), встроенный в систему. В ОНБИ старшим научным сотрудником Сектора философии Борисом Петровичем Гинзбургом была проведена работа по межотраслевой унификации терминологии, а Марк Борисович Шнайдерман реализовал возможность автоматического контроля лексики. Это облегчило работу редакторов библиографических указателей: при подготовке указателя к изданию использованные в нем ключевые слова автоматически сверяются с лексикой ГС. Несовпадающая лексика выдается библиографам для проверки. Исправления вносятся в буферную базу, где формируется

³⁷ Косова Л.Б., Мдивани Р.Р., Шемберко Л.В. Автоматизированная подготовка предметных указателей с управляемой структурой // Вопросы информационной теории и практики. – М.: ВИНТИ, 1985. – № 50. – С. 62–77.

³⁸ Мдивани Р.Р., Глинский В.А. Лингвистическое обеспечение Автоматизированной системы научной информации по общественным наукам: Состав и структура // Вопросы информационной теории и практики. – М.: ВИНТИ, 1985. – № 52. – С. 37–55.

³⁹ Архангельская В.А., Базарнова С.В. Список нормализованной лексики по экономике и демографии: В 4 ч. / АН СССР. ИНИОН. – М., 1989. – Ч. 1: Структура списка и индексирование. – 146 с.; Ч. 2: Лексико-семантический указатель. – Вып. 1: Алфавитный ряд. – 279 с.; Вып. 2: Вспомогательные фасеты. – 207 с.; Ч. 3: Систематический указатель. – Вып. 1. – 368 с.; Вып. 2. – 237 с.; Ч. 4: Пермутационный указатель / Сост. Дорохина О.А., Магай Е.В. – 319 с.; Гинзбург Б.П., Беленький И.Л., Гирко Л.В. и др. Список нормализованной лексики по философии и социологии: Ч. 1-3. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – Ч. 1. – 160 с.; Ч. 2. – 153 с.; Ч. 3. – 110 с.; Смиренский В.Б. Список нормализованной лексики по языкознанию. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – 203 с.

очередной выпуск указателя. Важно отметить, что после выпуска указателя информация из буферной базы загружается в поисковую базу данных, где исправления невозможны. При несоблюдении этой процедуры в системе накапливаются ошибки: опечатки и так называемый «информационный мусор» ненормализованных слов (в том числе и синонимов). Это снижает качество поиска и ведет со временем к существенным потерям информации.

Чем больше объемы информации, в которых осуществляется поиск, чем шире круг пользователей системы, тем выше требования к ее лингвистическим средствам. Если в начальный год функционирования первой очереди системы в поисковую базу данных было введено 30 тыс. документов по экономике и демографии, то после сдачи системы в промышленную эксплуатацию объем информации стал резко возрастать. Таким образом, вопрос о переходе от списков лексики к тезаурусам назрел. Однако время шло, а отсутствие необходимого программного и технического обеспечения тормозило разработку отраслевых тезаурусов – наиболее эффективного семантического средства обработки и поиска информации. В определенном смысле делу помог визит в 1993 г. в ИНИОН профессора Карла Штрётманна – директора Информационного центра по социальным наукам в Бонне (Informationszentrum Sozialwissenschaften – IZ Bonn). В.А. Виноградов предложил мне обсудить с г-ном Штрётманном возможность сотрудничества в области обмена информацией. В то время IZ пользовался немецко-английским тезаурусом, и К. Штрётманн предложил дополнить этот тезаурус русским переводом. Кроме того, он выразил заинтересованность в том, чтобы мы включили в трехязычную статью тезауруса близкую или совпадающую по смыслу лексику, использованную в наших базах данных по экономике, истории, философии и государству и праву. Таким образом, получался трехязычный тезаурус – словарь переводов с немецких дескрипторов на английский и русский, дополненный ключевыми словами информационного языка АИСОН. По словам К. Штрётманна, это существенно облегчило бы его сотрудникам поиск в системе ИНИОН. Поэтому Владимир Алексеевич идею одобрил. Надо было действовать и при этом попытаться решить главные, т.е. внутренние институтские проблемы: нормально работать над тезаурусами без автоматизированной лингвистической базы данных было невозможно. Иногда именно ограничения стимулируют мозг работать активнее. Пришлось применить то, что называют «солдатской смекалкой» и в очередной раз обратиться к В.Р. Хисамутдинову,

который часто сетовал на отсутствие тезаурусов. Я сказал ему, что без компьютеризации лингвистической работы сотрудничество с Боннским центром не получится, а международный проект двух директоров мне хотелось бы выполнить. Главный конструктор объяснил, что помочь мог бы отличный программист Николай Иванович Косиченко, недавно уволившийся по состоянию здоровья, но работу надо делать по договору, однако денег в Институте, к сожалению, нет. Последнее утверждение вызвало у меня некоторые сомнения. Я, как всегда в трудных случаях, обратился к Владимиру Алексеевичу, информировав его о необходимости заключить договор. Финансовый вопрос был решен в считанные минуты. Н.И. Косиченко взялся за работу, поставив условие, чтобы с ним в паре работала наша сотрудница – программист Римма Николаевна Лабузина, поскольку в Институте должен быть человек, который будет обслуживать программу и обучит лингвистов пользоваться ею.

Дело было за малым – подготовить для программистов техническое задание, описывающее в определенных формализмах базовую структуру элементов, некоторые операции над ними и требуемые варианты выходных форм лингвистических данных. Обычно техзадания для программистов разрабатываются технологами совместно с «заказчиком». Но – «любишь кататься, люби и саночки возить». Пришлось мне самому взяться за написание технического задания. Н.И. Косиченко и Р.Н. Лабузина подготовили программное обеспечение, и после его отладки началась работа над трехязычным тезаурусом Боннского центра. Работу по переводу с немецкого 10,1 тыс. терминов и подбору эквивалентов из базы данных ИНИОН провела С.В. Базарнова, часть материала перевели В.В. Соловьева, Е.С. Прытков, В.А. Архангельская и О.А. Дорохина. При этом использовались специально подготовленные рабочие листы, которые я редактировал. Лингвистическую базу данных вела Е.В. Магай, овладевшая необходимыми операциями. Структурированный текст трехязычного Тезауруса по социальным наукам был передан немецкой стороне в 1996 г. и опубликован в Бонне⁴⁰.

⁴⁰ Thesaurus Sozialwissenschaften: Deutsch – Englisch – Russisch. Bd. 1–3 / Hrsg.: Informationszentrum Sozialwissenschaften der Arbeitsgemeinschaft Sozialwissenschaftlicher Institute e.V., Bonn, Institut für Wissenschaftliche Information in den Gesellschaftswissenschaften, Russische Akademie der Wissenschaften (INION RAdW), Moskau. Projektleitung: Annemarie Nase; Robert Mdivani. Bearb.: Swetlana Basarnova, Helen Magaj, Robert Mdivani, Hannelore Schott, Dagmar Sucker; unter Mitarbeit von Walentina Archangelskaya, Olga Dorohina, Nikolaj Kositschenko, Rimma Labuzina, Ewgenij Prytkov, Walentina Solovjewa. – Bonn, 1997. – Bd. 1: Deutsch – Rus-

Так была решена главная задача – получена полноценная программа для лингвистической базы данных ИНИОН, способная вести проверку семантических связей, формировать алфавитный, классификационный и пермутационный указатели, работать с несколькими языками и формировать оригинал-макет.

Имея эффективное программное обеспечение, можно было приступить, наконец, к созданию отраслевых информационно-поисковых тезаурусов для нашей АИС. До этого, по моему мнению, их своевременной разработке скорее всего мешал обычный контрпродуктивный «человеческий фактор». Но – «дорогу осилит идущий». Институт начал готовить и издавать Серию отраслевых информационно-поисковых тезаурусов по социальным и гуманитарным наукам.

Общее для всей Академии недофинансирование и сокращение штатов заставило заняться совершенствованием организации работы и оптимальным использованием ресурсов. С этой целью директор Института Ю.С. Пивоваров создал в Отделе электронных информационных технологий Группу разработки и ведения тезаурусов. В соответствии с приказом директора мне как руководителю Группы было разрешено, по согласованию с руководителями Центров, привлекать к участию в работах Группы сотрудников других подразделений Института без отрыва от их основной информационной деятельности. При этом руководитель Группы обеспечивает организацию работы, единство методических подходов в рамках Серии, редактирует словарные статьи отраслевого тезауруса, а также готовит Классификационный указатель терминов по Таблицам библиотечно-библиографической классификации, что повышает спрос на издание со стороны библиотек.

Ввод и обработка информации на компьютере, проверка связей и формирование основного и вспомогательных разделов тезаурусов, корректура и подготовка к изданию ведутся в Группе менеджером лингвистической базы Е.В. Магай. На Группе лежит также трудоемкая редакционная работа по проверке соответствия терминологии тезауруса ключевым словам, накопленным в результате многолетней эксплуатации в поисковой базе данных автоматизированной системы. Этот принцип смыслового соответствия терминологии тезауруса и терминологии индексирования, общепризнанный в информатике, является одним из основных факто-

ров, определяющих качество системы: отход от этого принципа приводит к неэффективному поиску и разочарованию потребителя. Как говорилось в эпоху советского дефицита, «обозначено в меню, а в натуре – нету».

Новая организация работ по созданию Серии отраслевых тезаурусов автоматизированной системы информации ИНИОН оказалась плодотворной⁴¹. В настоящее время изданы тезаурусы по экономике и демографии, философии, социологии, правоведению, политологии, языкознанию, религиоведению и литературоведению. В числе авторов этих изданий: В.А. Архангельская, С.В. Базарнова, Б.П. Гинзбург, А.А. Денискин, М.Я. Курашова, Е.Ю. Матвеева, Р.Р. Мдивани, А.И. Слива, В.Б. Смиренский, Г.Г. Хадиаров, Г.П. Швырева, С.О. Шевцова, О.В. Этова. В процессе подготовки изданий в решении спорных или сложных вопросов нам помогали члены редколлегий: Г.С. Антонюк, Л.Н. Верченнов, Л.В. Гирко, М.В. Ильин, Ю.А. Кимелев, А.М. Кулькин, О.С. Ли, Е.В. Магай, Е.Ю. Мелешкина, Ю.С. Пивоваров, Е.И. Серебряная, А.И. Слива, П.Я. Стрельченко.

В ближайшее время будут изданы тезаурусы по науковедению и историческим наукам. Это завершит Серию словарей, терминологический состав которых отражает основное содержание библиографической информации по всем отраслям социальных и гуманитарных наук, представленных в АИС ИНИОН.

Терминология отраслевых тезаурусов дает возможность выбрать определенный массив лексики, отражающий межотраслевую и/или проблемно-ориентированную тему. Полученный таким образом лингвистический инструмент позволяет, используя программные средства, формировать на основе выборки из библиографических баз данных нужный массив документов. Например, ИНИОН в 2003 г. получил грант от Института «Открытое общество», в результате чего Л.В. Алексеевой, И.Л. Беленьким, М.А. Боровик, Б.П. Гинзбургом, В.А. Глуховым, Е.В. Магай, Р.Р. Мдивани и Л.В. Шемберко были созданы: Тезаурус по гендерным исследованиям (3,5 тыс. терминов), соответствующая программа выборки из отраслевых баз данных и проблемно-ориентированная база данных, доступная на сайте Института.

Признание ИНИОН как крупнейшего в мире информационного центра по социальным и гуманитарным наукам позволило

⁴¹ Мдивани Р.Р. О разработке серии тезаурусов по социальным и гуманитарным наукам // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные продукты и системы. – М.: ВИНТИ РАН, 2004. – № 7. – С. 1–9.

внести определенный вклад в международное сотрудничество. Например, в начале 2007 г. руководство информационного подразделения Немецкого института международных отношений и безопасности (входящего в состав Учреждения науки и политики – Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin) обратилось с просьбой провести работу по переводу и редактированию русской версии многоязычного «Европейского тезауруса по международным отношениям и региональным исследованиям». Тезаурус разрабатывался на девяти языках по проекту Совета Европы под общим руководством и на технической базе Немецкого института. Работа над русской версией шла без участия ИНИОН в течение нескольких лет в двух других институтах РАН. За годы работы из примерно 13 тыс. терминов было переведено на русский язык 4 тыс., в то время как работа в других странах – участницах Проекта была практически завершена к 2007 г. Немецкие коллеги попросили ИНИОН взять на себя непосредственное руководство работой. Присутствовавшие на встрече сотрудники ИМЭМО согласились осуществить перевод 20% терминов, а Институт Европы от участия в Проекте отказался. Старший научный сотрудник нашего Института М.С. Пальников взялся перевести раздел «Экономика». Остальную работу – перевод, добавление синонимов, редактирование всего массива и ввод в базу данных – взяла на себя Группа разработки тезаурусов. Проект русской версии был завершен в начале 2008 г. и включен в состав многоязычного Европейского тезауруса⁴². По оценке зарубежных коллег, ИНИОН подтвердил свою репутацию серьезного информационного Центра.

За время работы в Институте мне довелось участвовать и в некоторых других международных проектах. Интерес западных научных кругов к развитию общественных наук в социалистических странах был высок. По инициативе Венского центра европейского сотрудничества в области информации и документации по социальным наукам (European Cooperation in Social Science Information and Documentation – ECSSID) наш Институт совместно с национальными органами МИСОН подготовил библиографию избранных работ обществоведов европейских социалистических

стран в трех томах⁴³. Включенные в библиографию публикации снабжены краткими, но информативными рефератами на английском языке. Редколлегия, куда входили и западные ученые (В. Филиас – Национальный центр социальных исследований, Афины; М. Херфурт – Информационный центр по социальным наукам, Бонн; Ж. Мейриа – Национальный фонд политических наук, Париж), высоко оценила качество представленных ИНИОН материалов.

Приведу еще один пример сотрудничества в области библиографии. В июне 1977 г. по инициативе В.А. Виноградова в ИНИОН проходило первое в Европе совещание по вопросам информации в области общественных наук. В совещании приняли участие представители информационных центров 20 европейских стран, Канады и шести международных организаций. В перерыве одного из заседаний Генеральный секретарь редакции ежегодника «Международная библиография по общественным наукам»⁴⁴ (основана в 1952 г. ЮНЕСКО совместно с Международным комитетом по информации и документации в области общественных наук – ICSSID) Ж. Мейриа обратился к нашему директору с просьбой присылать материалы для этого издания. Владимир Алексеевич рекомендовал меня в состав редакции. Библиографическая информация о работах советских ученых стала регулярно (с 1978 по 1986 г.) публиковаться в этой международной библиографии.

Интерес Запада к нашим социальным и гуманитарным наукам не ограничивался библиографией. (Речь идет только о тех проектах обмена информацией, в подготовке которых я участвовал вместе со своими коллегами.) Так, например, в рамках совместных проектов Американского Совета научных обществ и Комиссии по социальным и гуманитарным наукам Академии наук наш Институт подготовил для издания в США два справочника: один – об институтах АН СССР, а второй – об институтах Академий наук бывших советских республик, включая Россию⁴⁵. Справочники

⁴³ Social sciences in socialist countries: Selected literature. Vol. 1: Literature, 1978–1979. – М., 1981 – 265 p.; Vol. 2: Literature, 1980–1985 / Ed. by R. Mdivani et al. – М., 1986. – 343 p.; Vol. 3: Literature, 1986–1988 / Ed. by L. Verchenov et al. – М., 1988. – 226 p.

⁴⁴ International bibliography of the social sciences / Prep. by the International commity for social science information and documentation. – London: Tavistock publications; Chicago: Aldine publishing company, 1952– .

⁴⁵ A Scholar's guide to humanities and social sciences in the Soviet Union / Project supervisors: V. Vinogradov, B. Ruble; Ed.: M. Teeter, R. Mdivani, V. Pliushchev, L. Skvortsov, W. Fisher; Working group: V. Osinov, V. Cherviakov, G. Levina, O. Dorokhina, E. Magaj. – N.-Y.: M.E. Sharpe, 1985. – 310 p.; A scholar's guide to humani-

⁴² Mode of access: <http://www.ireon-portal.eu/index.php?id=91&js=no&L=1>.
Публикацию о проекте см.: <http://www.einiras.org>

содержат краткую историю академических учреждений, подробное описание структуры, количество научных сотрудников (академиков, докторов и кандидатов наук), имена руководителей, темы приоритетных научных направлений и т.п. Кроме того, в Справочники включены предметные указатели и указатели имен.

В ином ключе был подготовлен Справочник российских ученых-славистов, работающих в Российской академии наук⁴⁶. Он содержит сведения о месте работы и должности 830 ученых, их образовании, ученой степени, круге основных научных интересов, адреса и телефоны. Подробный предметный указатель издания систематизирован по основным темам и ареалам исследований. Этот Справочник оказал большую помощь в установлении научных контактов между российскими учеными и членами Американской ассоциации по развитию исследований в области славистики. Руководителем всех трех проектов с нашей стороны был академик В.А. Виноградов.

Работа над этими тремя Справочниками, на мой взгляд, была образцом сотрудничества разных подразделений ИНИОН: Виктор Иванович Плющев и его сотрудники провели тщательную и объемную работу по сбору материалов; переводы делала Галина Левина; я и мои сотрудники провели редактирование материалов, предметизацию, транслитерацию русских слов и подготовку английских оригинал-макетов к изданию.

Я постарался рассказать о своей работе в ИНИОН, которая началась 40 лет назад. Это было время, когда слова о том, что работаешь в Академии наук, вызывали уважение окружающих. Сегодня у большей части нового поколения это вызывает в лучшем случае сочувствие, а в противном – мысль, что «работа дураков любит». Но Академия, слава Богу, жива, и приходит на ум, что не так уж плохо работать во имя любви к своему делу и приносить пользу науке.

ties and social sciences in the Soviet successor state / Project supervisors: V. Vinogradov, B. Ruble; Ed.: M. Teeter, R. Mdivani, V. Pliushchev, L. Skvortsov, W. Fisher; Working group: V. Osinov, V. Cherviakov, G. Levina, O. Dorokhina, E. Magaj. – N.-Y.: M.E. Sharpe, 1993. – 228 p.

⁴⁶ Directory of Scholars in Slavic studies in institutes of the Russian academy of sciences / Project Directors: Dorothy Atkinson, Vladimir A. Vinogradov; Ed.: Robert Mdivani, Matt F. Oja, Victor Pliushchev, Mark H. Teeter; Compiled by: I. Bondarenko, O. Dorokhina, G. Levina, O. Lushnikova, E. Magaj, R. Mdivani, V. Pliushchev, M. Pozdnyakova. – Stanford, California: American association for the advancement of Slavic studies (AAASS); Moscow: Institute of scientific information in the social sciences (INIION) of the Russian academy of sciences, 1993. – 110 p.

А.М. Кулькин НАУКОВЕДЕНИЕ В ИНИОН

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук – мое третье место работы. До него я работал на закрытом объекте – преподавателем в Отделении Московского инженерно-физического института, а затем в Издательстве Академии наук СССР (ныне – «Наука»). Издательской деятельности посвятил 12 лет. Нашими авторами были, как правило, научные сотрудники академических институтов. Издательство обладало удивительной особенностью. Оно располагало полной информацией о внутренней жизни академических институтов: поступающие в издательство рукописи сотрудников служили исчерпывающими индикаторами их интеллекта, в процессе работы над текстом рукописи авторы, как бы между прочим, сообщали о важнейших событиях в своих институтах, давали характеристики коллегам и руководителям, а также сведения о враждующих группировках.

Меня приглашали на работу, особенно после защиты кандидатской диссертации, несколько академических институтов. Но избыток информации, которой я располагал о них, затруднял выбор. Тем более что в те годы происходило формирование новой отрасли знания, получившей в нашей стране название «наукovedение». А мои научные интересы соответствовали этому научному направлению. Друзья, работавшие в аппарате ЦК КПСС, посоветовали не спешить с переходом на другую работу, так как в самых высоких инстанциях готовилось постановление о создании в системе Академии наук СССР нового института. Действительно, вскоре такое решение было принято.

В сентябре 1970 г. я был зачислен в штат Института научной информации по общественным наукам, который был создан на базе

Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН). На меня были возложены обязанности заведующего Отделом науковедения и истории науки. К этой роли я был подготовлен. Дело в том, что, работая в издательстве, я взял на себя шефство по изданию книг в серии «Науковедение: Проблемы и исследования», энтузиастом которой был директор Института истории естествознания и техники С.Р. Микулинский. При мне в этой серии вышли книги «Организация научной деятельности» (1968), «Научное творчество» (1969), «Очерки истории и теории развития науки» (1969)⁴⁷.

Кстати, попытка С.Р. Микулинского наладить выпуск информационных сборников на базе своего института не увенчалась успехом. Он не верил, что я смогу осуществить его мечту: организовать и запустить в поточное производство науковедческую информацию. Об этом он сказал мне, когда стали выходить по подписке серии «Науковедение» реферативные журналы (РЖ) и многочисленные информационные сборники по проблемам науковедения, которые рассылались по всей стране.

Наука как социальный институт – явление чрезвычайно сложное, имеющее экономические, социологические, социально-психологические, структурно-организационные аспекты. Могут ли все ее грани быть охвачены одной отраслью знания? Возможно ли вообще существование такой области исследований? В каком соотношении находится науковедение с историей науки и техники? От решения этих вопросов во многом зависит выяснение, кому и как разрабатывать проблемы науковедения, если мы хотим, чтобы результаты исследований способствовали формированию общей теории развития науки и теоретической основы научной политики.

Первоочередная задача – создание рубрикатора по науковедению

Прежде всего мы (я и сотрудники библиографического сектора по науке во главе с Ольгой Антоновной Барыкиной) начали

кропотливую работу с разработки науковедческого рубрикатора. Особо следует сказать о библиографическом секторе. Нам повезло, что он изначально входил в состав Отдела. Сектор был основан в 1934 г. Тогда термина «науковедение» не было, но был его синоним «наука». В картотеках сектора нашла отображение вся научная жизнь СССР. О.А. Барыкина кроме внутрисекторского каталога по науке располагала адресами научных учреждений и вузов страны. Все это находилось в великолепном состоянии: систематически вносились все происходившие изменения, т.е. постоянно проводился своеобразный мониторинг. Надо сказать, что библиографическая служба ФБОН была одной из лучших в стране, если не самая лучшая.

Одновременно с этим я приглашал в Отдел будущих коллег: Л.М. Косареву, проявившую себя спустя десять лет как незаурядная личность; А.Б. Гецелевич, Л.О. Чичиканову и Т.В. Горбунову (теперь уже на пенсии), ставших специалистами высшей квалификации, заслуживающих самого глубокого уважения за верность Отделу; А.Н. Лука, весьма талантливую личность и любимца коллектива. Я назвал только тех, кто принадлежит к славной когорте основателей Отдела науковедения.

Создание рубрикатора началось с составления проспекта анкеты, основой которой послужила картотека-каталог библиографического сектора. 200 или 300 экземпляров этой анкеты было разослано в научные учреждения и вузы страны с сопроводительным письмом, в котором содержалась просьба сделать замечания и дополнения. Вернулось 70 анкет с замечаниями. Это было неплохо. Первоначально был сделан временный вариант рубрикатора, необходимый для поиска и отбора из мирового потока литературы тех книг и журнальных статей, которые годились для подготовки рефератов и обзоров. Одновременно я и В.А. Глинский работали над рубрикатором по науковедению и истории науки как составной части общеинститутского рубрикатора. Эта работа продолжалась с перерывами около года. С перерывами, потому что в 1972 г. дирекция Института приняла решение о создании реферативных журналов. Это решение было обязательным для большинства Отделов. В порядке выполнения этого решения руководство Института составило график обсуждения пробных номеров РЖ. Поэтому работа над вариантом общеинститутского рубрикатора, который являлся частью всесоюзного, совмещалась с подготовкой макета пробного номера РЖ. В 1972 г. завершилась работа над рубрикатором и успешно прошло обсуждение пробного номера.

⁴⁷ Организация научной деятельности. Науковедение, проблемы и исследования / Ред. кол.: Беляев Е.А. и др. – М.: Наука, 1968. – 444 с.; Научное творчество: (Перераб. тексты докл. и выступлений на Первом всесоюз. симпозиуме по психологии науч.-техн. творчества) / Подгот. Алексеев Н.Г., Пономарев Я.А., Фролов Б.А. Под ред. Микулинского С.Р., Ярошевского М.Г. – М.: Наука, 1969. – 446 с.; Очерки истории и теории развития науки / Под ред. С.Р. Микулинского (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1969. – 423 с.

В 1973 г. в Москве состоялся XIII Международный конгресс по истории науки. Сотрудники Отдела науковедения ИНИОН обеспечивали членов советской делегации необходимой информацией.

Обсуждение информационных изданий ИНИОН АН СССР

Первую половину 70-х годов прошлого века можно назвать этапом обсуждения информационных изданий ИНИОН как внутри Института, так и за его пределами. Сотрудники всех отделов Института обсуждали тип реферата и проблему свертываемости информации. В связи с этим возник вопрос, можем ли мы использовать опыт всемирно известного Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ) Государственного комитета СССР по науке и технике и АН СССР. Будучи членом Ученого совета этого института, я познакомился с его работой изнутри и пришел к выводу, что можно и нужно использовать результаты исследований сотрудников ВИНИТИ по информатике, но нельзя использовать созданный ими тип реферата. Это не только мое мнение, его разделяют и большинство сотрудников ВИНИТИ. Так что сотрудникам ИНИОН решать возникшие перед ними задачи пришлось самостоятельно. В результате многочисленных дискуссий в конечном итоге договорились, что реферат должен быть лаконичным, точным (адекватно отражать содержание статьи и книги), а объем его должен быть гораздо большим, чем у реферата ВИНИТИ. Увеличение размера реферата повлекло за собой утрату его документальности. На это обстоятельство обратили внимание при обсуждении наших информационных изданий вне Института, которые проводились во многих городах Советского Союза. Отмечу одно выступление, которое врезалось в память. По моей просьбе было организовано обсуждение среди слушателей курсов повышения квалификации Высшей партийной школы (ВПШ) в Москве. Один из слушателей – заведующий отделом Павлодарского обкома – заявил: «Почему мы, читатели, должны верить текстам ваших реферативных журналов и реферативных сборников? Иными словами, насколько они адекватны оригиналам?» Обращаясь к нам, представителям ИНИОН, он сказал: «Подумайте, каким образом реферату придать документальный характер. Нам, живущим и работающим на периферии, это очень важно. У нас нет таких библиотек, какими вы здесь, в Москве, располагаете, мы не имеем

возможности установить достоверность ваших реферативных текстов. Сделайте это вы сами. Подумайте над тем, что я сказал».

Подводя итоги обсуждения в Отделе, мы задумались над этой просьбой. Она преследовала меня несколько недель. Оказалось, чтобы придать реферату документальный характер, нужно цитировать фактические данные, цифровой материал и основные положения статьи, а тем более книги, что я и сделал, потребовав от штатных и внештатных сотрудников использовать цитаты как фактор документальности.

Приблизительно месяц спустя после обсуждения РЖ серии «Науковедение» слушателями курсов повышения квалификации ВПШ идея использовать цитаты как фактор документальности реферата была высказана директором ИНИОН АН СССР В.А. Виноградовым в заключительном слове на заседании Ученого совета Института. «То, что представляет, – сказал он, – фактический интерес, то, что может быть использовано при написании статей, монографий и аналитических обзоров, это, видимо, нужно брать в кавычки, нужно давать ссылку на страницы. Таким образом, это сделает выпуски нашего журнала практически полезными для научных работников, потому что за пределами Москвы многие книги нельзя получить. Здесь мы должны обращать особое внимание на достоверность, точность передачи фактического материала, с тем чтобы наш журнал не послужил делу распространения дезинформации. Любая ошибка, повторенная нами, может десятки раз быть повторена. Этих ошибок не должно быть»⁴⁸.

Я был доволен выступлением директора. Теперь цитирование авторов статей и книг в реферате стало для меня не только личной инициативой, но и указанием руководства к исполнению.

Официальное обсуждение серии «Науковедение» РЖ «Общественные науки за рубежом» состоялось 25 октября 1972 г. на заседании Ученого совета ИНИОН АН СССР. Выступило 16 человек, которые представляли девять научных учреждений. Плюс девять письменных положительных отзывов, поступивших на имя директора ИНИОН, члена-корреспондента АН СССР В.А. Виноградова, в том числе от академиков П.Л. Капицы и Б.М. Кедрова. Вскоре по моему предложению Б.М. Кедров был назначен главным редактором РЖ серии «Науковедение». Выступления, зафиксированные в стенограмме, содержали большой фактический материал, предложения,

⁴⁸ См. стенограмму заседания Ученого совета ИНИОН АН СССР от 25.10.1972 г.

пожелания, замечания, большинство которых было учтено при подготовке первого номера РЖ.

Следует особо отметить, что обсуждение РЖ серии «Науковедение» продолжалось и после Ученого совета еще два года включительно, до 1974 г. Чтобы передать интеллектуально-духовную атмосферу вокруг науковедения того времени, целесообразно сделать краткий ретроспективный обзор.

В марте 1974 г. было проведено обсуждение серии «Науковедение» РЖ «Общественные науки за рубежом» научной общественностью Ленинграда и Киева. 11 марта состоялось обсуждение в Ленинградском отделении Института истории, естествознания и техники АН СССР с участием представителей вузов и отраслевых НИИ Ленинграда, 12 марта – в ЛГУ. В обсуждении принимал участие старший научный сотрудник Отдела науковедения и истории науки, член редколлегии серии «Науковедение» РЖ А.Н. Лук. 15 марта состоялось обсуждение в Киеве в рамках Пятого всесоюзного симпозиума по проблемам науковедения, организованного Сектором комплексных проблем Института кибернетики АН УССР. В обсуждении приняли участие представители Отдела О.А. Барыкина и А.Н. Лук.

Все выступившие на обсуждениях подробно остановились на следующих вопросах: 1) полнота охвата реферативным журналом потока науковедческой литературы; 2) структура РЖ серии «Науковедение»; 3) качество отдельных рефератов; 4) оперативность реферативной информации; 5) наиболее рациональный способ распространения журнала.

Все высказанные замечания и пожелания можно разделить на три группы:

1) пожелания, которые, в случае если редколлегия РЖ серии «Науковедение» согласится с ними, могут быть выполнены сотрудниками Отдела науковедения;

2) пожелания, выполнение которых потребует усилий в масштабах всего Института;

3) наконец, пожелания, исполнение которых требует усилий, выходящих за рамки ИНИОН АН СССР.

К последней группе относятся следующие замечания.

I. Все без исключения выступавшие решительно высказались за изменение способа распространения журнала и предлагали распространять РЖ серии «Науковедение» по свободной подписке через «Союзпечать».

II. Большинство выступавших настаивали на изменении периодичности журнала: вместо четырех – шесть раз в год. При этом указывалось, что даже если его объем ограничен, все равно лучше выпускать шесть номеров журнала по 10 печатных листов, чем четыре номера по 15 листов. Более частый выход не только повысит оперативность информации, но и приведет к тому, что получение журнала войдет в «научный обиход», скорее станет привычным инструментом науковедов.

В идеале, как отмечали многие, следует перейти на ежемесячный выпуск.

III. Большинство выступавших выразили полное понимание того факта, что оперативность во многом зависит от комплектования, от того, когда материалы поступают в Институт. Выступавшие предлагали не путать **оперативность** информации с ее **актуальностью**. Порою работы, изданные несколько лет назад, настолько важны и интересны, что не следует руководствоваться формальным признаком – годом издания. В качестве примера приводили книгу Т. Куна «Структура научных революций». Она вышла вторым изданием в 1969 г. и реферат на нее был помещен в РЖ № 1 за 1973 г. Но даже если бы и не было второго издания, то следовало дать реферат на первое издание 1962 г., ибо эта книга – веха в истории науковедческой мысли. Русского перевода не было, а подлинник труднодоступен, особенно для научных работников, живущих на периферии.

Поэтому выступавшие рекомендовали редколлегии наряду с текущей информацией в отдельных случаях давать и ретроспективную, т.е. помещать в РЖ рефераты отдельных работ, вышедших в 60-е и даже 50-е годы, руководствуясь актуальностью информации, отсутствием перевода на русский язык и труднодоступностью той или другой статьи или книги.

IV. Обсуждение качества отдельных рефератов привело к признанию того факта, что реферат высокого качества может быть выполнен лишь квалифицированным научным работником. Таких работников и следует привлекать для внештатного реферирования, для чего им нужно гарантировать приличный гонорар.

V. Выступавшие сожалели о том, что в журнале нет японских и венгерских материалов. Не высказав никаких предложений в отношении японских науковедческих работ, предлагалось установить прямые контакты с науковедческими учреждениями Венгерской академии наук – там работает, по-видимому, немало людей, получивших образование в СССР и знающих русский язык.

В порядке обмена научной информацией они могли бы присылать рефераты венгерских науковедческих работ. Можно попытаться установить связи с венгерскими коллегами через соответствующие организации АН СССР, но личные контакты предпочтительнее.

VI. Участники дискуссии предлагали редколлегии помещать в РЖ рефераты препринтов и оттисков, получаемых некоторыми учеными непосредственно от своих зарубежных коллег. Однако Отдел науковедения считал такое предложение неприемлемым.

VII. Ряд выступавших говорили о необходимости непременно командировать на каждую конференцию, на каждый симпозиум по науковедению, которые проводятся в нашей стране, по крайней мере одного из членов редколлегии РЖ серии «Науковедение» и давать потом на страницах журнала информацию о состоявшемся мероприятии.

VIII. Были внесены предложения об издании реферативных тематических сборников и обзоров по науковедческой литературе.

Науковедение: Информационный прорыв

С сентября 1970 по 1974 г. была создана инфраструктура информационного обеспечения фундаментальных науковедческих исследований: рубрикатор по науковедению, который вошел составной частью в общеполитический, ставший в свою очередь частью всесоюзного (ныне российского) рубрикатора; во многих городах страны проведено обсуждение информационных изданий, в том числе РЖ серии «Науковедение».

Комплектование литературы по проблемам науковедения в Фундаментальной библиотеке на основе разработанного рубрикатора увеличило долю книг и журналов науковедческого профиля в общем потоке научной литературы, поступающей в фонды ИНИОН. Это обстоятельство позволило увеличить выпуск реферативной и аналитической информации по проблемам науковедения и истории науки.

Основные направления деятельности Отдела

1. С 1975 по 1988 г. РЖ серии «Науковедение» из номера в номер содержал раздел «Экономика науки и эффективность научных исследований». За 14 лет, вплоть до перестройки, был опубликован огромный массив информации по становлению (в основном в США) инновационной экономики, формированию в этой

стране национальной инновационной системы. Для нас, сотрудников Отдела, все было новым. Информация этого раздела содержала факты и процессы, происходившие в экономике, которые были несовместимы с идеологией советской системы. Спрос в экономике на научные знания и физических лиц – носителей этих знаний был настолько велик, что вынудил работодателей строить свои отношения с наемными работниками скорее на партнерской, нежели «эксплуататорской» основе, т.е. брать на себя в отношении работников серьезные обязательства по их социальной защите. Данное обстоятельство уменьшало роль профсоюзов как традиционных правозащитных организаций в сфере трудовых отношений. Это отчетливо продемонстрировало в 1980–1990-е годы практика реформирования социально-трудовой сферы в развитых странах, где между правительством, открывшим путь к партнерским отношениям в сфере труда, и профсоюзами возник серьезный конфликт.

К сожалению, весьма актуальная информация раздела «Экономика науки и эффективность научных исследований» РЖ серии «Науковедение» своевременно не была востребована. Только спустя 20–25 лет российские эксперты-исследователи, вслед за зарубежными коллегами, заговорили о «новой экономике», «информационном секторе экономики». Показательно одно из определений «новой экономики» – «информационная экономика», т.е. органическая часть «информационного общества». Информационная экономика – это наукоемкая и высокотехнологичная экономика, где основной упор делается на знания, технологии, инновации, и потому в ее центре оказывается то, что специалисты называют «интеллектуальным и человеческим капиталом». Ее формирование в США в основном происходило в 1975–1990 гг.

2. Представляет большой интерес научная направленность информации РЖ. Об этом свидетельствует тематическая структура серии «Науковедение» РЖ первого этапа становления. В качестве примера приведем название разделов в содержании одного из номеров (Науковедение, 1976, № 4, рефераты 76.04.001–76.04.096).

- I. Наука и общество. Социология науки
- II. Методология и теория развития науки
- III. Научное творчество
- IV. Организация научной деятельности. Управление наукой
 1. Научная политика
 2. Управление исследованиями в научных учреждениях
- V. Научные кадры
- VI. Экономика науки и эффективность научных исследований

Тематическая структура науковедения как научного направления, в отличие от РЖ, гораздо шире, она фактически не имеет границ. Науковеды идут вслед за наукой. Она врывается в сферу экономики и диктует свои довольно жесткие правила поведения всем участникам данной сферы: политикам, экономистам, бизнесменам. От политиков она требует законов, устраняющих барьеры на ее пути; от экономистов – резкого снижения зависимости экономического роста от естественных ресурсов (земли, рабочей силы, полезных ископаемых и т.д.) и использования, в первую очередь, «интеллектуального и человеческого капитала»; от бизнесменов – кардинального изменения отношения к системе управления производством. «Нужна организационная структура, способная изменяться ежегодно, еженедельно, ежедневно и даже ежечасно применительно к новым обстоятельствам. Жесткие системы стали динозаврами»⁴⁹. Наука становится стратегическим фактором формирования современной системы управления государством. Поэтому политики вынуждены обращаться к опыту бизнесменов. Необходимо помнить, что наука проникает во все сферы человеческой деятельности, и там, куда она еще не проникла, нужно быть готовыми принять «госпожу науку» с распростертыми руками.

В эти же годы сотрудники Отдела науковедения уделяют большое внимание истории науки: выпуск реферативных сборников и обзоров по истории науки по общему объему печатной продукции не уступал общему объему РЖ.

С подачи Отдела науковедения появился термин «историко-научные исследования». Под этим названием вышли в свет реферативные сборники и обзоры по многим странам мира. Особую роль в становлении информации по истории науки сыграла **Людмила Михайловна Косарева**. Она была весьма одаренной личностью. После защиты кандидатской диссертации, работая в Отделе науковедения, она с увлечением изучала историю науки разных эпох. Ей принадлежит множество историко-научных рефератов и обзоров, на основе которых она одна из первых издала книги: «Предмет науки: Философский аспект проблемы» (1977)⁵⁰ и «Со-

циокультурный генезис науки Нового времени» (1989)⁵¹. Ее научные интересы были весьма широкими и масштабными и вызывали изумление. Об этом свидетельствует ее монография «Рождение науки Нового времени из духа культуры» (1997)⁵², изданная посмертно. Назовем некоторые научно разработанные Л.М. Косаревой проблемы: социокультурные истоки экспериментального метода в науке; этические идеалы и познание природы; проблема герметизма в западных исследованиях генезиса науки; вероятностная концепция естественно-научного знания в гносеологии XVII в.; эволюция концепции времени в науке; социокультурные истоки коперниканской революции; методологические проблемы исследования развития науки; Галилей и становление экспериментального естествознания.

Новые задачи

В 1986 г. я был намерен защитить докторскую диссертацию. Но после встречи с директором ИНИОН РАН В.А. Виноградовым защиту пришлось отложить на год. Директор поставил задачу: основать общеинститутскую серию по актуальным проблемам информации. Предстояло придумать название серии, а затем составить проспект с кратким изложением содержания входящих в нее изданий. Было предложено три названия серии. Все они были «зациклены» на общественные науки. Во время обсуждения я заявил, что ни одно из них не годится. Дело в том, что у нас, сотрудников Отдела, в процессе подготовки рефератов и обзоров по проблемам науковедения сформировалась мировоззренческая позиция по данному вопросу.

Мы исходили из того, что реальная действительность, объект научной деятельности, едина по своей природе, и все в ней взаимосвязано и взаимозависимо. Разбиение науки на отдельные дисциплины – лишь вынужденный методологический прием, обусловленный ограниченностью познавательных возможностей человека. И чем глубже проникает наше знание в конкретную область, тем отчетливее единство мироздания проступает и ощуща-

⁴⁹ Цит. по: Авдулов А.Н. Информационное общество: Эволюция, современный этап, уроки для России // Россия и современный мир. – М., 2005. – № 4. – С. 11.

⁵⁰ Косарева Л.М. Предмет науки: Социально-филос. аспект проблемы. – М.: Наука, 1977. – 159 с.

⁵¹ Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового времени: Филос. аспект проблемы / АН СССР. ИНИОН; Отв. ред. Микешина Л.А. – М.: Наука, 1989. – 159 с.

⁵² Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. – М.: Ин-т психологии РАН, 1997. – 358 с.

ется самими учеными. Не случаен и тот факт, что за последние полвека постоянно меняется дисциплинарный спектр науки. С одной стороны, он все больше дробится, внутри традиционных отраслей выделяются все новые узкие подотрасли. На стыках, прежде обособленных, возникает много новых дисциплин переходного типа вроде химической физики или физической химии. С другой стороны, уже прочно вошло в жизнь укрупненно-предметное деление на новые комплексные области – такие, как науки о Земле, науки о жизни, науки о человеке. Здесь грани между традиционными дисциплинами стираются, в том числе и между естественными и общественными науками. Отметим также, что в последние десятилетия благодаря бурному прогрессу информатики и информационных технологий значительно сблизились аппаратное и математическое обеспечение естественных и общественных наук. В обществоведении все шире используются математические методы, различные формы моделирования и т.п.

Директор института В.А. Виноградов утвердил предложенное Отделом науковедения название серии «Информация, наука, общество». Одновременно была сформирована редакционная коллегия серии во главе с директором. Координация деятельности по «запуску» серии с привлечением по возможности всех отделов ИНИОН РАН была возложена на наш Отдел. Выпуск информационных материалов в новой серии означал для Отдела выход за рамки науковедческих проблем, хотя многие из них были очень близки или пересекались с науковедческими исследованиями. Об этом свидетельствуют первые реферативные сборники и обзоры, сданные в производство в 1987 г., не говоря о последующих. Назовем некоторые из них, чтобы получить представление о тематическом диапазоне серии: «Компьютеризация общества и человеческий фактор» (1988), «Концепции интеллектуальных систем» (1988), «Гуманитарные основы информационной технологии» (1988), «Информационная технология и наука» (1989), «Государственные программы развития техники и технологии (США, страны Западной Европы)» (1989), «Перспективы информатизации общества» (1990), «Информационная технология и проблемы информатизации современного общества» (1991), «Когнитивная психология и искусственный интеллект» (1992), «Информационная революция: наука, экономика, технология» (1993), «Информационные технологии и образование» (1996), «Современные информационные технологии и общество» (2002).

Замысел сделать серию общеинститутской фактически не был осуществлен. Как-то незаметно все заботы по изданию серии в целом сосредоточились на Отделе науковедения. Для сотрудников Отдела тематика серии, которую мы сами формировали, представляла большой интерес. Объем работы резко возрос, это естественно вызвало озабоченность, но она была умеренной и легко снималась. Президиум РАН дважды выделял для Отдела вакансии с целевым назначением. Всего их было выделено около 40. В Отдел было зачислено 26 человек – число вполне достаточное для выполнения возросшего объема работ. Все это свидетельствовало о том, что наша информационная продукция была востребована.

Странна, необычна судьба серии «Информация, наука, общество». Она прекратила свое существование одновременно со своим идейным антиподом – ежегодником «Теория и практика общественно-научной информации». Название серии исходит из того, что информация обладает единой субстанцией, она едина для всех отраслей и направлений научного знания, в том числе и общественных наук. Название ежегодника исходит из того, что существует особая общественно-научная информация. На самом деле такой информации нет. В начале 2000-х годов дирекция ИНИОН РАН, наконец, осознала, что использование термина «общественно-научная информация» в ежегоднике Института ведет его в тупик. Была предпринята попытка основать общеинститутский ежегодник, используя для этого название серии. В итоге серия, которая могла служить еще многие годы, прекратила свое существование, а ежегодник под ее названием так и не был создан.

Реферативные сборники и обзоры серии «Информация, наука, общество», а точнее, их содержание, заставили задуматься о том, каким образом сохранить это информационное направление. Вписать его в структуру Отдела науковедения с разработанным для него рубрикатом было невозможно. Оставался один путь: преобразовать Отдел науковедения в Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям, в который на равных основаниях входили бы три отдела: Отдел науковедения, Отдел проблем образования и Отдел современных информационных технологий. Надо было выбрать время, чтобы начать реализацию этой идеи. И оно вскоре как по заказу наступило: в 1998 г. уходил с поста директора Института академик В.А. Виноградов, которому Президиум РАН при поддержке нашего Ученого совета дважды пролонгировал полномочия директора ИНИОН РАН. Весьма редкий случай в истории РАН. Могу засвидетельствовать,

что отношение коллектива Института к своему директору было в этот момент очень теплым. Многие сожалели о его уходе.

Незадолго до этого события я пришел к нему на прием с одним вопросом: нужна ли ему помощь в поисках нового директора ИНИОН? Тут же последовал ответ: искать никого не нужно. Мы выберем его из наших сотрудников. Но имя своего преемника не назвал. А я и не спросил его, кого «мы выберем», потому что, не выходя из его кабинета, вычислил, кого он избрал своим преемником. Вскоре мой расчет, предположение подтвердились. Им оказался Ю.С. Пивоваров.

Избрание на должность директора ИНИОН РАН Ю.С. Пивоварова сопровождалось преобразованием структуры управления Институтом, была проведена его структуризация, в результате которой в Институте появились Центры. Такая реорганизация была направлена на повышение эффективности управления Институтом. Но спустя полгода, в августе 1998 г., в России произошел дефолт. Финансирование РАН и без того было скудным, а теперь в результате дефолта она была обречена на нищету. Все надежды на создание Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям с тремя активно работающими отделами рухнули. Центр был сформирован фактически на общественных началах, без кадрового и бюджетного обеспечения его деятельности. К этому вопросу целесообразно вернуться. Такой Центр необходим Академии.

Преобразования в Институте происходили на политическом фоне десятилетия великого ограбления страны, в результате которого появились олигархи-грабители. Теперь под лозунгом реформы – перестройки РАН – скрывалось активное стремление «приватизировать» ее собственность, т.е. провести очередное ограбление, в результате которого наука в России в качестве социального института могла исчезнуть навсегда. Защитить ее было некому, потому что фрагментация верховной власти, борьба институтов политической системы друг с другом в этот исторический момент привела к управленческому хаосу. Зарплата в академических институтах была настолько низкой, что их сотрудники не могли содержать семьи и даже прокормить себя. При таких условиях приток молодых кадров в науку прекратился. Это обстоятельство породило массовую миграцию научных и инженерно-технических работников в другие сферы деятельности.

Так что избрание Ю.С. Пивоварова директором имело принципиальное значение. Весь коллектив Института был озабочен од-

ним: сможет ли новый директор сохранить институт в тяжелейших условиях, в которых оказалась Российская академия наук? Следует отдать ему должное: согласившись стать директором, он тем самым взвалил на себя бремя ответственности, меру которой невозможно измерить.

«Кадры решают все»

Основной обязанностью сотрудников Института были подготовка и выпуск фундаментально ориентированной информации по социальным и гуманитарным наукам. В течение десятилетия, в 70-е годы прошлого века, Институт в основном решил эту задачу. В 1980-е годы на первый план выдвинулась довольно актуальная проблема: каким образом сохранить достигнутый профессиональный уровень информации и каковы пути дальнейшего повышения ее качества. Единственно верный путь, который сам собой напрашивался, – органично соединить информационную деятельность с научными исследованиями. Здесь возникает деликатная ситуация: не все сотрудники могут выполнять научно-исследовательскую работу. А в этом и нет необходимости. Зато они обладают определенными профессиональными навыками, которые позволяют им сделать реферат лаконичным, точным и адекватным оригиналу статьи или книги. Исследования должны выполнять те, кто на это способен. Научные сотрудники, освоившие технологию подготовки (поиск и отбор литературы) и написания рефератов и не претендующие на исследования, являются по своей значимости человеческим капиталом, золотым фондом института. Но свою значимость они смогут сохранить и приумножить только при одном условии – если с ними рядом будут их коллеги-исследователи. Поэтому каждый Сектор, Отдел, Центр должны иметь группу, ядро научных сотрудников, способных выполнять, наряду с информационной, научно-исследовательскую работу. Реализация результатов их исследований будет способствовать повышению эффективности деятельности как отделов, так и Института в целом. Создание такого творческого коллектива – это обязанность его руководителя. Процесс его формирования происходит в течение многих лет. Творческий коллектив представляет собой хрупкий и легко ранимый организм, уход из него одного сотрудника сказывается на деятельности всего коллектива, а принудительное сокращение, которое проводилось в РАН в 2006–2008 гг. под административным давлением Минобрнауки РФ при молчаливом

согласии Президиума Академии, было чрезвычайно разрушительным. Фактически в РАН были уничтожены сотни творческих коллективов. В настоящий момент приобрела чрезвычайную актуальность проблема защиты их институционального статуса от административных посягательств.

70–80-е годы прошлого века были временем не только активной работы Отдела, но и формирования единого коллектива сотрудников. Каждый отдел Института имел фонд финансовых средств на оплату услуг «внештатников», численность которых, например, при Отделе науковедения составляла около 30 человек. Их количество постоянно менялось: иногда возрастало почти до 40 человек или сокращалось до 20. Мы, находясь в штате Института, рассматривали «внештатников» в качестве резерва для зачисления наиболее достойных на постоянную работу в Отдел. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что в те, теперь далекие, времена существовали вездесущие партийные органы (райкомы, горкомы КПСС), которые в лице своих партийных комиссий осуществляли контроль за подбором (качеством) кадров во всех организациях, в том числе и в научно-исследовательских институтах. Партийные органы рассматривали отъезд на постоянное местожительство в другие страны как акт предательства. Поэтому на всех, кто покидал свое родное отечество, парткомиссии требовали от руководителей организации характеристики, а также какие меры по отношению к ним были приняты (имелись в виду собрания, клеймившие своего бывшего коллегу самыми неприличными словами, унижающими его человеческое достоинство).

«Внештатники» по своему составу делились на две части. В первую входили доктора и кандидаты наук. Их материальное обеспечение и престиж в обществе были достаточно высокими. Сотрудничая внештатно с ИНИОН, они руководствовались своими научными интересами: получить доступ к научной информации по своему профилю. Впрочем, они ее получали, даже не сотрудничая с Институтом. Информационные издания ИНИОН (реферативные журналы, реферативные тематические сборники, аналитические обзоры, специнформация) в советские времена рассылались в партийные учреждения, академические институты и на кафедры вузов бесплатно, за счет бюджета. Во вторую группу входили энергичные молодые люди, избравшие научную деятельность в качестве будущей профессии. Фонд финансирования внештатного сотрудничества, которым располагал ИНИОН, кроме его прямого назначения выполнял функцию организатора своеобразной неформаль-

ной школы. Дело в том, что автор реферата должен изложить содержание статьи или книги лаконично, точно, документально. А это уже мастерство, которое приобретается в течение ряда лет. Не случайно люди, освоившие технологию творения реферативных текстов, преуспели в качестве научных сотрудников в своих «родных» институтах. Они успешно защитили диссертации, стали известными учеными в своих областях.

Необходимо, к сожалению, отметить такой факт, имевший место в нашей истории. Среди внештатных сотрудников была особая категория людей. По своему социальному положению они являлись изгоями советского образца. Это были люди, получившие высшее образование и свободно владевшие иностранными языками, но отвергнутые обществом по непонятным причинам. Общение с ними у меня всегда вызывало чувство глубокого сострадания к ним и стыда за их судьбу. Некоторым из них я пытался оказать помощь. Мои обращения к высокопоставленным партийным чиновникам в ЦК КПСС оставались безуспешными.

Я как мог, помогал им: заключал с ними договора на подготовку и издание рефератов и обзоров. Наиболее способных зачислял в штат Отдела. При этом ставил одно условие: примешь решение сменить страну проживания – подашь заявление за два-три месяца до отъезда. Все, как показало время, выполняли достигнутую договоренность. Вот так мы жили и работали.

А между тем коллектив сотрудников Отдела науковедения продолжал расти и крепнуть. Почти у каждого из них появились творческие планы, реализация которых делала их жизнь более содержательной и интересной. Отделу повезло: появились сотрудники, проявившие себя в процессе работы на редкость творчески одаренными личностями.

Одним из них был **Анатолий Наумович Лук**. С 1971 г. – сотрудник Отдела, принадлежит к когорте его основателей, с 1973 г. – руководитель раздела «Научное творчество» РЖ серии «Науковедение». С 1971 по 1982 г. (год его внезапной смерти) опубликовал шесть книг, около десятка блестящих по форме и содержанию обзоров. Раздел по научному творчеству в РЖ наполнял рефератами один, не привлекая внештатников. Члены редколлегии РЖ неоднократно отмечали, что рефераты А.Н. Лука по своему содержанию превосходят оригиналы многих статей, авторы которых не смогли изложить результаты своих исследований в доступной для читателей форме.

После кончины А.Н. Лука возникла проблема с разделом РЖ серии «Науковедение». Были разные предложения. Одно из них – изменить название раздела. Возобладало мнение большинства сотрудников: уточнить название раздела можно, а кардинально менять нельзя. Пока обсуждались разные варианты, я искал психолога – человека, окончившего психологический факультет МГУ. Не исключено, что мое решение было обусловлено рефератами и обзорами А.Н. Лука по психологии научного творчества. Поиск длился больше года. Наконец, по рекомендации заведующего отделом философии А.И. Ракитова в Отделе появилась кандидат психологических наук **Татьяна Вячеславовна Виноградова**. Кандидатура подходила по всем нашим параметрам. Вопрос о руководителе раздела РЖ был закрыт. Чтобы она не передумала, мы (я и ученый секретарь Института), получив одобрение директора, быстренько провели ее через Ученый совет. С тех пор прошло 25 лет, теперь Т.В. Виноградова ветеран Отдела науковедения.

Немного раньше Т.В. Виноградовой в Отдел пришел **Андрей Николаевич Авдулов**. Будучи в зрелом возрасте, он решил сменить довольно успешную административную деятельность на научно-информационную и исследовательскую работу. У него было для этого основание. На прежней работе он защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам. А за участие в разработке станка новейшего типа и запуск его в серийное производство он стал лауреатом Государственной премии. В течение короткого времени он превратился в ведущего специалиста по сложнейшим проблемам науковедения. На этот факт я обратил внимание. И вскоре после своей защиты в 1987 г. докторской диссертации я предложил ему последовать моему примеру. Он согласился. Я предложил тему. В 1992 г. по теме диссертации вышла его монография «Наука и производство: век интеграции (США, Западная Европа, Япония)»⁵³. В 1995 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по философии. Хотя я и выступал в роли неофициального научного консультанта, нас сблизил не диссертация, а совместные командировки в 1989–1991 гг. в США и Англию, во время которых выяснилось, что мы принадлежим к одному поколению, сразу вступившему из детства в жизнь зрелых людей. В суровые годы войны мы были лишены отрочества и юности. По всей вероятности это обстоятельство и другие факторы подобного

рода послужили основой нашего сближения. Мы стали понимать друг друга, как говорится, с полуслова, а иногда было достаточно и одного взгляда.

А.Н. Авдулов обладал особой природной одаренностью, был необычайно талантливым и энциклопедически образованным человеком. Он опубликовал более десяти книг и множество статей по проблемам науковедения. В течение 25 лет работы в ИНИОН РАН им написано для РЖ серии «Науковедение» и издано несколько сотен великолепных по форме и содержанию рефератов.

В 1986 г. в Институте произошло, на мой взгляд, неординарное событие. В масштабе нашего учреждения оно было почти не замечено коллегами из других отделов. В Отдел науковедения в качестве главного научного сотрудника перешел **Анатолий Ильич Ракитов**. Я воспринял этот акт как дар судьбы. Как известно, он основал Отдел философии, отработал технологии подготовки реферативной и аналитической информации, запустил все виды информационных изданий по философии. Что же дальше? А дальше он принял мудрое решение: расстаться с административной деятельностью, постоянно порождающей напряженность и стрессовые ситуации в работе, и заняться подготовкой аналитической информации по проблемам науковедения, где уже сформировалось широкое поле для такого рода деятельности.

С научными трудами А.И. Ракитова я был знаком, а также со статьями иностранных журналистов о нем и его научной деятельности, которую они рассматривали как феноменальное явление. Сравнивали его с английским ученым-астрофизиком Стивеном Хокингом. Однажды, когда мы познакомились (это было давно), он рассказал мне, по моей просьбе, свою жизненную драму, граничащую с трагедией. Его рассказ вызвал у меня чувство благодарности за то, что он выдержал выпавшее на его долю тяжелейшее испытание, психологически не сломался. Я невольно сопоставил две судьбы: Ракитова с его многочисленными научными публикациями и Н. Островского с книгой «Как закалялась сталь», на которой было воспитано целое поколение советских людей. От такого сопоставления у меня возникло чувство неловкости перед Ракитовым за несправедливое отношение к нему отечественных журналистов. О нем надо писать книги за проявленное мужество в научной деятельности и на их основе воспитывать молодое поколение. Мету природной одаренности А.И. Ракитова определить трудно. Бесспорно, он обладает редким талантом. Об этом свидетельствуют

⁵³ Авдулов А.Н. Наука и производство: век интеграции (США, Западная Европа, Япония) / РАН. ИНИОН. – М.: Наука, 1992. – 168 с.

результаты его научных исследований, опубликованных в многочисленных статьях, сборниках научных трудов и книгах.

Только за время работы в Отделе науковедения с 1986 по 2008 г. А.И. Ракитовым издано 186 работ, в том числе 19 монографий; четыре книги переизданы и переведены на иностранные языки. Всего им опубликовано свыше 300 работ, в том числе 38 монографий. Переизданы на русском языке и переведены на иностранные языки 24 монографии.

Особо следует отметить раздел «Методология и теория развития науки» РЖ серии «Науковедение». Он является одним из самых сложных. Систематически отслеживать литературу по данной проблеме, реферировать ее, обобщать и писать на этой основе обзоры и статьи методологического содержания – наиболее надежный, верный способ развивать свои творческие способности. **Александр Алиевич Али-заде**, занимаясь названной тематикой, упорно и настойчиво работал, тем самым развивая их. Сначала его рефераты появлялись в РЖ эпизодически, затем все чаще и чаще. Наконец, он возглавил этот раздел.

А.А. Али-заде появился в отделе после окончания аспирантуры по рекомендации известного психоаналитика Арона Белкина, который сказал мне всего два слова: «Возьмешь – не ошибешься». Прогноз был кратким, но, как показало время, очень точным. Особенность формирования Али-заде как творческой личности состояла в том, что этот процесс происходил незаметно. В течение 30 лет он очень вырос в научном отношении, стал специалистом высшей квалификации по методологическим проблемам развития науки, а затем и по методологическим аспектам инновационных процессов, происходящих в обществе. Сфера его научных интересов требовала особой одаренности. Али-заде упорным трудом пробудил, развил и утвердил ее в себе.

В подготовке и в издании РЖ серии «Науковедение» ключевая роль принадлежит ответственному секретарю. Он производит унификацию всех разделов номера РЖ, его литературную обработку, учитывает все замечания членов редколлегии по тексту обсуждаемого номера. По совокупности прав и обязанностей ответственный секретарь является неременным членом редколлегии. Более двух лет я искал на эту должность подходящего человека. Обращался к своим бывшим коллегам в издательство «Наука». Приходили специалисты экстра-класса по литературной обработке текстов, знакомились с условиями работы и вежливо отказывались. Я их понимал. Это были 1972–1974 гг., когда Институт не

имел своего здания. Мы ютились на улице Димитрова: один подъезд жилого корпуса был набит столами и людьми. Многие, в том числе приглашенные мной литературные редакторы, не верили в то, что из моей затеи что-либо получится. Сам термин «науковедение» еще не утвердился, а его содержание было загадкой. Не исключаю, что некоторые люди со стороны воспринимали меня как авантюриста. Вопрос с поиском ответственного секретаря с опытом редакторской работы решился неожиданно. Как-то А.Н. Лук, тогда старший научный сотрудник, приехал в отдел из издательства Агентства печати «Новости», где он вел переговоры об издании очередной своей книги, и заявил: «Нашел редактора-профессионала, могу познакомить». Это была **Долорес Александровна Семенова**. Через несколько дней состоялось собеседование с ней по редакторской тематике, которой она владела свободно. Взяв два-три дня на размышления, она дала согласие и была зачислена в штат Отдела. С ее приходом я снял с себя обязанность читать номера РЖ в качестве редактора текста. У меня было ощущение, как будто гора с плеч свалилась.

Особо следует сказать о деятельности **Наташи Черняк**. Она сотворила в отделе маленькое чудо – организовала делопроизводство. Негласным консультантом в этой кропотливой и повседневной деятельности была **Анна Борисовна Гецелевич** – старейшая сотрудница ФБОН. Она перешла в Отдел науковедения с момента его основания и щедро делилась с нами своим опытом, повышая тем самым наш уровень библиографической культуры.

Конкретное проявление делопроизводства состояло в том, что появилось около десятка справочных картотек, ведь тогда еще не было компьютеров. Они нам здорово помогали в информационной работе. Постепенно формировался уникальный архив ксерокопий оригиналов статей, рефераты на которые были опубликованы в РЖ, реферативных сборниках и обзорах. Документы, входящие и исходящие, находились в идеальном порядке. Были установлены деловые контакты с общеинститутскими подразделениями: бухгалтерией, производственно-плановым отделом, с отделами снабжения и распространения информационных изданий. Последний обеспечивал нас готовой научной продукцией (РЖ, реферативными сборниками, обзорами, специальной информацией) наших коллег из других научно-информационных отделов.

Наташа вышла замуж и вскоре уволилась с работы по семейным обстоятельствам. В ее жизни наступил новый этап. После ее ухода я как руководитель Отдела в полной мере оценил значи-

мость ее работы. Заменить ее кем-то я не смог. Все мои попытки найти вместо нее достойного человека не увенчались успехом. Весь объем работы, связанный с делопроизводством, теперь, в условиях институционального коллапса, приходится выполнять руководителю Отдела. Такова реальность. В настоящий момент вместо великолепно поставленного делопроизводства – запустение со всеми вытекающими из этого последствиями.

Рассматривая вопрос о подборе кадров, нельзя обойти дирекцию Института, ее роль в решении этой проблемы. Обычно, как и положено, она выполняет контрольную функцию в подборе кадров. Взаимоотношения с директором по этому вопросу у меня были нормальными. Как правило, директор утверждал предлагаемые мной кандидатуры, соблюдая при этом все академические нормы. Как-то раз не директор, а дирекция приняла неожиданное решение по кадровому вопросу. Здесь надо сделать небольшое отступление от нашей темы.

При основании Института был предусмотрен отдел для высокопоставленного чиновника Д.М. Гвишиани (зятя А.Н. Косыгина, Председателя Совета министров СССР). Он ни одного раза не был в Институте. Подбором кадров в этот отдел занимался его заместитель Гавриил Попов, впоследствии первый мэр Москвы после распада СССР, предшественник Ю.М. Лужкова. Чем сотрудники этого отдела занимались, по моему мнению, никому не известно. С некоторыми из них мне пришлось познакомиться в связи с плагиатом. В приемной директора я случайно обнаружил реферативный сборник по тематике Отдела науковедения. Естественно, я обратил на него внимание. Оказалось, что сборник составлен из рефератов РЖ серии «Науковедение» и тематических сборников нашего Отдела. Ни одной ссылки на то, что в сборнике использовали информационные материалы Отдела науковедения, не было. Я предупредил «организаторов-плагиаторов» о том, что в следующий раз, если это повторится, я устрою большой скандал. С тех пор мое отношение к этому отделу стало резко отрицательным.

Итак, дирекция приняла решение расформировать этот странный, несостоявшийся отдел. Процесс реализации этого решения продолжался долго. К нам в Отдел без какого-либо согласования, в соответствии с приказом, был «спущен сверху вниз десант» в составе четырех человек в качестве старших научных сотрудников (все они были заведующими секторами). Мы их в шутку называли «парашютистами». Только один из них, Г.Д. Данилин, прижился и работал до кончины. А.А. Горбовский был способным человеком,

но, не видя перспективы научного роста, через три-четыре года уволился, а затем эмигрировал в Англию. Остальным я предложил в течение года самим трудоустроиться в других организациях.

Несколько слов о женщинах Отдела науковедения. Все они, как и мужчины, принимались на работу по их деловым качествам. Большинство из них – толковые, умные, предприимчивые в работе. За всю продолжительную работу в Отделе, а затем в Центре, было три исключения: я принял на работу трех жен известных людей без вопросов и проверки, на что они способны. Все они работали, как могли, без претензий и обид. Две из них, не проработав и года, уволились по собственному желанию. Выразили благодарность за оказанное доверие, расстались друзьями. Третья, жена известного профсоюзного деятеля международного масштаба, Л.Г. Можяева, успешно вписалась в коллектив Отдела, стала автором ряда обзоров по актуальным проблемам образования и подготовке научных кадров за рубежом. Она была вынуждена покинуть Отдел в связи с длительной служебной командировкой мужа за рубеж. Спустя два-три года, после завершения командировки, она вернулась в наш коллектив. В настоящее время на пенсии. Не забывает коллег, приходит на все проводимые торжества.

В заключение раздела о кадрах следует сказать и о тех проблемах, с которыми я столкнулся как руководитель. С момента основания Отдела в течение нескольких лет я пытался обрести заместителя. Но из этого ничего не получилось. А когда появились такие сотрудники, как А.Н. Авдулов (1984) и А.И. Ракитов (1986), как-то незаметно все вопросы о судьбе Отдела стали решаться коллегиально заведующим и двумя главными научными сотрудниками. Острая потребность в заместителе со временем совсем исчезла. Меня заботила проблема преемника. В свое время я возлагал надежды на А.С. Коротаева и П.В. Малиновского. Присматривался к ним. Но их кандидатуры на роль заведующего Отделом не подходили по разным причинам. Первый ограничил себя только подготовкой рефератов для РЖ, не проявляя склонности к научно-исследовательской работе. Второй производил впечатление человека, которому масштаб деятельности не только в Отделе, но и в Институте был маловат. Защитил кандидатскую диссертацию, будучи ученым секретарем Института. Но это обстоятельство ни о чем не свидетельствовало. Малиновский покинул ИНИОН, несмотря на то, что директор Института был против его ухода.

(Продолжение следует)

А.И. Ракитов **О МОЕЙ РАБОТЕ В ИНИОН**

В ИНИОН меня пригласил руководить отделом директор Лев Петрович Делюсин. Первый раз я к нему пришел в конце мая 1971 г. вместе со своей лаборанткой Тamarой Владимировной Андриановой (сейчас она давно уже не лаборантка, а моя жена). Кабинет его находился тогда на бывшей улице Фрунзе, теперь это Знаменка. Там сейчас находится Библиотека по естественным наукам Российской академии наук.

Здание было старое, дореволюционное. Фундаментальная библиотека общественных наук (или как ее еще называли – «Фундаменталка») там располагалась давно, и при входе был такой знаменательный признак: пахло книгами. Когда впоследствии на базе «Фундаменталки» создавался ИНИОН, то первоначальное его название по постановлению Президиума Академии было ИНИБОН – Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР. Я был читателем этой библиотеки еще с незапамятных времен своего обучения в аспирантуре.

Кабинет, в котором нас принял Лев Петрович, также был старым. До него в этом кабинете работали другие крупные ученые – любители книг. Непосредственно перед Львом Петровичем директорствовал Виктор Иванович Шунков⁵⁴. Лев Петрович спросил, почему я ухожу из Института народного хозяйства, где я окончил аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую дис-

сертации, был профессором и вообще чувствовал себя замечательно и где у нас была очень дружная кафедра. Но в 1970 г. наш прежний ректор Афанасий Иванович Фефилов ушел на пенсию и из МГУ пришел новый ректор, оказавшийся человеком самым что ни на есть отвратительным.

Перед тем как я ушел из Института, у нас было партийное собрание. Ведь тогда партийные организации правили всеми учреждениями. На этом собрании я выступил с резкой критикой деятельности нового ректора. В зале было 700 человек, и никто из них меня не опроверг. На этом же собрании меня выбрали членом парткома, и я вместе с моими друзьями пытался защитить тех, кого преследовал новый ректор. Среди них было много крупных ученых, участвовавших в подготовке проекта косыгинских реформ, которые, к сожалению, так и не были осуществлены. Впоследствии новый ректор за 15 лет несколько раз обновил весь состав Института, изгоняя оттуда всех мало-мальски самостоятельных людей, пока его самого, уже при Ельцине, не сняли с работы. Но тогда, в начале 1970-х годов, предвидя, что произойдет, я, не дожидаясь дальнейшего, ушел и сказал, что заберу с собой всех, кто мне активно помог бороться с гонителями науки.

В это время меня и позвал к себе Лев Петрович. У нас с ним был знаменательный разговор. Он сказал, что Института еще нет, есть только постановление о его создании и нужно Институт делать. Как делать – было еще не очень понятно. Поскольку я всегда интересовался информационным обеспечением науки, то решил внести ряд предложений. Мы с Тamarой Владимировной сели и два дня составляли план работы. Наши предложения касались прежде всего реферативных журналов.

Реферативных стандартов для общественных наук в нашей стране тогда просто не существовало. Не выходили такие издания и в социалистических странах, где впоследствии стали пользоваться нашими стандартами. Мы в ИНИОН многое сделали для их разработки, и все наши заведующие отделами и многие сотрудники принимали участие в обсуждении того, какими должны быть рефераты книг, сборников и журнальных статей. Участвовали в этом и Глеб Борисович Косов, Анатолий Михайлович Кулькин, Юрий Антонович Борко, Софья Иосифовна Кузнецова и Леонид Константинович Шкаренков. Впоследствии мы много лет строго придерживались этих стандартов, и сейчас по ним работают все реферативные отделы института.

⁵⁴ После смерти д.и.н. В.И. Шункова 10 ноября 1967 г. до 19 февраля 1970 г., когда директором ИНИБОН АН СССР был назначен к.и.н. Л.П. Делюсин, временно обязанности директора ФБОН и ИНИБОН АН СССР исполняла к.и.н. И.А. Ходош. – *Прим. ред.*

И до этого в «Фундаменталке» была небольшая реферативно-аналитическая группа очень квалифицированных людей. Там, в частности, работала, Лидия Фридмановна Вольфсон. Я ее запомнил потому, что она была замужем за моим университетским преподавателем М.Я. Ковальзоном. Они издавали сборники рефератов и очень ценных переводов. Для того времени это была удивительная вещь, потому что все мало-мальски интересные работы находились в спецхране. Например, сотрудники этой группы перевели известные работы Макса Вебера, Карла Ясперса и Карла Мангейма. Это сейчас его работы есть в типографском варианте, а тогда их печатали только на ротапринте малыми тиражами.

Было переведено и еще много интересных работ. Но когда я говорю «много» – это десяток-полтора, может быть, два. А нужно было обеспечить потоком научной информации все высшие учебные заведения страны (их было около 900), а также научно-исследовательские институты и директивные органы (ЦК партии, Московский и другие крупные областные и городские комитеты партии, которые были тогда полными хозяевами страны). Не было также у нас и научных работников, которые бы профессионально занимались написанием рефератов.

Наши предложения по реферативным журналам обсудили на Ученом совете института. Это было, если мне не изменяет память, в сентябре 1971 г. Один из тогдашних сотрудников – заведующий Отделом социалистических стран Л.К. Шкаренков даже назвал это целым революционным переворотом в жизни Института, хотя, по моему мнению, оценка была несколько преувеличенной.

Но дело это почти не двигалось вперед, в том числе и по причине того, что у Льва Петровича Делюсина не было больших связей в Академии. В Академии директор Института должен быть обязательно академиком или членом-корреспондентом. На худой конец – доктором наук⁵⁵. Л.П. Делюсин был хорошим китаеведом, но ни одной из этих позиций не обладал. И к тому же, насколько я могу судить, не смог добиться взаимопонимания и поддержки вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева. После ухода Делюсина с должности директора его заменил Владимир Алексеевич Виноградов, у которого были довольно прочные позиции в Президиуме Академии наук. Член-корреспондент АН СССР, свой человек в

Президиуме, авторитетный, влиятельный – все эти качества оказались очень полезными для процесса создания Института.

Владимир Алексеевич хорошо разбирался в кадрах, умел ценить людей, так сказать, по себестоимости. Он сразу выбил ставки для реферативных отделов и начался процесс подбора кадров. Тогда это было относительно просто. Хотя хороших специалистов, способных реферировать, еще не было, но к нам пришли просто образованные молодые люди с хорошим знанием языка. Работать в ИНИОН в то время было выгодно, потому что в науке, в Академии ставки были достаточно высокими по сравнению с другими сферами. Заведующий отделом получал 500 руб., так же, как и заведующий кафедрой в вузе, доктор наук. Ставка молодого специалиста, младшего научного сотрудника тогда была рублей 105–120. А в то время врачи в поликлиниках получали по 90–95 рублей, учителя несколько меньше. И на это тогда можно было жить.

К тому же нам доплачивали за знание языков. Экзамены принимали наши сотрудники, которые прекрасно знали языки. Я сам сдал два экзамена. Можно было получать за два языка около 50 рублей.

Работа у нас началась, как только появились первые сотрудники. Я взял на работу к себе в Отдел, как и обещал, своих сотрудников из Плехановского института. Это были очень квалифицированные люди. Оттуда в ИНИОН пришли Владимир Ульянович Бабушкин, который впоследствии стал профессором, работал на кафедре философии РАН, Искра Степановна Выхрыстюк-Андреева (сейчас она – главный научный сотрудник нашего Института), Марьяна Кирилловна Соседова. Некоторое время спустя к ним присоединилась Ирина Львовна Галинская, с которой меня познакомил в Киеве в 1965 г. ее муж, известный журналист и спортивный комментатор Аркадий Романович Галинский. Она была филологом, очень образованным человеком, быстро и хорошо работала. Сейчас она заведует Отделом культурологии ИНИОН.

Затем у нас появились новые молодые сотрудники. Пришел Александр Иванович Панченко, который закончил аспирантуру, и уже работая в ИНИОН, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. С 1986 по 2008 г. он заведовал Отделом философии. Мне его рекомендовал его научный руководитель профессор Э.М. Чудинов. Потом пришли уже «самотеком» Юрий Анатольевич Кимелев (теперь главный научный сотрудник ИНИОН, доктор философских наук, профессор), Тамара Егоровна Васильева (сейчас сотрудник факультета Государственной классической ака-

⁵⁵ В 1971 г. Л.П. Делюсин защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. – *Прим. ред.*

демии им. Маймонида), ставшая женой А.И. Панченко. Вскоре появилась Наталья Львовна Полякова, которая сейчас работает на социологическом факультете в МГУ. Потом уже народ пошел валом и где-то к концу 1972 г. у нас уже было вместе с библиографами, которые влились в наш Отдел, свыше 40 человек, и при этом отдел был молодежным. В те годы проблемы молодых ученых просто не было.

Библиографическим сектором руководила очень квалифицированный библиограф Елена Ильинична Серебряная, которую я знал с 1947 г. В сентябре 1947 мы с ней сели на первом курсе за одну парту. С 1971 г. мы работаем в ИНИОН, а теперь даже живем на одной улице. Многие сотрудники, которые в начале 1970-х годов работали в философском библиографическом секторе, продолжают успешно трудиться в ИНИОН до сих пор. Это Иосиф Львович Беленький, Борис Петрович Гинзбург, у которого я когда-то был оппонентом на защите диссертации, Александр Алексеевич Денискин.

Владимиру Алексеевичу Виноградову удалось «пробить» не только кадры, но и значительно увеличить финансирование института. Мы стали получать гораздо больше литературы. В этом смысле ИНИОН был самым передовым институтом в стране в области общественных наук.

У Владимира Алексеевича также была хорошая ориентация на осуществление информатизации Института, т.е. на перевод с обычных стандартных бумажных носителей на компьютерные и создание компьютерной службы Института. В 1975 г. он пригласил заведовать информационной службой Вильяма Ризатдиновича Хисамутдинова.

В 1973 г. Институт так разросся, что срочно понадобилось новое помещение. Первоначально мы переехали в старое, но хорошо подготовленное здание на улице Г. Димитрова (ныне Якиманка). Там долгое время располагались реферативные отделы: востоковедения; государства и права; науковедения; философии и др., т.е. большинство реферативных отделов.

Потом Владимир Алексеевич сделал еще один рывок. Он совершил своего рода административный подвиг. Для Фундаментальной библиотеки, а потом и ИНИОН уже давно строилось новое здание, но это был типичный советский долгострой. Он форсировал это строительство, и в 1974 г. мы переехали в новое здание, в котором ИНИОН размещается и по сей день.

Правда, нам сначала пришлось вынести из здания много строительного мусора. Но коллектив у нас тогда был молодой, я был там самым пожилым сотрудником (40 с чем-то лет), а так у меня в основном работали ребята по 24–25 лет, и мы с большим энтузиазмом выносили обломки кирпичей, бетонные блоки, известку. Участвовал в этом и Владимир Алексеевич Виноградов. Он приехал в элегантном спортивном костюме, впрягся в носилки и тоже выносил мусор. Все руководство работало вместе с сотрудниками. У нас вообще не было какого-то разделения или чванства. Атмосфера была очень дружелюбная, что содействовало работе.

Тогда для очень многих людей открылся доступ к литературе, которую вообще нельзя было получить. Выбор литературы, не только политической, которая вся была в спецхране, но и чисто научной, например социологической, был очень ограниченным. Многие социологические течения, с которыми сейчас можно познакомиться в книге, купленной в любом книжном киоске, считались запрещенными, враждебными. Нельзя было получить работы аналитических философов, позитивистов, да и представителей многих других западных направлений. Все находилось в спецхране, этом могильнике человеческой мысли. А всем нашим сотрудникам сразу открыли доступ в спецхран.

Способствовало этому то, что наши руководители были людьми заинтересованными в том, чем занимались и мы. Директор Владимир Алексеевич Виноградов сам занимался наукой. Его заместителем был Липарит Саркисович Кюзаджян. Библиотечной частью заведовала Инесса Александровна Ходош. Вот в таком составе ИНИОН и ринулся в новую информационную деятельность.

Я считаю очень важным то, что нам удалось сделать нашу литературную информационную продукцию как можно более доступной для широкого читателя. Голод на интеллектуальную продукцию тогда был колоссальный.

В то время приходилось читать лекции по философии и рассказывать о западных философах только в чисто идеологическом плане, т.е. говорить, что это антимарксисты, антидиалектики, метафизики. Но чтобы говорить хотя бы это, нужно было, чтобы не только преподаватели, но и студенты и аспиранты знали их имена и прочитали сами тексты первоисточников. На периферию и даже в университетские библиотеки такие первоисточники не попадали. Поступали они только в Государственную библиотеку имени Ленина и к нам в ИНИОН, причем сразу в спецхран, а также в небольшом количестве в Библиотеку иностранной литературы.

И вот тут, по инициативе нашего директора, был сделан очень важный шаг: вскоре мы ввели «цветные» реферативные серии. «Белая» серия с крайне небольшим тиражом предназначалась для секретарей, членов Президиума и заведующих отделами ЦК КПСС – фактических хозяев страны, в лице которых персонифицировалось общенародное государство. Когда меня приглашали как консультанта в Отдел науки ЦК КПСС (а чаще всего это делал помощник секретаря по идеологии Всеволод Петрович Кузьмин, с которым у нас были приятельские отношения), я видел в его кабинете громоздившиеся горой на столике наши реферативные журналы.

Была также «синяя» серия, которую получали инструкторы ЦК и руководители больших университетских кафедр, и «зеленая» серия для более широкого круга читателей. Существовал утвержденный список что, куда и кому рассылать.

Самое главное, что Институту удалось организовать широкую подписку на наши реферативные журналы, в которых широко реферировалась научная зарубежная и отечественная литература. У нас было два основных журнала, разбитых на серии: «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом». И так как даже советскую литературу не все могли прочитать, то эти журналы как бы подавали на «блюдечке с голубой каемочкой» всю наиболее ценную информацию. Образно выражаясь, они освобождали читателя от «раскалывания скорлупы ореха» и давали прямо «ядрышко» (как у Пушкина «ядра – чистый изумруд»). А журнал «Общественные науки за рубежом» был интересен в особенности потому, что огромного количества имен зарубежных авторов просто никто не знал. В интеллектуальном плане это было хоть и не «окно», но все же «форточка» в Европу и в Америку.

Мы проводили широкие обсуждения нашей работы с общественностью. В связи с этим мне пришлось побывать во многих городах и столицах союзных республик. Проходили, например, обсуждения на Урале, где люди говорили, что им было интересно и какую информацию они хотели бы получить.

Побывали мы и в Закарпатье в университете Ужгорода. Поскольку меня там знали по моим публикациям, то очень радушно принимали. Один из заведующих кафедрой показал мне такую вещь. Он сделал что-то вроде фотоальбома, когда фотокарточки вставляют в прозрачные конверты. У него все рефераты были разрезаны на цитаты. И поскольку разрешалось цитировать, ссылаясь прямо на источник, а не на наш журнал, то буквально через несколько месяцев этот человек стал считаться чрезвычайным зру-

дитом, так как в его статьях были ссылки на источники на всех европейских языках. Вот так без всякой драки можно было тогда попасть в большие забияки.

С одной стороны, это было очень хорошо. С другой – плохо, потому что освобождало людей от чтения литературы. Тем более что мы выбирали цитаты крайне осторожно, помня, что существует цензура – Главлит, который может «завернуть» наши материалы, если что не так, и многое важное из реферируемых изданий в наши рефераты не попадало. Таких обсуждений за несколько лет наш отдел провел достаточно много, иногда вместе с Отделом экономики, которым тогда заведовал Г.Б. Косов.

Побывали мы и в Мурманске, Тбилиси, Ереване, Киеве, Минске, Баку, Фрунзе, Самарканде, Ташкенте, Улан-Удэ. И везде нас встречали замечательно. Я не помню такой республики, где были бы какие-то напряженности. Мы все были заинтересованы в одном и том же: в получении знания, в передаче его студентам.

Это все было до перестройки, а после перестройки, когда спецхраны сняли, новая литература хлынула потоком и подписка на наши издания резко упала. Крупные издательства стали пачками издавать труды зарубежных ученых. Стало возможно без особых проблем найти работы и Мангейма, и постмодернистов, и вообще кого хотите.

Сейчас у нас появился конкурент большой мощности – это Интернет. Например, популярная поисковая система Yandex ежегодно пополняется 3 млн. новых документов, а Google – около 6–7 млн., и, конечно, наши конкурентные возможности на этом фоне невелики. У нас ведь цикл обработки информации остался старым. Это было терпимым в прежних условиях, когда книга приходила после издания через три-четыре месяца, каталогизаторов и библиографов было много. Они успевали быстро обработать литературу, и она тут же попадала в руки специалистов реферативных отделов. Сейчас же обработка занимает гораздо больше времени. Поэтому информация приходит к нашим читателям с большим опозданием, тем более что сейчас мало референтов и рефератов. И за то время, пока это все приходит к нам, обрабатывается, потом реферируется, можно зайти на сайты соответствующих журналов и получить там доступ к первоисточнику. А в Интернете сейчас имеются сотни журналов на разные темы. Правда, есть журналы, которые предоставляют свои информационные ресурсы только за деньги. Но через полгода ты получаешь возможность посмотреть нужные тексты. Тем более что среди студентов, преподавателей и

научных работников огромное число людей, хорошо работающих в Интернете.

Раньше, когда я заведовал отделом философских наук (до 1986), мы могли потратить на оплату труда внешних референтов большой гонорарный фонд. В одном номере журнала могло быть до сотни рефератов. Тогда я мог найти для каждой темы самых квалифицированных референтов, специалистов высшего класса. Работа над текстами шла очень интенсивная. Мы вычитывали тексты до малейшей ошибочки – и текстовой, и смысловой.

Сейчас в нашем Центре⁵⁶ реферированием занимаются шесть человек. Есть очень грамотные специалисты. Но каждый выбирает ту тематику, с которой он знаком. Сама тематика очень ограничена интересами референтов. Раньше же главной задачей было аккумулировать опытных референтов, выбрать литературу, раздать и представить на редколлегию. И мы за участие в редколлегии платили очень квалифицированным ученым. У нас работали профессора из Академии общественных наук, Института философии, МГУ, члены Академии наук. Поэтому я считаю, что вся эта реферативная система устарела. Научно-информационную деятельность Института нужно модернизировать, превратив ее из чисто реферативной в аналитическую. В одном из стихотворений Н. Коржавина есть такие слова: «В жизни, работе, борьбе, где тебя победили, самое страшное – это инерция стиля». Нас никто не победил, но с инерцией стиля нужно, конечно, расстаться.

Наш Институт, который очень много сделал, нужно модернизировать и технологически, и в кадровом отношении, создавать новые модели работы, интенсифицировать интерес к нашим изданиям. Сейчас молодым людям неинтересно писать рефераты. Для них это дело скучное и малопродуктивное. Другое дело для молодого человека – заниматься аналитической работой. Аналитические обзоры, которые в гораздо большей степени дают возможность проявиться исследовательской мысли, будут уже гораздо более востребованы среди молодых людей.

Старая наша идеология была привычной – сиди себе в теплом киселе. Сейчас Институт должен выработать новую идеологию, новую миссию, посмотреть по-новому на, казалось бы, привычные вещи.

⁵⁶ Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН. – *Прим. ред.*

Е.Ю. Матвеева **СЕКТОР БИБЛИОГРАФИИ ПО ЕВРОПЕЙСКИМ** **СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СТРАНАМ** **ФБОН-ИНИОН АН СССР**

...Старые черно-белые фотографии, не очень четкие, с надорванными уголками. Вот за праздничным столом сидят молодые и веселые И.Я. Госин, И.А. Калоева, Е.М. Кан, Н.Д. Ратнер. Вот они же во время лыжного похода. С трудом разбираем лица, но старые фотографии ясно передают дыхание времени, далекие 40-е, 50-е, 60-е годы...

Некоторых из этих людей мы, молодежь, пришедшая в ИНИОН в конце 60-х – начале 70-х годов, никогда не видели. Зато слышали множество рассказов и даже легенд о том, кто с кем дружил, кто кого любил, кто у кого «отбил» самую красивую девушку в ФБОНе. Мне же на этих страницах хочется вспомнить тех из них, кого я знала лично, с кем «пересеклась» во времени и пространстве – сначала в здании на Фрунзе, потом на Профсоюзной.

Первым и главным человеком, принимавшим меня на работу и возглавлявшим тогда, в 1973 г., Сектор библиографии по европейским социалистическим странам, была **Ирина Александровна Калоева**.

Ирина Александровна родилась в 1922 г. в старой московской семье. Ее отец – А. Прокопович, дворянин по происхождению, после революции работал на Московском шарикоподшипниковом заводе. В 1937 г. был арестован и в 1940 г. погиб. Мать – Елизавета Петровна Прокопович была учительницей русского языка и литературы в 524-й московской школе. Ирина Александровна после окончания школы в 1940 г. поступила на исторический факультет Московского университета, выбрав специализацию

цию по этнографии славянских народов. С тех далеких пор вся жизнь Ирины Александровны была связана с отечественным славяноведением. Завершив в 1945 г. курс обучения в Московском университете, И.А. Калоева поступила в аспирантуру при Институте этнографии АН СССР. В 1948 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Пережитки родового строя у южных славян в XIX – начале XX века». По рекомендации профессора М.О. Косвена молодая выпускница МГУ, владевшая немецким, сербским, польским и болгарским, а также английским и французским языками, была принята на работу в кабинет славяноведения ФБОН. Вся профессиональная деятельность Ирины Александровны в стенах ФБОН-ИНИОН была связана с развитием библиографии вообще и славяноведческой библиографии в частности. Ей была поручена работа по комплектованию фондов библиотеки литературой из стран Центральной и Юго-Восточной Европы (в то время – стран народной демократии). Ирина Александровна совместно со своими коллегами развернула огромную по своим масштабам работу по налаживанию книгообмена с Чехословакией, Польшей и Болгарией (позже к ним присоединились Югославия, Румыния, Венгрия и ГДР). Они наладили переписку с ведущими академическими и университетскими научными центрами, библиотеками и издательствами этих стран. Во многом стараниями Ирины Александровны была создана система книгообмена, которая во второй половине XX в. обеспечила львиную долю поступлений в фонды ИНИОН литературы из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Эта система имела под собой настолько обширную и прочную базу, что ее не смогли разрушить ни безденежье 90-х годов, ни огромный кадровый дефицит этого периода. Именно благодаря системе книгообмена было обеспечено комплектование библиотеки ИНИОН в условиях, когда отсутствие необходимых валютных ресурсов не позволило ей закупать нужную литературу. Эта система успешно действует и поныне, когда ее поддерживают и развивают уже ученики и молодые коллеги Ирины Александровны.

Параллельно созданию системы книгообмена в ФБОН И.А. Калоева вела в тот период и другие виды библиографической работы: редактировала библиографические указатели (БУ) по Болгарии и Югославии. В 1954 г. директор ФБОН Виктор Иванович Шунков объявил Калоевой благодарность за создание картотеки статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1946–1953 гг. Молодая сотрудница кабинета славяноведения, а затем Сектора стран народной демократии ФБОН отличалась не-

обыкновенной ответственностью, энергией и творческой инициативой. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в 1963 г. именно она заменяет Елену Мироновну Кан на посту заведующей Сектором, в котором работали такие известные в ФБОН сотрудники, как Н.Д. Ратнер, В.В. Носкова, К.И. Козырина, И.В. Межова.

В то время сектор вел три основных направления библиотечной и библиографической работы: 1) книгообмен со странами Центральной и Юго-Восточной Европы; 2) издание ежемесячных БУ по каждой из стран региона (к концу 80-х годов их число выросло до восьми); 3) создание ретроспективных библиографий в сфере славяноведения.

И.А. Калоева занималась всеми направлениями работы сектора: вела книгообмен, редактировала библиографические указатели. Но больше всего ее лично как историка-слависта интересовала ретроспективная библиография – жанр, требующий огромной эрудиции, работоспособности и без преувеличения можно сказать – самоотверженности. В 50-е годы ею была проделана огромная работа по сбору материалов в советской периодической печати, посвященных зарубежным славянским странам. Итогом этой работы стала объемная (более 50 печатных листов), вышедшая в 1963 г. библиография «Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке», учитывающая советские издания за 1918–1960 гг.⁵⁷ По сей день это наиболее полное (и по охвату источников, и по хронологическим рамкам) библиографическое издание в области советского славяноведения. Параллельно с этой работой Ирина Александровна участвовала в подготовке фундаментальной библиографии литературы на русском языке, посвященной восстанию 1863 г. в Польше⁵⁸.

В 70-е годы она с головой ушла в новый грандиозный проект: собрать все, что было опубликовано в русской литературе о Болгарии. Итогом этой работы (к которой она привлекла сотрудников сектора Н.В. Буссе, Г.И. Ильинову, Г.Л. Маньковскую, З.Г. Цимбаеву) стал 1000-страничный труд, в котором были собраны сведения о всех публикациях по Болгарии в русской дореволюционной печати. К сожалению, в 1981 г. удалось издать в Болгарии только пер-

⁵⁷ Калоева И.А. Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке, 1918–1960 гг. – М., 1963. – 402 с.

⁵⁸ Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов: Библиографический указатель литературы на рус. яз. / Сост. Калоева И.А., Николаевский М.А., Пашаева Н.М.; Под ред. Миллера И.С. – М., 1962. – 201 с.

вый том этой фундаментальной библиографии, в котором были отражены работы по Болгарии, напечатанные в русской периодической печати⁵⁹, а подготовленный к печати второй том, посвященный книжной продукции в области отечественной болгаристики, так и не нашел своего издателя.

На протяжении нескольких десятков лет И.А. Калоева готовила для международных съездов славистов библиографии работ отечественных ученых, посвященных зарубежным славянским странам. Она принимала участие практически во всех регулярно проходивших в 60–80-е годы всесоюзных конференциях историков-славистов, стремясь донести до научной общественности страны основные достижения и проблемы информационного обеспечения отечественного славяноведения. В 1979 г. к конференции славистов в Киеве Ирина Александровна совместно с другими сотрудниками сектора подготовила обширную (в семи выпусках) библиографию по современным славянским культурам⁶⁰.

В середине 80-х годов, когда Комиссия по истории мировой славистики приняла решение о подготовке фундаментальной библиографии по истории мировой славистики, учитывающей все работы, вышедшие после 1945 г., Ирина Александровна приняла участие в разработке ее концепции, а затем подготовила несколько выпусков указателя⁶¹. В 1992 г. из-за финансовых трудностей выпуск этого издания прекратился. Он был возобновлен в 2003 г. усилиями А.И. Сливы, который и продолжает его до сегодняшнего дня.

И.А. Калоева была инициатором и непременным участником многих совместных проектов с учеными зарубежных славянских стран, осуществляемых в рамках Международной информацион-

ной системы по общественным наукам (МИСОН), принимала участие в работе международных съездов славистов.

Обладая активной жизненной позицией, Ирина Александровна не могла остаться в стороне и от общественной жизни ФБОН-ИНИОН. На протяжении многих лет она была председателем профкома Института, членом партийного бюро. И на всех общественных постах никогда не стремилась усердствовать в «идеологической борьбе», всегда сохраняла чувство такта, житейскую мудрость и искреннее желание помочь людям. В коллективе ИНИОН до сих пор вспоминают великолепные концерты, литературные и музыкальные вечера, на которые Ирина Александровна всегда исхитрялась пригласить самых именитых артистов. Она сама, кстати, была завзятой театралкой, прекрасно пела и играла на фортепиано.

Ирина Александровна руководила Сектором научно-библиографической информации по европейским социалистическим странам в течение 25 лет. За эти годы она обучила профессии библиографа более 50 человек (в разное время в секторе работали от 10 до 25 человек). Вокруг нее сложился коллектив высококвалифицированных и преданных своему делу библиографов-славистов: Н.В. Буссе, Т.В. Владиславлева, Л.А. Рожнова, Г.И. Павленко, А.И. Слива, Г.И. Ильинова, В.А. Колосова, И.Ф. Куренной, Г.К. Ифтинка, Э.И. Косенко, Л.Е. Фарбер, Л.М. Жук.

Сейчас мы можем с полным правом сказать, что в ФБОН, а затем в ИНИОН сложилась целая библиографическая школа, в создании которой большая роль принадлежит И.А. Калоевой. Однако для нас, ее учеников и коллег, Ирина Александровна была не только учителем в профессии, но и заинтересованным в наших успехах другом, просто близким человеком. Ее старанием в руководимом ею коллективе была создана совершенно особая атмосфера дружелюбия, искреннего участия и взаимопомощи. Эта атмосфера сохранилась и после ее ухода с поста заведующего сектором, когда в 1988 г. она передала руководство сектором своему любимому ученику – Алексею Ивановичу Сливе. Она сохраняется и в других подразделениях Института, куда перешли работать ее многочисленные ученики. В Отделе комплектования успешно продолжают калоевские традиции Г.И. Ильинова, И.Ф. Куренной, Н.В. Немсадзе, В.В. Соловьева.

Бог наградил Ирину Александровну крепким здоровьем. На протяжении десятилетий она ни одного дня не провела на больничном, работала, даже будучи в отпуске. В последние годы она

⁵⁹ България в руската дореволюционна литература, (XVIII – началото на XX век): Библиографически указател / Съст. Буссе Н.В., Калоева И.А. и др. – София, 1981. – Т. 1. – 597 с.

⁶⁰ Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст: Указатель литературы, 1970–1978 гг. – М., 1979. – Вып. 1: Научно-организационная работа в области изучения современных славянских культур / Калоева И.А., Косенко Э.И., Маньковская Г.Л.; Вып. 2: НРБ / Буссе Н.В.; Вып. 3: ПНР / Ильинова Г.И.; Вып. 4: СССР / Косенко Э.И., Маньковская Г.Л., Рыскин Ю.Д., Швырева Г.П.; Вып. 5: ЧССР / Немсадзе Н.В.; Вып. 6: СФРЮ / Цимбаева З.Г.; Вып. 7: Международные культурные связи / Ильинова Г.И., Калоева И.А., Косенко Э.И.

⁶¹ История мировой славистики: Указатель литературы. – М., 1987–1992.

стала чаще работать дома – дорога на Профсоюзную давалась уже с трудом. 26 декабря 2002 г. Ирины Александровны не стало.

Предшественницей И.А. Калоевой на посту заведующей сектором была **Елена Мироновна Кан**. С Еленой Мироновной мне довелось поработать менее полугода. В памяти осталась невысокая хрупкая пожилая дама, к которой наши старшие товарищи обращались с большим почтением. Каково же было мое изумление, когда мне удалось познакомиться с основными вехами ее необыкновенной (а в чем-то очень типичной) биографии. Е.М. Кан родилась 23 декабря 1898 г. в г. Кременчуге Полтавской губернии в семье врача. Ее отец М.Я. Манусевич был известнейшим в городе человеком, он 40 лет проработал в Кременчугской городской больнице. Чудесным образом семье удалось без серьезных потерь пережить годы революции и Гражданской войны на Украине, и доктор Манусевич продолжал лечить людей уже при советской власти. В 1933 г. в связи с 50-летием Кременчугского научного медицинского общества его фамилия была помещена на мраморной Доске почета.

В 1916 г. Елена Мироновна окончила Кременчугскую женскую гимназию с медалью и поступила на историко-филологический факультет Харьковских высших женских курсов. Именно интеллектуальный багаж, полученный в те годы, прекрасное знание множества языков (немецкий, английский, французский, чешский, венгерский (!) и «немного хуже» – польский, румынский, болгарский, украинский) сделали впоследствии Е.М. Кан ценнейшим сотрудником ФБОН и ИНИОН.

В сумятице Гражданской войны Высшие женские курсы в Харькове прекратили свое существование, и Елена Мироновна вернулась в родной Кременчуг. В 1918–1921 гг., как и многие другие молодые интеллигенты, она с энтузиазмом взялась за преподавательскую и культурно-просветительную работу. Она преподавала в школе грамоты махорочной фабрики и школе рабочей молодежи, работала в библиотеке местного совета профсоюзов.

В 1921 г. Е.М. Кан приехала в Москву и поступила в 1-й МГУ на историческое отделение факультета общественных наук. По окончании университета Елена Мироновна работала в московском Пролеткульте инструктором клубного отдела, занималась ликвидацией неграмотности в школах грамоты и кружках самообразования на Трехгорке, заводе «Лакокраска» и других московских предприятиях. В начале 30-х годов Елена Мироновна, не будучи еще сама членом партии, работала в сети партпросвещения, в своем

Краснопресненском районе руководила методической комиссией по русскому языку. В 1932 г. в связи с ликвидацией сети вечерних советских партийных школ перешла в Отдел учебных заведений Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР. В это время она ездит по стране для инспектирования учебных заведений, печатается в журналах «План» и «Высшая техническая школа», составляет аннотированную библиографию по специальной литературе.

В 1930-е годы Елену Мироновну как исключительно грамотного и ценного сотрудника привлекли к преподаванию русского языка на общеобразовательных курсах командиров Московского военного округа. В 1936 г., когда в школах СССР было восстановлено преподавание гражданской истории, Е.М. Кан перешла на педагогическую работу в среднюю школу. В 1938 г. она прошла аттестацию комиссии Наркомпроса и получила аттестат на звание учителя средней школы. Вела методическую работу по заданиям Научно-исследовательского института школ Наркомпроса РСФСР. В 1940 г. участвовала в составлении коллективной рецензии учителей (в соавторстве с А. Городовым и С. Ниссельсоном) на стабильный учебник по новой истории. Рецензия была напечатана в газете «Известия». В 1940–1941 гг. по совместительству преподавала историю на курсах командиров Наркомата обороны.

Когда началась Великая Отечественная война и в Москве были расформированы некоторые школы, Елена Мироновна стала экономистом и инструктором Наркомата обороны СССР. Работала в разных управлениях наркомата, в том числе в библиотеке одного из управлений. За работу в годы войны в августе 1945 г. получила медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946–1947 гг. Е.М. Кан работала в редакции газеты «Военное обучение».

В январе 1947 г. Елена Мироновна пришла работать в ФБОН АН СССР старшим библиографом в отдел комплектования. Ей было почти 50 лет, и она обладала огромным опытом педагогической и научно-методической работы в самых разных советских учреждениях. Однако, несмотря на ведомственное разнообразие, все эти занятия были связаны с культурой и просвещением. В ФБОНе Е.М. Кан смогла наиболее полно реализовать свои разносторонние знания. В апреле 1948 г. – она уже младший научный сотрудник, а с июля следующего года – заведующая Сектором стран народной демократии. Как писала в своей докладной записке

И.А. Калоева, Е.М. Кан была фактическим организатором сектора в 1949 г.

Под руководством Елены Мироновны был начат выпуск ежемесячных библиографических указателей (БУ) по странам народной демократии. Это решение, продиктованное, без сомнения, в первую очередь политическими соображениями, сыграло огромную роль в развитии советского славяноведения. Впервые в истории отечественной библиографии в них учитывались не только книги и сборники, но и журнальные и даже газетные статьи. Без преувеличения можно сказать, что страноведческие БУ ФБОНа были наиболее полными источниками информации для отечественных славистов и балканистов. Например, в 1969 г. дирекция Института славяноведения и балканистики АН СССР объявила Е.М. Кан благодарность «за пополнение фондов библиотеки Института микрофильмами старопечатных книг, публикаций, монографий по истории Венгрии, необходимых для подготовки коллективного труда «История Венгрии».

Полнота представленной в БУ информации зависела, в первую очередь, от усилий людей, занимавшихся комплектованием литературы. Прекрасное знание западноевропейских и практически всех восточноевропейских языков предопределило ведущую роль Е.М. Кан на этом направлении библиографической работы. Позже, когда в секторе появились новые сотрудники, Елена Мироновна вела венгерское комплектование и отбирала славяноведческую литературу на всех западноевропейских языках. Кроме того, она являлась ответственным редактором четырех БУ – по Болгарии, Чехословакии, Польше и Венгрии, редактировала многочисленные ретроспективные библиографии, выпускавшиеся сектором в те годы. Особо следует отметить масштабность библиографических начинаний того времени. Так, в начале 60-х годов Елена Мироновна инициировала и осуществила силами сотрудников сектора издание серии библиографии библиографий по всем странам «народной демократии»⁶².

⁶² Кан Е.М. Библиография венгерских библиографий о Венгрии: Лит., опубл. с 1945 по 1960 г. – М., 1962. – 27 с.; Межова И.А. Библиография польских библиографий о Польше: Лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 52 с.; Ифтинка Г.К. Библиография румынских библиографий о Румынии: Лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1963. – 15 с.; Калоева И.А. Библиография чешских и словацких библиографий о Чехословакии: Лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 38 с.; Калоева И.А. Библиография югославских библиографий о Югославии: Лит.,

Занимаясь текущей библиографией, Е.М. Кан не оставляла и собственную научную работу. Она много печаталась в таких периодических изданиях, как «Исторический архив», «Славяне», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «История СССР», «Военно-исторический журнал», «Советская библиография», «Учительская газета», «Народное образование». Была инициатором издания совместных трудов БАН и ФБОН по вопросам библиографии. Эту работу она поручила Н.В. Буссе – новой сотруднице, недавно приехавшей из Болгарии.

В июне 1963 г. Елена Мироновна ушла с поста заведующей сектором, но еще 10 лет, до 1973 г., работала в нем, выполняя свои обязанности на таком высоком уровне, что ее работу вполне можно назвать педагогической. Она учила, наставляла, объясняла, требовала. Ее вклад в профессиональное становление следующего поколения библиографов, в первую очередь работавших с венгерской литературой, огромен.

Когда я в 1973 г. пришла в Сектор европейских социалистических стран, меня «прикрепили» к опытнейшему библиографу-полонисту – **Капитолине Ивановне Козыриной**. Ей в ту пору было за 50 (К.И. родилась 10 февраля 1921 г.), и она казалась мне человеком очень пожилым. Широта ее познаний в области польской литературы и истории поразила меня с первых дней работы. Капитолина Ивановна была выпускницей кафедры истории южных и западных славян 1944 г. Окончив университет с «красным дипломом», она поступила в аспирантуру, но, к сожалению, из-за болезни работу над диссертацией вынуждена была прервать. В марте 1946 г. К.И. Козырина поступила в НИИ-205 при ЦК КПСС референтом по Чехословакии. НИИ-205 был создан после роспуска Коминтерна в сентябре 1943 г. на базе Отдела печати Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ). В годы войны он осуществлял радиосвязь с ЦК зарубежных компартий, а после войны, когда в нем работала Капитолина Ивановна, готовил информационные и справочные материалы о рабочем, коммунистическом и национально-освободительном движении, издавал ежедневные бюллетени текущей информации. В 1947–1948 гг. К.И. Козырина работала в Институте славяноведения АН СССР, продолжила учебу в аспирантуре, но так и не защитилась по ее окончании.

опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 19 с.; Буссе Н.В. Библиография болгарских библиографий о Болгарии: Лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 31 с.

25 мая 1950 г. Капитолина Ивановна начала работу в Секторе славяноведения и стран народной демократии ФБОН АН СССР, вначале специалистом по Чехословакии, затем – по Польше. Кроме текущей библиографической работы по сбору и редактированию документов по Польше, К.И. Козырина вела книгообмен с Чехословакией, редактировала БУ по Болгарии, Румынии, Чехословакии. К.И. Козырина была прекрасным редактором. Она читала много польской литературы, была в курсе всех событий в жизни ее любимой Польши, постоянно ездила в страну. Сказывался и опыт, приобретенный в такой серьезной организации, как НИИ-205. Все это давало ей возможность моментально схватывать суть, видеть смысл документа за сухими и часто стереотипными словами заголовков. Не секрет, что библиографы часто страдают профессиональной «болезнью»: изо дня в день работая с большим потоком документов, они постепенно перестают вникать в их суть, формально фиксируют основное содержание книги или статьи. Прекрасным «противоядием» является включенность в научную жизнь, собственная научная работа, участие в конференциях, знакомство с авторами. К.И. Козырина постоянно предостерегала нас, своих молодых коллег, от опасности «порхания по верхам», заставляла вчитываться в литературу, поощряла учебу в аспирантуре.

Сама Капитолина Ивановна много писала и печаталась, уделяя особенно большое внимание ретроспективной библиографии. В 1954 г. совместно с Е.М. Кан она составила большую библиографию о рабочем и крестьянском движении в Польше и Западной Украине в 1917–1939 гг., собрала литературу 1951–1958 гг. о рабочем движении и социалистических революциях в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии и Румынии.

Сейчас, когда проблема польско-российских отношений является предметом жарких споров, в частности, на заседаниях совместной Польско-российской группы историков по трудным вопросам при министерствах иностранных дел двух стран, тема участия поляков в Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне в СССР, как и проблема советско-польской войны 1920 г., не потеряла своей актуальности. В сборнике «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: новые источники, новые взгляды» (М., 2009) обзор К.И. Козыриной⁶³ упоминается как важный для

разработки данной темы. Капитолина Ивановна печаталась практически во всех исторических научных журналах. Круг ее интересов был необычайно широк: здесь и литература о А.М. Горьком в славянских странах, и левая оппозиция в Польской социалистической партии перед переворотом Пилсудского, и роль поляков в работе I Интернационала, и переговоры Ю. Бека с гитлеровской Германией в 1935 г., и отношение западных держав к проблеме польско-германской границы в 1943–1944 гг. К.И. Козырина много занималась переводами с польского и чешского. Ее переводы печатались в журналах «Византийский временник», «Вестник древней истории».

У Капитолины Ивановны был непростой характер, отношения с И.А. Калоевой тоже были непростые. Как бы то ни было, в 1980 г. она ушла на пенсию. К сожалению, после ее ухода с работы встречались мы редко, о чем сейчас я очень сожалею.

К этому же поколению сотрудников сектора, что и К.И. Козырина, относится и **Наталья Вячеславовна Буссе**. Она была «полуиностранкой», дочерью русских эмигрантов, покинувших Россию в 1919 г. Родилась в Болгарии в г. Свиштов 17 декабря 1921 г. Отец был разнорабочий, мама – домохозяйка. В Свиштове в 1938 г. Наталья Вячеславовна окончила гимназию, а в 1944 г. – Высшую школу экономических и социальных наук. Поступила на работу в Институт экономических исследований при той же школе. Работала главным образом в области текущей и ретроспективной библиографии по экономическим и социальным наукам в Болгарии. В 1948 г. поступила на работу в Болгарский библиографический институт в Софии, где прошла все ступени от библиотекаря до заведующей Сектором библиографии марксистско-ленинской литературы. В Болгарии Н.В. Буссе опубликовала множество работ библиографического характера, в том числе большую ретроспекцию болгарской литературы по общественным наукам, вышедшую в 1948 г. под редакцией профессора Т. Владигерова⁶⁴.

Несмотря на молодые годы и не очень крепкое здоровье, Наталья Вячеславовна вела необыкновенно активную жизнь – работала в Союзе работников просвещения Болгарии, в Болгаро-советском обществе, в болгарском Комитете борьбы за мир, была активисткой Клуба советских граждан в Болгарии. После восстания 9 сентября 1944 г. вступила в Союз рабочей молодежи (бол-

⁶³ Козырина К.И. Участие поляков в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР: Лит. 1951–1956 гг. // История СССР. – М., 1957. – № 4.

⁶⁴ Буссе Н.В. и др. История Болгарии до 9 сент. 1944 г.: Ук. лит.: От начального до днес: 1850–1945 / Под ред. на Тодор Владигеров. – Свищов, 1948.

гарский аналог ВЛКСМ), а с января 1945 г. до отъезда в СССР была членом Болгарской коммунистической партии.

В 1955 г. Наталья Вячеславовна вместе с семьей переехала в Советский Союз и в сентябре того же года поступила на работу в ФБОН. Прекрасное знание болгарского и французского языков, а также богатый опыт библиографической работы предопределили ее специализацию в секторе. Уже через два месяца, когда закончился испытательный срок, бывший директор ФБОН, а в тот период старший научный сотрудник, Д.Д. Иванов пишет заявление на имя директора ФБОН В.И. Шункова с просьбой зачислить Н. Буссе в штат в качестве «моего помощника в работе по составлению библиографии о НРБ».

За годы работы в ИНИОН Наталья Вячеславовна сделала очень многое, особенно в области ретроспективной библиографии. Она участвовала в составлении трехтомного указателя литературы «Народная Республика Болгария», который издавался в 1954–1972 гг. совместно с болгарскими библиографами из Свиштова⁶⁵, в соавторстве с Д.Д. Ивановым и В.В. Носковой составила и отредактировала двухтомный указатель литературы «История Болгарии до 9 сентября 1944 г.»⁶⁶. На протяжении многих лет Наталья Вячеславовна была составителем и ответственным редактором ежемесячного БУ «Народная Республика Болгария», болгарской части ежегодника «Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов СЭВ и СФРЮ»⁶⁷, ежемесячного библиографического указателя по общим проблемам славяноведения. Разумеется, вела она и болгарское комплектование.

Работала она очень тщательно, для нее не существовало мелочей. В сдаваемой работе выверялась каждая буква. В секторе шутили, что хотя Болгария и не Западная Европа, начавшая работать в Болгарии Буссе сохранила «европейский» стиль работы. Ее четкость и дисциплинированность были сверхординарными.

Наталью Вячеславовну связывали крепкие профессиональные и дружеские узы с Ириной Александровной Калоевой. Многими они воспринимались как неразлучная пара: вместе делали

большие ретроспективные библиографии, вместе ездили в командировки, даже на работу и с работы всегда ездили вместе, благо жили близко друг от друга. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что осуществление таких огромных трудов, как «Болгария в русской дореволюционной литературе (XVIII – начале XX вв.)» было бы невозможно, если бы не совместные усилия этих двух подвижниц – Калоевой и Буссе.

В 1950-е годы, когда складывался костяк Сектора научно-библиографической информации по европейским социалистическим странам, найти людей с хорошим знанием славянских языков было нелегко, но возможно – таких специалистов выпускала кафедра истории южных и западных славян истфака МГУ. Не случайно большинство сотрудников сектора, так же как впоследствии и реферативного Отдела Восточной Европы, были выпускниками именно этой кафедры. А вот найти людей, знающих венгерский, румынский или албанский, было труднее. Поэтому специалистами по Венгрии, Румынии и Албании у нас работали люди, благодаря различному стечению обстоятельств подолгу жившие в этих странах. Георгий Константинович Ифтинка был румыном, перебравшимся в СССР, Энна Ивановна Косенко была замужем за румыном, но позже вернулась на родину. Похожая судьба была и у **Галины Львовны Маньковской**.

Она родилась в 1932 г. в Москве в профессорской семье. Закончила Московский библиотечный институт со знанием сербско-хорватского, албанского и македонского языков. После окончания института по распределению уехала работать в областную библиотеку города Чарджоу в Туркмении, а уже через год – в 1956 г. вышла замуж за албанца, учившегося в СССР, и уехала в Тирану. Ее муж – Шефкет Селя до 1962 г. был заместителем директора Национальной библиотеки Албании. Галина Львовна работала преподавателем русского языка и литературы в Тиранском университете. Судя по всему, брак был счастливым, но в 1961 г. резко испортились отношения между Албанией и СССР, и всем советским гражданам в ультимативной форме «предложили» вернуться на родину. Галина Львовна с сыном вернулись в Москву.

В 1962 г. Г.Л. Маньковская пришла на работу в Отдел каталогизации ФБОН, позже, в 1966 г., перешла к И.А. Калоевой в Сектор европейских социалистических стран. Работала с югославской и албанской литературой, вела книгообмен с Албанией. Будучи человеком очень организованным и упорным, параллельно с библиографической работой подготовила и защитила кандидат-

⁶⁵ Народная Республика Болгария. Историческая библиография: В 3 т. – М., 1954, 1958. – Т. 1: (1944–1947). – 676 с.; Т. 2: (1948–1952). – 856 с.

⁶⁶ История Болгарии до 9 сентября 1944 г.: Указатель лит., 1945–1958. – М., 1963. – 308 с.

⁶⁷ Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов СЭВ и СФРЮ: Указатель лит.: В 2 т. – М., 1976.

скую диссертацию на тему «Издание и распространение переводов художественной литературы как один из факторов развития национальной культуры (на материале Албании, Болгарии, Югославии) с середины XIX в. до 1944 г.». Галина Львовна была автором статей о переводах русской литературы в Албании и Югославии⁶⁸, участвовала в международных конгрессах балканистов. В 1983 г. Маньковскую перевели в Сектор научно-библиографической информации (НБИ) по научному коммунизму и международному рабочему движению, где она стала ответственным редактором соответствующего БУ.

Галина Львовна была членом партии и большую роль в ее жизни играла партийная работа. Много лет она была парторгом отдела, выполняла поручения МГК и Севастопольского райкома, выступала с лекциями на семинарах пропагандистов, руководила методологическим семинаром в Секторе европейских социалистических стран. Даже в библиографической работе заметен явный крен в информационное обеспечение идеологической работы КПСС. Маньковская была ответственным редактором ежегодников МИСОН по проблемам «развитого социалистического общества»⁶⁹, социалистической экономической интеграции⁷⁰, эффективности международного социалистического разделения труда⁷¹, юбилейного указателя литературы к 30-летию СЭВ⁷², уже упоминавшегося ежегодника «Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов СЭВ и СФРЮ». Партийной работой она занималась истово, была крайне нетерпима к любому «отклонению» от линии партии. Бывали случаи, когда за непосещение заседаний семинара Галина Львовна отказывалась подписать человеку анкету для поездки за границу. Кто бы мог себе представить, что Галина Львовна будет первой, кто уедет из СССР, как только появится такая возможность. В 1990 г. Г.Л. Маньковская вышла на пенсию и вскоре уехала с сыном в США. Чудны дела Твои, Господи!

⁶⁸ Маньковская Г.Л. Первые переводы русской литературы в Албании в 10–30-е гг. XX в. – М., 1966. – 19 с.

⁶⁹ Развитое социалистическое общество: Указатель лит. – М., 1987.

⁷⁰ Социалистическая экономическая интеграция в действии: Библиографический указатель. – М., 1975; 1979; 1980.

⁷¹ Проблемы эффективности международного социалистического разделения труда: Указатель лит., 1969–1980. – М., 1981.

⁷² Совет Экономической Взаимопомощи. XXX лет: Указатель лит., 1969–1978. – М., 1978.

Абсолютной противоположностью Галине Львовне в плане отношения к «официозу» была, как мне кажется, **Татьяна Всеволодовна Владиславлева**. Родилась она 24 мая 1935 г. Татьяна выросла в профессорской семье, ее отец был ректором Московского станкоинструментального института, но дочь выбрала другую, «гуманитарную» жизненную дорогу. В 1957 г. окончила истфак МГУ по кафедре истории южных и западных славян, защитив дипломную работу по истории рабочего движения в межвоенной Чехословакии. После окончания университета в течение пяти лет Татьяна Всеволодовна работала библиографом в редакции журнала «Новая и новейшая история».

В 1961 г. Т.В. Владиславлева пришла работать в ФБОН в Сектор стран народной демократии на должность старшего библиографа. Многие годы она была составителем и ответственным редактором БУ по Чехословакии, ответственным редактором БУ по ГДР и указателя литературы «Зарубежные рецензии на советские работы по общественным наукам». Редактировала также ежегодник МИСОН «Критика современной буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма»⁷³.

Надо сказать, что, несмотря на «железный занавес», в период «оттепели» и позже – в 70-е и 80-е годы – руководство ФБОН, а затем и ИНИОН никогда не препятствовало поездкам своих сотрудников за границу. К тому же страны, по которым специализировались наши коллеги-слависты, были «братскими», т.е. входили в социалистический лагерь и поэтому были более «доступными». Практически все сотрудники сектора ездили на курсы славистов, на международные конференции, для работы над совместными библиографическими изданиями. Много ездила и Татьяна Владиславлева. Будучи человеком активным и к тому же членом партии, побывала даже в Финляндии и Австрии.

Т.В. Владиславлева, как и Г.Л. Маньковская, была и парторгом сектора, и профоргом цеха, и членом комиссии по контролю за администрацией, и председателем избирательной комиссии Севастопольского района. Однако при внешнем сходстве их биографий Татьяна Всеволодовна была совершенно другим человеком. Она являлась действительным лидером в коллективе, любила собирать вокруг себя молодежь, учить, опекать. С истинно московским хлебосольством приглашала к себе домой весь сектор, с мужьями, же-

⁷³ Критика современной буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма. – М., 1978–1989.

нами и детьми. Эти вечера на Новослободской и на даче в Шереметьевской помнят все, кто работал в секторе в 60-е, 70-е, 80-е годы. Татьяна без преувеличения была «душой сектора». Большая, шумная, она могла со страстью поссориться, а на следующий день с той же страстью помириться. Она была одной из тех, кто поддерживал «дух сектора славян», неизменно доброжелательный, веселый, по-семейному теплый, который мы все сейчас вспоминаем с ностальгией.

После того, как по странам Восточной Европы триумфально прокатилась череда «бархатных» революций, Сектор НБИ по европейским социалистическим странам переименовали сначала в Сектор НБИ по странам Центральной и Юго-Восточной Европы, а позже, в феврале 1991 г., на базе нашего сектора и сектора НБИ по странам Азии и Африки был создан сектор НБИ по региональным проблемам. В него перешли работать И.А. Калоева, Т.В. Владиславлева, Н.И. Арацкая, Н.Г. Белугина, М.А. Глазкова, З.К. Гонца, Г.И. Ильинова, Г.К. Ифтинка, В.В. Ишутин, В.А. Колосова, Л.А. Кузьмичева, Н.В. Немсадзе, Л.А. Рожнова, В.В. Соловьева, Л.Е. Фарбер, Л.А. Шестопалова. Заведующим сектором (хотя и под новым названием) оставался А.И. Слива. Е.Ю. Матвеева возглавила вновь образованный сектор методических проблем, в который перешли работать также И.П. Гетьман и С.А. Тюпаев. И.Ф. Куренной стал заведовать Отделом комплектования. Так закончилась история Сектора НБИ по европейским социалистическим странам.

Сейчас, по прошествии без малого двух десятков лет, 60–70-е годы, на которые пришлось наша молодость, представляются, наверное, слишком «радужными». В действительности они были и трудными, и безденежными (разбирая недавно свой рабочий стол, я нашла под стеклом записочки, сколько у кого одолжила «до зарплаты» – один рубль, три рубля, «рекордная» сумма – пять рублей), но одновременно и веселыми, и добрыми. В коллективе (забытое сейчас слово!) царила именно добрая атмосфера. Во многом, думаю, потому, что большинство из нас были выпускниками одного вуза и одной кафедры – кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, учились у одних и тех же преподавателей. На нашей кафедре любили студентов, заботились о них, и в эту же атмосферу любви и заботы попадали мы, придя на работу в ФБОН и ИНИОН. Нас «растили» в полном смысле этого слова, растили именно те, о ком я сохранила благодарную память и постаралась поделиться ею на этих страницах. Спасибо им!

Л.Н. Тарасов
МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!
(О СОЗДАНИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ
АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ
СИСТЕМЫ В ИНИОН АН СССР, 1976–1982 гг.)

«В последние годы, бывая в крупнейших западных библиотеках, можно услышать: “А у вас, в ИНИОН, Виноградов сделал это раньше и лучше, чем мы”. Увы, речь идет о наших победах 70–80-х; ныне же мы практически “вне игры”. Но это, как говорится, уже другая история», – писал Ю.С. Пивоваров в рецензии на мемуары В.А. Виноградова «Мой XX век: Воспоминания»⁷⁴.

Так что же было сделано такое значительное в ИНИОН в те годы? Раньше и лучше, чем в библиотеках западных стран, была создана, а не заимствована автоматизированная система научно-технической информации по общественным наукам – ИАИС ИНИОН. Для этого были весьма убедительные основания. Во-первых, информационная деятельность ИНИОН имела особенности, отличающие ее от других информационных центров. Во-вторых, методика обработки входного документопотока (литературы) и информационная деятельность ИНИОН не вписывались в возможности в то время доступных автоматизированных информационных систем (АИС) (речь идет об АИС ВИНТИ и ГПНТБ). Правда, опыт разработки и эксплуатации этих АИС для нас был, безусловно, полезен.

⁷⁴ См.: Виноградов В.А. Мой XX век: Воспоминания. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2005. – 405 с. Пивоваров Ю.С. [Рецензия на кн.]: Виноградов В.А. Мой XX век: Воспоминания. – М.: Калан, 2003. – 416 с. // Новая и новейшая история. – М., 2004. – № 5. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/INION.HTM>

Итак, в ИНИОН в 1980 г. на базе технических средств – ЭВМ М-4030, ЭВМ НР-3000, фотонаборного автомата «Дигисет» и аппаратуры передачи данных и коммуникации приступили к эксплуатации в рабочем режиме пускового комплекса ИАИС ИНИОН.

В протоколе о приемке в эксплуатацию системы Межведомственная комиссия, возглавляемая вице-президентом АН СССР академиком А.Н. Тихоновым, особо отметила, что «работы по созданию пускового комплекса ИАИС ИНИОН выполнены в сжатые сроки небольшим числом разработчиков в соответствии с требованиями “Единого порядка и технических условий разработки и внедрения автоматизированных подсистем обработки, поиска, хранения, выдачи и передачи информации”»⁷⁵.

После столь обширного введения в историю создания ИАИС ИНИОН мне хочется приступить к рассказу о том, как это происходило, и, главное, вспомнить тех, кто участвовал в создании системы, начинал этот проект и успешно реализовал первую очередь ИАИС ИНИОН – пусковой комплекс.

Многих нет уже с нами, многие на пенсии, но кое-кто до сих пор трудится в стенах ИНИОН. Иногда встречаясь с ними и беседуя о тех годах, вижу, как они оживают, светлеют их лица, и просыпается в каждом из них гордость за созданную ими в те годы автоматизированную информационную систему.

На работу в ИНИОН я был принят в апреле 1976 г. Дело случая, что я оказался в коллективе разработчиков АИС ИНИОН. Как-то, выйдя из метро «Профсоюзная», я увидел сверкающее огромными окнами громадное здание и вход в него по арочному мосту через невероятно большой бассейн, орошаемый многочисленными фонтанами. Долго любовался этой картиной. Заметил возле троллейбусной остановки что-то вроде доски объявлений. Вчитался в текст наклеенной бумажки – «Приглашаются специалисты: инженеры ЭВМ, программисты...» и телефон. Вроде мне

ни к чему, но телефон запомнил. А на другой день позвонил, просто из любопытства.

У входа в здание встретил меня молодой человек, который назвался Андреем Родионовым. Он провел меня по узким длинным коридорам первого этажа в небольшую комнату, где и состоялась моя первая беседа с Вильямом Ризатдиновичем Хисамутдиновым, представившимся заведующим сектором.

В.Р. Хисамутдинов интересовался местом моей работы – чем я занимаюсь, в какой должности, и, узнав, что я имею некоторую практику работы на ЭВМ и кое-что смыслю в стандартном программном обеспечении ЭВМ серии ЕС, особого интереса ко мне как специалисту не проявил. Но когда я рассказал о своем участии в разработках сложных систем, об опыте обработки на ЭВМ телеметрической информации, о некоторых связях, как оказалось, в известных и ему организациях, он сообщил, что в ИНИОН планируется создать ИАИС и что на концептуальном уровне уже обсуждается этот проект. Рассказал, что ИАИС будет функционировать не только в рамках Института, но распространит свои возможности на республиканские информационные центры и на центры стран Варшавского договора, и, более того, может быть, будет функционировать в системах международного обмена информацией.

В общем, наша беседа затянулась и превратилась в обсуждение проблем создания АИС. Мы оба увлеклись разговором на эту тему и, в конце концов, В.Р. Хисамутдинов предложил мне работу в своем секторе. Практически он уговорил меня – и я дал согласие, но предупредил его, что в моем лице он получит специалиста, но не человека «белого и пушистого». Оставив ему телефон отдела кадров с моего места работы, посоветовал позвонить и узнать обо мне все, что ему захочется. Я был уверен, что после звонка он не захочет увидеть меня в своем коллективе. Однако недели через три В.Р. Хисамутдинов позвонил мне и сообщил, что подписан приказ о моем зачислении на должность и.о. старшего научного сотрудника в Сектор теоретических проблем использования электронной вычислительной техники. Так я оказался в числе сотрудников ИНИОН.

В.Р. Хисамутдинов познакомил меня с коллективом сектора – программистами Н.И. Косиченко, С.Н. Ласуновым, Л.Б. Косовой, Н.П. Жаровой, Е.Д. Чепкасовой – и охарактеризовал их как опытных специалистов, но пока «безлошадных» (собственной ЭВМ в ИНИОН в тот момент не было, и программистам приходилось практиковаться на ЭВМ в других организациях). По поведению

⁷⁵ Протокол приемо-сдаточных испытаний пускового комплекса Автоматизированной системы научно-технической информации по опубликованным отечественным и зарубежным источникам информации в области общественных наук (АСНИТИ ОН) // Акт и протоколы Межведомственной комиссии по приемке в промышленную эксплуатацию Автоматизированной системы научно-технической информации по опубликованным отечественным и зарубежным источникам информации в области общественных наук, Москва. 1980 г. – М., 1980. – С. 6.

А.Б. Родионова мне стала понятна его роль в этом коллективе – роль руководителя группы программистов. За эксплуатацию ЭВМ, которую планировалось установить в ИНИОН, отвечали кандидаты технических наук М.А. Цибров и В.И. Довгий.

Познакомился с Е.П. Положихиной, Л.А. Дорониной, Н.С. Малявиной, Н.С. Суровой, О.М. Ливеровской, Н.А. Тимофеевой, Л.В. Ужинской. Роль их как специалистов мне была непонятна – и не программисты, и не разработчики, вроде все заняты, но чем? Конечно, к программистам это не относилось: они были заняты – адаптировали заимствованные из других организаций программы под задачи ИАИС ИНИОН.

В.Р. Хисамутдинов предложил мне, прежде чем приниматься за проектирование АИС, ознакомиться с наработками, которые уже были сделаны в ИНИОН. Кроме того, дал понять, что возлагает на меня большие надежды и в помощи по эксплуатации ЭВМ, а главное – в привлечении части женского коллектива сектора к проектированию системы.

Из бесед с В.Р. Хисамутдиновым стало ясно, что Институт «кровно» заинтересован в успешности создаваемой системы и со стороны директора ИНИОН В.А. Виноградова сектор получает всяческую поддержку. Последнему я особенно порадовался, так как, имея опыт разработки сложных технических систем, знал, что без энергичной поддержки руководителя организации ни одна «система» никогда не будет реализована.

Вчитываясь в концепцию ИАИС ИНИОН, в тексты отчетов о проделанной работе в части проектирования системы, я понял, что волею судьбы вовлечен в интересное предприятие, совершенно новое для меня как специалиста. Появился азарт в работе, которым мне удалось несколько позднее «заразить» женский коллектив, оказавшийся под моим началом. Для реализации проекта была необходима своя ЭВМ, надежно работающая и доступная программистам в любое время.

Несколько удивляло прохладное отношение к вводу в эксплуатацию ЭВМ со стороны М.А. Циброва и В.И. Довгого. На мой взгляд, М.А. Цибров больше занимался «политикой» (борьбой за главенство в разработке ИАИС ИНИОН), а В.И. Довгий, не имея опыта эксплуатации ЭВМ, просто не представлял, что делать с ЭВМ, стоявшей около полугода в здании Института в заводской упаковке.

В.Р. Хисамутдинов отлично понимал сложившуюся ситуацию и находился в поиске эксплуатационников ЭВМ. Опытные

специалисты не шли к нам работать – их не устраивала заработная плата. Другие, менее опытные, не устраивали нас. Пришлось прибегнуть к известной традиции: сам устроился – веди за собой специалистов. Так в Институте появились А.Н. Новиков и А.Н. Тарасов, имевшие опыт эксплуатации ЭВМ серии ЕС. Переходя на работу в ИНИОН, они значительно повышали свой статус как специалисты.

Вскоре была сформирована группа эксплуатации ЭВМ в составе: В.И. Довгий – начальник ЭВМ, А.Н. Новиков и А.Н. Тарасов – инженеры-электронщики, Д.С. Шлыков – механик ЭВМ. Группа срочно отбыла в Киев постигать науку эксплуатации ЭВМ М-4030. Обогатившись знаниями, через три месяца они вернулись в Институт и приступили к вводу в эксплуатацию ЭВМ. Отказавшись от «законного способа» проведения работ по подготовке машинного зала, группа эксплуатации ЭВМ за очень короткое время подготовила помещение для ее монтажа.

Необходимо, конечно, рассказать, что же это был за незаконный способ, позволивший в ускоренном темпе выполнить строительные работы. Читателю небезынтересно будет узнать, в какое время это происходило – время, когда хозяйственникам в решении подобных задач свойственна была нерасторопность, каждое их действие согласовывалось на разных уровнях, обрастало ворохом разрешительных бумажек. Поэтому и появился так называемый «незаконный способ», позволявший ускоренно решать любые проблемы при помощи извечного на Руси «катализатора» – водки.

Нашему Институту в какой-то мере повезло в том, что рядом с нашим зданием строился корпус медицинской библиотеки. Имея в своем распоряжении спирт, наши специалисты заполучили не только рабочую силу, но и необходимые материалы от строителей медицинской библиотеки. Таким образом, за короткий срок удалось превратить три смежные комнаты, лишив их перегородок, в сверкавший новыми полами и заново окрашенными стенами машинный зал для ЭВМ.

Усилиями М.А. Циброва (опять же за спирт!) на АЗЛК был добыт комплект фальшпола для машинного зала (около 400 алюминиевых литых плит). Если вспоминать, на какие ухищрения при запуске ЭВМ нам приходилось идти, то станет ясно, как часто мы нарушали закон.

Но дело было сделано: машинный зал подготовлен. Мужской коллектив сектора объединился в дружную команду, и за два

дня практически на руках тяжеленные агрегаты ЭВМ по узким длинным коридорам были перенесены в машинный зал.

Из Киева прибыла пуско-наладочная бригада в количестве десяти человек для ввода в эксплуатацию ЭВМ М-4030. И когда приступили к монтажу ЭВМ, то обнаружилось, что требуется расходный материал: провода, припой различной температуры плавления. Для пайки «глубокого минуса» необходимо было иметь 0,5 кг серебряного припоя. Требовалось пробурить 30-метровую скважину под закладку «глубокого минуса». Со скважиной проблему решили: вечером на стройке «отловили» бурового мастера, и он за спирт выполнил наш заказ – пробурил скважину. А вот расходные материалы, да еще в том объеме, что нам требовались, ни за какой спирт приобрести было невозможно. «Академнаб» на просьбу обеспечить нас всем необходимым потребовал заявку и обещал в течение месяца ее удовлетворить. Специалисты-снабженцы еще попеняли нам, что побеспокоиться надо было загодя.

Как быть? Бригада наладчиков простаивала и собиралась вернуться в Киев, сроки нас поджимали. И я решил использовать старые связи. Позвонил в НИИАП⁷⁶, прежнее место моей работы, заместителю директора по науке В.Л. Лапыгину, обрисовал ему ситуацию, в которую мы попали. К вечеру того же дня из стен закрытой организации на машине привезли нам все, что требовалось, притом без всякой оплаты.

На этом мое участие в пуско-наладочных работах ЭВМ закончилось.

Наверное, утомительно читать такие подробности. Но я специально хочу обратить внимание читателя на то, как сложно было не только организовать разработку системы (о чем речь пойдет ниже), но и какие возникали трудности, казалось бы, в таком простом деле, как запуск в работу ЭВМ.

Параллельно с выполнением работ по вводу в эксплуатацию ЭВМ М-4030 в ИНИОН интенсивно разворачивалась работа по проектированию системы. Формулировались задачи, решение которых должна была обеспечивать АИС:

– обработка источников информации и ввод данных о них в ЭВМ;

⁷⁶ НИИАП – Научно-исследовательский институт автоматики и приборостроения. Сейчас он носит наименование ФГУП «Научно-производственный центр автоматики и приборостроения имени академика Н.А. Пилюгина». – *Прим. ред.*

- формирование баз данных (БД);
- выпуск печатных изданий с использованием средств вычислительной техники;
- поиск информации по накопленным данным в БД;
- взаимодействие с другими АИС;
- дистанционный доступ к БД ИАИС ИНИОН;
- объединение в единый комплекс создаваемых подсистем ИАИС ИНИОН, обеспечение их взаимосвязи и ритмичного функционирования.

Для решения подобных задач, а также возникающих новых в процессе проектирования требовались специалисты, имеющие опыт в их реализации. Надо отдать должное умению В.Р. Хисамудинова разглядеть среди кандидатов в сотрудники сектора таких специалистов. В числе сотрудников появился В.Г. Зайцев и сразу возглавил работы по проектированию справочно-информационного обслуживания абонентов с использованием вычислительной техники. Был принят на работу В.Е. Дашко, специалист по решению задач удаленного доступа к базам данных. Новые сотрудники сектора пришли в Институт, имея при себе готовое программное обеспечение для решения своих задач. Были приняты на работу опытные специалисты: С.А. Горбань (1976), В.М. Гусев, И.Л. Михалько, А.Л. Горин, Н.П. Арванцова (1978). Таким образом, образовался вполне работоспособный коллектив специалистов.

После неоднократных обсуждений необходимости реорганизации сектора с руководителями организовавшихся групп специалистов по направлениям их деятельности В.Р. Хисамудинов предложил дирекции Института структуру уже не сектора, а отдела. Впоследствии, исходя из решаемых им задач, он получил наименование Отдела исследования и разработки информационных систем (ОИРИС). В 1979 г. в рамках отдела статус самостоятельных подразделений получили три сектора:

- эксплуатации вычислительных систем;
- программного обеспечения;
- исследования и разработки информационных технологий.

Дирекция согласилась с такой структурой и спустя какое-то время были назначены руководители секторов. Заведующим Сектором эксплуатации вычислительных систем и программного обеспечения был назначен В.Г. Зайцев, руководителем группы программного обеспечения – А.Б. Родионов, заведующим Сектором исследования и разработки информационных технологий – Л.Н. Тарасов.

Итак, в ОИРИС сложился работоспособный коллектив, объединенный необходимостью реализовать проект, – разработать автоматизированную информационную систему. И потекли день за днем часы рутинной работы над проектом. Вот тут-то одна за другой и стали возникать проблемы. В частности выяснилось, что для разработки сложной системы, отвечающей тем задачам, которые ставились перед ИНИОН как головным информационным центром в области общественных наук, в ОИРИС недостаточно специалистов. Руководство Института нашло выход из этой ситуации: разрешило на время проектирования привлекать специалистов из других подразделений. Таким образом, технологи заполучили необходимых специалистов, некоторые из них впоследствии оказались в коллективе сектора (например, руководитель группы старший научный сотрудник М.Н. Смирнова).

Готовность программистов к созданию рабочих программ, а также к адаптации заимствованных под задачи ИАИС ИНИОН была неоспорима, но не было грамотных технических заданий на программирование, а те, что предлагались, не были четко формализованы. Однако выход был найден. К программисту, реализующему техническое задание, прикрепляли специалиста, который должен был сопровождать весь процесс программирования, объясняя, что же, в конце концов, он хочет от программы.

В общем, уже имелось все для успешной реализации проекта: ЭВМ М-4030 – в рабочем состоянии, у программистов машинного времени с избытком, достаточно специалистов, как со стороны «заказчика», так и исполнителя заказа. Но реализация системы начала «буксовать», время уходило. Проблемы нарастали как снежный ком. Технологи не всегда могли добиться понимания от заказчика, что мешало объединить в единое целое, в слаженный механизм людей и технику.

В.Р. Хисамутдинов принимал происходящее близко к сердцу. Да и мы, рядовые сотрудники отдела, понимали, что невыполнение в срок задачи – создания работоспособной ИАИС ИНИОН – это крах для нас как специалистов, взявшихся разработать «свою» автоматизированную систему.

Сотрудники Института проявляли живой интерес к тому, как реализуется проект и что происходит при этом в ОИРИС. Некоторые не верили в успех создания «своей» АИС, но большинство искренне переживали за начатое дело и помогали нам и советом, и делом. Однако были и предложения, шедшие вразрез нашим устремлениям.

Так, М.А. Цибров и С.А. Пищальников, имея опыт наблюдения за функционированием работавших в то время АИС, считали, что в ИНИОН не может быть за короткое время спроектирована и запущена в работу «своя» система, и потому настаивали на заимствовании технологии обработки входного документопотока и программного обеспечения в ВИНТИ и ГПНТБ.

Следует отметить: «свою» ИАИС ИНИОН мы создавали, изучив опыт проектирования и эксплуатации АИС в других организациях. Группами и поодиночке мы посещали и ВИНТИ, и ГПНТБ, знакомились с проектами и рабочей документацией работающих в этих организациях АИС. Что же мы, как разработчики системы, вынесли для себя из этих организаций?

Да, эти организации обрабатывают огромное количество документов с целью занесения информации о них в БД своих АИС. Да, эти организации обслуживают абонентов систем, рассылая им информацию по запрашиваемой тематике, как в бумажном виде (распечатки), так и на магнитных лентах. Но взаимодействие между этими АИС затруднялось из-за носителей информации (магнитных лент), из-за кодирования информации по различным стандартам. Кроме того, нас удивило огромное количество специалистов, обслуживающих эти АИС.

Мы наглядно убедились в том, что взаимодействие АИС возможно только при стандартизации представления информации в БД, стандартизации описания источников информации, так называемого библиографического описания (БО). Кроме того, мы пришли к выводу, что при создании «своей» АИС для ее успешного функционирования в автоматизированных информационных сетях необходимо учитывать особенности обработки литературы и в международных АИС.

Но вернемся к тому, как проходил процесс проектирования и реализации ИАИС ИНИОН. Сроки проектирования и тем более реализации срывались из-за некоторого недопонимания между заказчиками и исполнителем заказа. Надо было что-то предпринимать, вырабатывать организационное решение, которое способствовало бы успешной реализации проекта.

В.Р. Хисамутдинов, выступая в роли Главного конструктора (ГК) ИАИС ИНИОН, предложил создать институт заместителей Главного конструктора, который, по его мнению, мог бы успешно координировать работу специалистов, участвующих в проекте. Заместителями ГК были назначены: заведующий Отделом научного описания информационных материалов (ОНОИМ) И.Я. Госин,

заведующий Отделом научно-библиографической информации (ОНБИ) Р.Р. Мдивани, заведующий сектором ОИРИС В.Г. Зайцев, заведующий сектором ОИРИС Л.Н. Тарасов.

Так, И.Я. Госину вменялось в обязанность направлять усилия своих сотрудников на адаптацию структуры БО источников информации к возможности ввода его в ЭВМ, а также обеспечить достаточность элементов описания для решения задач ИАИС ИНИОН.

Р.Р. Мдивани со своими специалистами отвечал не только за качественный отбор источников информации по различной тематике и за содержательную сторону выпускаемых автоматизированным способом информационных печатных изданий. Ему предстояло создать ряд информационных тезаурусов по общественным наукам, которые обеспечивали бы качественный многоаспектный поиск сведений по заданной тематике в БД. В.Г. Зайцев отвечал за внедрение в практику справочно-информационного обслуживания (СИО) абонентов системы средствами вычислительной техники, а также – за их дистанционный доступ к БД ИАИС ИНИОН.

Мне как заместителю Главного конструктора предстояло связать информационные процессы в единое целое, т.е. организовать технологию функционирования ИАИС ИНИОН, что, конечно, было сделать непросто. Трудность заключалась в том, что ИАИС ИНИОН – это не просто набор вычислительных средств, с помощью которых решаются те или иные задачи. Это человеко-машинная система, в которой человек взаимодействует с техническими устройствами в процессе обработки информации.

Практика разработки и эксплуатации человеко-машинных систем наглядно показала, что не все так просто. ЭВМ «безразлично» что делать – просто стоять или находиться в рабочем состоянии. Человеку же не безразлично – он привык к определенному ритму работы, к окружающей обстановке, общению с коллегами и т.п., а тут вдруг появляется ЭВМ – этакий монстр, и выполняет то, что прежде делал человек (например, сортировку, кодировку, распечатку текстов и т.п.). В такой ситуации человек начинает чувствовать себя в качестве слуги ЭВМ. Не сразу, постепенно человек учится не отторгать ЭВМ, и тогда человеко-машинная система начинает работать без сбоев.

Сегодня все обстоит иначе. За десятилетия, минувшие с той поры, когда в ИНИОН создавалась ИАИС, вычислительная техника прочно внедрилась не только на производстве, но и в быту, так что на психологическом уровне проблем с ее использованием практи-

чески не существует. Но в то время, когда мы создавали «свою» АИС, эта проблема стучалась в двери всех организаций, внедрявших ЭВМ в производственные процессы. Так что в этом плане ИНИОН не был исключением.

При обсуждении со специалистами Института очередных проблем, возникавших при разработке новой технологии обработки документопотока, приходилось разбираться не только в затруднениях проектирования, но и показывать, каковы будут роли ЭВМ и человека при новой организации работы. Почти все такие обсуждения проходили в спорах и в отрицании специалистами Института необходимости что-то менять в устоявшихся и привычных методах работы.

После таких горячих встреч голова шла кругом. При обоюдном согласии заказчика и исполнителя заказа, т.е. специалистов Института и технологов, в том, что проект должен быть реализован, дело продвигалось медленно, как говорится, со скрипом. Необходимо было что-то предпринять, чтобы мы смогли, наконец, понять друг друга.

В один из дней, разгоряченный очередной «баталией», я зашел к И.Я. Госину. Разговорились. Игорь Яковлевич поинтересовался, чем я занимался до прихода в ИНИОН. В рамках дозволенного (все, кто в то время работал в закрытых организациях, давали подписку «о неразглашении» и несли уголовную ответственность за ее нарушение) я рассказал о своей работе на заводе имени М.В. Хруничева в КИС – контрольно-испытательной станции по отработке и испытанию сложных систем управления и в фирме Н.А. Пилюгина в НИИАП (системы управления ракетами). Рассказал о методах, которые использовались в этих фирмах для стимуляции активности специалистов при реализации проектов – о так называемых «мозговых штурмах». Последнее особенно заинтересовало Игоря Яковлевича, и он предложил организовать обследование документооборота, поступающего на обработку. Правда, в таком предложении не было ничего нового. В практике проектирования сложных систем применялось обследование объекта автоматизации, но, по мнению Игоря Яковлевича, оно будет весьма полезным и в нашей ситуации. Так родилось предложение об обследовании системы обработки документооборота Института как объекта автоматизации информационных процессов.

Это предложение не сразу нашло поддержку у В.Р. Хисамудинова. Да и мы с Игорем Яковлевичем без всякого «обследования» понимали, какие задачи необходимо решить при реализа-

ции ИАИС ИНИОН. Но мы также видели и то, что такой этап в проектировании позволит вовлечь в работу над проектом многих специалистов Института и, в конце концов, создаст благоприятную атмосферу сотрудничества. Последнее, очевидно, убедило Главного конструктора в необходимости «обследования», в результате чего и появился разрешительный приказ директора ИНИОН В.А. Виноградова.

В работу по «обследованию» были вовлечены практически все подразделения Института. Руководители отделов выделили сотрудников, которых мы в рабочем порядке могли привлекать к беседам по любому возникающему вопросу.

В течение месяца по согласованному с руководителями отделов графику технологи совместно со специалистами Института исследовали традиционную методику обработки документопотока и выявили «слабые места», которые необходимо было модернизировать, используя возможности вычислительной техники. Следует отметить, что специалисты Института не сразу положительно отнеслись к участию в «обследовании» и рассматривали это мероприятие как возможность еще раз поговорить «за жизнь». Но когда они поняли, что из их повседневного, утомительного труда исчезнут рутинные операции и их возьмет на себя ЭВМ, увлеклись работой. Практически из всех отделов Института к технологам стали стекаться предложения не только по оптимизации традиционной технологии обработки документопотока, но и требования к новой, с использованием ЭВМ.

В нашу технологическую группу практически на постоянной основе вошли многие специалисты из других отделов. Завсегда-тнями обсуждений стали М.Н. Смирнова (ОНОИМ), В.А. Архангельская (ОНБИ), Ю.Д. Рыскин (ОНБИ), В.А. Глинский (ОНБИ), Г.З. Головков (ОНОИМ), Л.В. Шемберко (ОЛОИС – Отдел лингвистического обеспечения информационных систем), Р.Я. Межеборская (ОНОИМ) и многие другие. К сожалению, я помню не всех!

В «обследовании» принимали участие более 60 человек. Совместными усилиями участники этого мероприятия выпустили отчет, в котором любой сотрудник Института мог увидеть свое место в традиционной системе обработки документопотока и предположить, где оно окажется при внедрении новой технологии.

Результаты обследования подробно обсуждались на Ученом совете Института. Заместитель директора И.А. Ходош в своем выступлении высоко оценила этот труд специалистов, который показал все стороны деятельности Института при обработке докумен-

топотока и, главное, выявил слабые места в традиционной технологии создания информации. В заключение Ходош отметила, что результаты обследования будут весьма полезны при создании ИАИС ИНИОН. В результате совместной работы обе стороны – гуманитарии и инженеры – взаимно обогатились знаниями. Гуманитарии поняли, что такое ЭВМ, а инженеры приобрели знания по библиотечному делу. Все стали, наконец, понимать язык друг друга. Такую оценку проделанной работы поддержали В.Р. Хисамутдинов, Р.Р. Мдивани, С.К. Виленская и, конечно же, И.Я. Госин.

Важно отметить, что обследование документопотока позволило также получить статистические данные о количестве и ритмичности поступления в ИНИОН литературы по различным каналам комплектования фондов. Эти данные позволили математически описать входной документопоток и разработать соответствующую модель, экспериментируя с которой на ЭВМ, мы смогли представить в виде графиков ритмичность поступления литературы, определить узкие места при обработке документопотока. Работу по моделированию выполнил научный сотрудник нашего сектора А.С. Косов, который впоследствии приступил к разработке подсистемы управления технологическими процессами в ИАИС ИНИОН. Мы задумались над тем, как организовать технологические процессы в ИАИС ИНИОН, чтобы увеличить пропускную способность узких мест⁷⁷.

Систематизировав результаты «обследования», мы выяснили, что литература, поступающая на вход традиционной системы, подвергается обработке под каждую отдельно решаемую задачу, якобы отличающуюся от других специфичностью. Очевидна была необходимость однократной обработки литературы, результаты которой были бы достаточны для любых задач, решаемых в ИАИС ИНИОН.

Стало понятно, что в БД ИАИС ИНИОН должна вводиться так называемая библиографическая запись (БЗ), которая включала бы в себя как формальные элементы, идентифицирующие источник информации, так и содержательную часть, раскрывающую суть источника. Было над чем подумать!

⁷⁷ Интерпретация результатов анализа статистических данных документопотока, поступающего в ИНИОН АН СССР (промежуточный отчет). Тема № 0.80.18(СЭВ)03.01. Утв. 1979 / АН СССР. ИНИОН; Научный руководитель В.А. Виноградов, Главный конструктор системы В.Р. Хисамутдинов. – М., 1979.

Специфика информационной деятельности ИНИОН выдвигала ряд требований к структуре и наполнению данными БЗ. Принимая во внимание эти требования, специалистами ОНБИ, ОНОИМ, ОЛОИС и технологами ОИРИС были сформированы структура и наполнение данными БЗ, представляющая собой набор отдельных блоков: БО документа, содержательного описания документа, поискового образа документа (рубрик, ключевых слов), служебной информации, идентифицирующей каждый блок БЗ и его элементы.

Деление БЗ на самостоятельные блоки позволяло реализовать в соответствии с принятой технологией обработки поэтапное наполнение рабочего листа (РЛ) предмашинного формата (ПФ) данными о документе.

Специалистам ОНОИМ предстояло модернизировать описание литературы таким образом, чтобы, с одной стороны, его содержание было достаточным для решения задач в ИАИС ИНИОН, но с другой – чтобы оно отвечало требованиям принятых стандартов.

Специалисты ОНБИ работали над проблемами содержательной обработки литературы, результаты которой не только раскрывали бы суть источника информации, но и позволяли формировать средствами вычислительной техники информационные издания, отвечающие требованиям издательских стандартов, и, кроме того, реализовать автоматизированный поиск источников информации в БД ИАИС ИНИОН по заданной тематике.

На долю технологов выпала проблема представления сведений об источнике информации в структуре «понятной» ЭВМ – разработать ПФ и его представить в виде РЛ.

Итогом работы подразделений над этими проблемами явился набор ТЗ для программирования задач, решаемых ИАИС ИНИОН.

Программистам ОИРИС предстояло реализовать в виде программ для ЭВМ все то, что названные выше специалисты сформулируют в виде технического задания (ТЗ) на программирование.

Разработкой РЛ и ПФ занимались Е.П. Положихина, А.В. Шершова (ОИРИС), И.Я. Госин, Н.К. Костоньян, М.Н. Смирнова (ОНОИМ). В процессе разработки ПФ и РЛ использовались материалы ГПНТБ, а также ВКП, Библиотеки им. Ленина и ВГБИЛ.

Программисты, получив от технологов ТЗ на ввод данных БЗ в ЭВМ с РЛ, реализовали программу ввода через мониторы в БД ИАИС ИНИОН и приступили на достаточно большом объеме информации, введенной в систему, к окончательной отладке программ написанных по ТЗ, полученных от ОНБИ, ОНОИМ.

Было организовано несколько экспериментальных прогонов новой технологии обработки, опробованы программы формирования БД, а также на реальном массиве данных – программы получения печатного издания и поиск по ключевым словам в накопленном в БД массиве информации.

Экспериментальная работа выявила ряд недостатков как в проектных решениях, так и в использовании ЭВМ М-4030 при обработке информации. Выяснилось, что человек в систему вполне «встраивается», свои функции выполняет успешно, а вот техника, ЭВМ – это головная боль для всех. В критические моменты из-за «скачков» электроэнергии ЭВМ «зависает», т.е. перестает работать. Из-за таких сбоев невозможно было получить положительный результат при решении информационных задач. Кроме того, процесс выдачи результатов затягивался во времени.

Мы понимали, что наша система по надежности не лучше работающих систем в известных нам организациях. Мы также понимали, что трудозатраты в этом случае будут выше трудозатрат при решении тех же задач в традиционной технологии.

Перед Главным конструктором возникла ожидаемая из нашего опыта использования ЭВМ проблема повышения надежности ИАИС ИНИОН, в которую были встроены люди и весьма ненадежная ЭВМ, к тому же обладающая «скудной» оперативной памятью и небольшой памятью внешних накопителей информации.

В.Р. Хисамутдинов имел опыт работы на зарубежных ЭВМ и поэтому приложил немало усилий, чтобы убедить руководство Института в том, что на ненадежных ЭВМ невозможно реализовать успешную АИС. Его выбор пал на ЭВМ НР-3000. Он настоял также на приобретении фотонабора «Дигисет 40Т2», убедительно доказав, что в этом случае выпуск печатных изданий, сформированных на ЭВМ, будет гораздо дешевле, чем на арендованном фотонаборе. У нас уже был такой печальный опыт: фотогранки мы получали с задержкой в несколько дней, пользуясь фотонабором в других организациях.

Директор ИНИОН В.А. Виноградов лучше нас, разработчиков ИАИС ИНИОН, представлял, что такое ненадежная АИС и, как говорится, нажал на все мыслимые и немыслимые рычаги в АН СССР, и не только. ИНИОН были обещаны и НР-3000, и «Дигисет 40Т2».

Убедившись в том, что система «задышала» (исходя из возможностей ЭВМ М-4030 и перспективы получения в скором времени НР-3000 – надежной ЭВМ с колоссальной на тот период

времени памятью, а также фотонабора «Дигисет 40Т2»), руководство Института определило очередность создания подсистем ИАИС ИНИОН и состав подсистем первой очереди реализации так называемого пускового комплекса.

Было принято решение реализовать следующие подсистемы:

- обработки;
- издания;
- справочно-информационного обслуживания, включая задачу удаленного доступа потребителей к БД ИАИС ИНИОН.

Для реализации этих подсистем мы должны были разработать технологию, объединяющую в единое целое пусковой комплекс АИС, а также совместимость ИАИС ИНИОН с другими АИС, функционирующими в рамках ГСНТИ и Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН).

Математическое обеспечение должно было быть представлено следующим пакетом программ:

- формирования БД;
- подготовки информационных изданий;
- информационного поиска;
- создания и поддержания рубрикаторов.

В рамках лингвистического обеспечения требовалось подготовить рубрикатор, тезаурус нормализованной лексики, а также методические материалы, обеспечивающие применение лингвистических средств при содержательной обработке документов и запросов.

Работа по реализации пускового комплекса ИАИС ИНИОН проходила с большим напряжением сил – основного состава разработчиков, а это были не только специалисты ОИРИС, но и сотрудники ОЛОИС, ОНБИ, ОНОИМ. Они не считались со временем и работали не только сверхурочно вечерами, но и в выходные дни.

Казалось бы, и вздохнуть-то нет сил, но В.Р. Хисамутдинов буквально вытаскивал сотрудников ОИРИС на выставки японской и американской вычислительной техники, которые неоднократно устраивались в то время в выставочном павильоне в Сокольниках.

Не знаю, какими ухищрениями, но В.Р. Хисамутдинову удалось получить на одной из выставок японское устройство ввода информации с перфокарт в ЭВМ. Японские специалисты, разобравшись в схемах ЭВМ М-4030, доработали устройство и подключили его к нашей машине. При этом, вежливо улыбаясь, про-

изнесли такую фразу: «Мы думали, что вы отстали от нас на годы, но оказывается – навсегда».

Для меня это не было новостью. Я хорошо знал причину нашего отставания в области создания вычислительной техники. За это надо было сказать «спасибо» нашим «мудрецам» – чиновникам из высшего эшелона управленцев промышленностью. Исходя из политических соображений, они перенаправили человеческие и финансовые ресурсы страны на адаптацию американской вычислительной техники фирмы IBM. Тем самым они перечеркнули разработки в области проектирования и математического обеспечения отечественных ЭВМ.

Программисты ОИРИС в первом приближении отладили весь пакет программ для решения задач пускового комплекса ИАИС ИНИОН и были в ожидании ЭВМ НР-3000, фотонаборного автомата «Дигисет 40Т2», аппаратуры удаленного доступа к БД системы, чтобы адаптировать программы для НР-3000. И наконец, усилия директора ИНИОН В.А. Виноградова увенчались успехом – Институт заполучил обещанную вычислительную технику.

За короткое время в ОИРИС смонтировали поступившую технику. При запуске ее в работу еще раз пришлось посетовать на наше отставание в области создания отечественных средств вычислительной техники.

За несколько дней два немецких специалиста смонтировали и оттестировали на исправность агрегаты «Дигисет 40Т2». Обнаружив неисправность лентопротяжного устройства, тут же заменили его. Надо сказать, что не обошлось без осложнений при эксплуатации «Дигисет 40Т2». Фотонаборный автомат – это не только электронное устройство, реализующее набор текста по программе (кстати, фирма ограничивалась тестовыми программами), но и проявочная машина. Предстояло разработать программы набора текстов. Для получения результата набора – фотогранок – требовалась фотобумага и химреактивы, причем в достаточно больших количествах. Поставщик «Дигисет 40Т2» был крайне заинтересован в регулярной поставке расходных материалов для фотонабора. Однако, оценив их стоимость, мы пришли к выводу, что выпуск печатной продукции на этом агрегате обойдется «в копейку».

В.Р. Хисамутдинов «задачил» специалиста по обработке фотоматериалов научного сотрудника Н.П. Арванцову необходимостью адаптировать отечественные фотоматериалы к особенностям «Дигисет 40Т2». Она совместно с инженером В.С. Горшанниковым после многочисленных экспериментов справилась с этой

задачей. Фотонабор успешно «заработал» на отечественных фото-материалах. Надо отдать должное и начальнику «Дигисет 40Т2» А.Л. Горину. Он сумел добиться от ленинградских производителей фотобумаги поставок в ИНИОН качественной продукции.

Монтаж и наладка ЭВМ НР-3000 американскими специалистами привели нас в изумление после опыта многомесячного запуска в работу ЭВМ М-4030. И было чему удивляться. Американские специалисты в количестве двух человек (против наших десяти) установили в небольшом помещении агрегаты ЭВМ, соединили их между собой (без всякой пайки) ленточными кабелями, подали напряжение в ЭВМ – и она заработала. По тестовым программам проверили ее работоспособность. В общем, в полдень включили ЭВМ, а к концу рабочего дня оттестированная на исправность НР-3000 была нам передана в эксплуатацию.

Я специально подробно пишу обо всем этом, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько наше отечество отставало в то время от мировых разработок в области создания вычислительной техники, несмотря на то что в нашей стране было достаточно талантливых электронщиков и программистов.

Итак, в ИНИОН заработал надежный вычислительный комплекс: ЭВМ НР-3000, «Дигисет 40Т2» и ЭВМ М-4030. Слабым звеном в этом комплексе была только М-4030, но благодаря усилиям наших специалистов она работала неплохо.

Программисты отдела приступили к перезагрузке части программ на НР-3000, для чего требовалось достаточно много машинного времени, и в ОИРИС пришлось организовывать двухсменную работу вычислительной техники. С февраля 1979 вплоть до осени 1980 г. ОИРИС практически работал в две смены. За это время все запланированные разработки были завершены. Более того, семейная пара Чепкасовых, программистов высокого класса, отладила для фотонабора программу двухколонкового вывода текста на фотобумагу. Надо отдать должное специалистам ОНБИ и ОНОИМ, которые безотказно сопровождали все работы по доводке и технологического, и программного обеспечения, что велись в ОИРИС в те дни.

Приближалось время сдачи в промышленную эксплуатацию пускового комплекса ИАИС ИНИОН, намеченное на конец 1980 г. От успеха этого мероприятия зависело признание ИАИС ИНИОН другими организациями – оно открывало возможность ее дальнейшего совершенствования и развития.

Правда, меня как технолога системы смущало отсутствие описания, разработанного математического обеспечения (программ), инструкций по его использованию операторами ЭВМ. В ОНБИ и ОНОИМ было полное понимание необходимости рабочей документации по задачам, решаемым в этих подразделениях. А вот в собственном отделе считали, что такая документация не нужна, объясняя это тем, что в затруднительных случаях оператор ЭВМ всегда получит консультацию у программиста. От В.Р. Хисамудинова я не мог добиться понимания необходимости рабочих инструкций. Но у меня был печальный опыт запуска в работу сложных систем без соответствующей рабочей документации. Поэтому я настаивал на необходимости ее создания.

В конце концов, между нами на этой почве возник конфликт. Дошло до того, что я подал заявление в дирекцию об освобождении меня от работы как технолога. Я настаивал, чтобы было проведено совещание по вопросу необходимости создания комплекта рабочей документации ИАИС ИНИОН.

Совещание провел заместитель директора ИНИОН Л.С. Кюзаджан. На этом совещании было отмечено, что такая документация в соответствии с требованиями единой системы конструкторской документации (ЕСКД) и единой системы программной документации (ЕСПД) должна быть готова к моменту сдачи пускового комплекса ИАИС ИНИОН Межведомственной комиссии.

К осени 1980 г. пусковой комплекс ИАИС ИНИОН заработал в промышленном режиме и показал надежность в работе. С помощью вычислительной техники было подготовлено к печати несколько библиографических указателей литературы по экономике, опробованы ретроспективный поиск в базах данных и обмен информацией на магнитных лентах с другими АИС.

Специалист по удаленному доступу с БД ИАИС ИНИОН В.Е. Дашко отработал технологию доступа к ним с удаленных терминалов, что и было продемонстрировано на одном из собраний Академии наук СССР в Доме ученых в Москве. По телефонной коммутированной сети также был реализован доступ в БД системы из Болгарского информационного центра. К моменту сдачи системы в промышленную эксплуатацию была подготовлена в полном объеме рабочая документация для сопровождения функционирования всех подсистем ИАИС ИНИОН.

Для того чтобы окончательно убедиться в работоспособности пускового комплекса ИАИС ИНИОН перед предъявлением его Межведомственной комиссии в ноябре 1980 г., было проведено

комплексное испытание системы в рамках Внутриведомственной комиссии ИНИОН, и оно прошло успешно⁷⁸.

2 декабря 1980 г. пусковой комплекс ИАИС ИНИОН был принят Межведомственной комиссией в промышленную эксплуатацию. Межведомственная комиссия особо отметила следующее:

– технологическое, информационное, программное и лингвистическое обеспечение пускового комплекса ИАИС ИНИОН выполнены на высоком научно-техническом уровне и служат основой для дальнейшего развития системы;

– технические средства достаточны для промышленной эксплуатации ИАИС ИНИОН в объеме пускового комплекса, но не обеспечивают дальнейшего расширения и развития системы;

– техническая документация достаточна для обеспечения промышленной эксплуатации пускового комплекса ИАИС ИНИОН, согласована и утверждена в установленном порядке;

– в режиме опытно-промышленной эксплуатации функционирует система удаленного доступа потребителей к базе данных ИАИС ИНИОН с использованием коммутируемых и некоммутируемых телефонных каналов связи, в том числе международных (София–Москва), междугородных (Минск–Москва), городских (МФТИ–ИНИОН, ВДНХ–ИНИОН, МГУ–ИНИОН);

– прогрессивность принятых проектных решений, в частности ввод, корректура и редактирование информации проводится с клавиатур дисплеев. При этом используются «маски» формальных элементов, что существенно сокращает объем работы операторов ввода;

– при создании и поддержании программного обеспечения применяются средства автоматизации документирования. Разработаны диалоговые средства создания и ведения лингвистического обеспечения системы⁷⁹.

Решение межведомственной комиссии было однозначно: принять в промышленную эксплуатацию пусковой комплекс ИАИС ИНИОН в составе подсистем:

- обработки;
- изданий;

⁷⁸ Акт внутриведомственной комиссии о приемке в промышленную эксплуатацию пускового комплекса Автоматизированной системы научно-технической информации по опубликованным отечественным и зарубежным источникам в области общественных наук (АСНТИОН). – М.: ИНИОН АН СССР, 1980.

⁷⁹ Там же.

– справочно-информационного обслуживания, включая задачу удаленного доступа потребителей к БД ИАИС ИНИОН, и решения задачи магнитно-ленточной службы, а также технологических процессов, технических, лингвистических и программных средств.

Как говорится, успех был полный и налицо: человеко-машинная система, которой и была ИАИС ИНИОН, несмотря на возникавшие трудности в ее реализации, заработала без сбоев. За время проектирования системы сложился и окреп коллектив разработчиков, что, на мой взгляд, было залогом успеха в ее дальнейшем развитии.

Надо отметить, что усилия директора ИНИОН академика В.А. Виноградова в стимулировании проекта и пропаганде возможностей ИАИС ИНИОН, созданной в ИНИОН АН СССР, заставили обратить внимание на нашу систему не только в нашей стране, но и за рубежом. Наша ИАИС ИНИОН была признана одной из лучших среди АИС.

Конечно, этому способствовала не только демонстрация возможностей системы, но и участие разработчиков в многочисленных конференциях по проблемам создания АИС, проходивших довольно регулярно как в нашей стране, так и за рубежом, а также целая серия публикаций специалистов ИНИОН, было защищено несколько диссертаций по проблемам разработки ИАИС ИНИОН.

Все это вдохновляло нас на совершенствование «своей» АИС и разработку новых подходов к автоматизации информационных процессов в ИНИОН с использованием более совершенных средств вычислительной техники. Планировалось разработать (с учетом анализа результатов работы пускового комплекса) технологию обработки входного документопотока, на принципе слияния однократно введенного фрагмента БО с различными фрагментами содержательной обработки для формирования БЗ⁸⁰.

В дальнейшем в рамках этой технологии также предполагалось разработать так называемые «сценарии ввода данных» для каждого рабочего места. Специалисты ОИРИС (А.В. Шершова, Н.А. Сироткина (Тимофеева), Т.Д. Рычкова, М.Н. Смирнова) и ОНОИМ (И.Я. Госин, Н.К. Костоньян) приступили к этой работе. Перед со-

⁸⁰ Технический проект на дальнейшее развитие и совершенствование АИС ИНИОН по опубликованным отечественным и зарубежным источникам информации в области общественных наук на 1981–1985 гг. / ИНИОН АН СССР. – М., 1983. – Т. 2, Ч. 1: Информационно-технологическое обеспечение.

трудниками ОНБИ, ОНОИМ и ОЛОИС встали грандиозные задачи, о которых подробно было написано В.А. Глуховым и Л.В. Шемберко в сборнике «90 лет служения науке»⁸¹.

Мне остается в заключение сказать, что все мы были готовы приступить к новым разработкам. Но, увы, жизнь не так проста, как хотелось бы! Ушли из жизни замечательные люди и специалисты, положившие начало созданию ИАИС ИНИОН, – В.Р. Хисамутдинов (Главный конструктор системы), И.Я. Госин, С.К. Виленская, В.А. Глинский, В.Г. Зайцев, А.С. Косов (великолепные профессионалы), С.Н. Ласунов, Н.И. Косиченко, Л.В. Алексеева (талантливые программисты).

Новым, молодым сотрудникам, пришедшим на смену специалистам, покинувшим стены ИНИОН, но проторившим путь к созданию более совершенной ИАИС ИНИОН, предстоит развить систему на современном уровне. Желаю им успеха в этом предприятии и желаю, чтобы когда-нибудь заметили и оценили их работу как очередное достижение ИНИОН РАН.

Л.В. Скворцов **ИНИОН: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ** **НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА**

Мои самые ранние воспоминания о работе в ИНИОН во многом связаны с драматическим периодом его жизни. Это был конец 1988 и начало 1989 г., когда коллектив Института, как и вся Академия, отражая массовые настроения, находился в состоянии эйфории, с одной стороны, и тревожных ожиданий крутых перемен с непредсказуемыми последствиями – с другой. Я пришел на работу в ИНИОН из аппарата Президиума Верховного Совета СССР, где практические последствия начавшейся перестройки, психологически необходимой, но вместе с тем не имевшей под собой основы достаточно теоретически проработанной и определенной с точки зрения ее стратегических целей, стали проявляться в далеко неоднозначных, экономических, социальных, кадровых, культурных и иных последствиях. Так, мне пришлось быть непосредственным свидетелем известных событий в Сумгаите, оказавших драматическое влияние на армянскую часть населения города, ставшую жертвой наглой активизации уголовных элементов, изменивших всю атмосферу межнациональных отношений. Перестройка, провозгласившая создание общества с «человеческим лицом», оказалась во власти иллюзорных абстракций. Реальные человеческие лица не были тождественными: как оказалось, они образовывали ряд – от «святого» и законопослушного гражданина до уголовного элемента, коррупционера и бандита. Такое «человеческое лицо», получая в свои руки рычаги власти, таило в себе потенциал общественного хаоса и цивилизационного самораспада.

Конечно, ИНИОН, как и Академия наук в целом, – это интеллектуальная элита нашего общества, обладающая высоким

⁸¹ 90 лет служения науке: К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. / РАН ИНИОН; Ред. кол.: Ю.С. Пивоваров и др.; Сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – М., 2009. – 296 с.

уровнем образования. Но, как оказалось, феномен массового поведения определяется не только уровнем образования. Здесь начинает действовать так называемый *дух времени*, как говорят немецкие философы, *Zeitgeist*. Дух времени меняет знаки отношения к действительности: то, что воспринималось как положительное, теперь воспринимается как отрицательное и наоборот.

Феномен *Zeitgeist* находился вне нашей науки, поскольку рассматривался как «отрыжка» антинаучного идеализма. Но это не мешало ему действовать в полную силу.

Естественно, что своеобразным «концентратом» отрицательного теперь полагалось руководство. Оно было тем носителем «застоя» и всех «грехов», от которых можно было избавиться лишь общим «революционным» путем. Как говорил поэт В. Сидоров, «революция не кончается, революция продолжается».

В этой ситуации принципиальное значение приобретал вопрос: как следует трактовать сущность «перестройки» применительно к перспективе ИНИОН?

Академик В.А. Виноградов, директор ИНИОН, оказавшийся под обстрелом наиболее активных знаменосцев бескомпромиссной перестройки, поручил мне сделать доклад на собрании коллектива о задачах ИНИОН в условиях перестройки. Решение этой задачи чем-то напоминало прохождение команды Одиссея между Сциллой и Харибдой. Последствия этого прохождения зависели от доминирующего настроения коллектива.

Могу сказать, что зрелость коллектива ИНИОН наглядно проявилась в заботе о судьбе ИНИОН как академического, информационно-аналитического центра, в понимании его новой ответственной роли при глубокой ломке сложившихся условий развития общественных наук и гуманитарного знания.

Коллектив серьезно взялся за дело, сверяя новые научные разработки с практическими шагами по обновлению содержания и форм информационной деятельности.

Были созданы новые периодические и продолжающиеся издания, такие как «Теория и практика общественно-научной информации», ежегодник «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал «Россия и современный мир», ежемесячный бюллетень «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках, дайджест «Культурология», такие периодические издания, как «Политическая наука», «Актуальные проблемы Европы», «Экономические и социальные проблемы России» и др.

ИНИОН в полной мере использовал потенциал свободных информационно-аналитических исследований, что позволило ему выйти по ряду направлений на качественно новый уровень научно-информационной деятельности. ИНИОН – это не только библиотека, хотя одна из лучших и крупнейших в области общественных наук. ИНИОН – это научный институт, т.е. учреждение, осуществляющее научные исследования.

И в этом отношении 90-е годы и начало XXI в. для ИНИОН в полной мере совпали с реализацией классической формулы: не тотальная деструкция всего ранее созданного во имя утверждения утопического будущего, а сохранение выработанных опытом и научным знанием лучших традиций через их постоянное обновление.

Можно много говорить о практических результатах применения этой формулы в разных областях деятельности ИНИОН. Мне хотелось бы остановиться лишь на *культурологии*.

Как известно, начало 1990-х годов ознаменовалось сменой **идеологических вех**. Деструкция научного коммунизма как обязательной дисциплины требовала «мягкого перехода» к новым формам идеологических ориентаций, и культурология казалась подходящим средством такого перехода.

Практическая функция ИНИОН в этом контексте казалась тривиальной – дать информационное подкрепление решения идеологической задачи.

В ИНИОНе, однако, сформировался **иной, не конъюнктурный взгляд** на эту проблему. Тот объем научной информации, которым мы к этому времени уже располагали, подталкивал к выводу о том, что, развертывая информационно-аналитическую работу в области культурологии, мы выходим на фундаментальные теоретические проблемы, которые имеют важное практическое значение для формирования современной цивилизации. В 1990 г. было принято решение о создании Лаборатории теории и истории культуры, которая в 1995 г. была преобразована в Отдел. При этом ИНИОН одновременно решал две задачи: во-первых, необходимо было наладить продуманную систему информации по широкому спектру проблем культурологии и тем самым дать толчок для проведения культурологических исследований в системе РАН и в системе высшего образования; во-вторых, требовалось обеспечить быстрый подъем этих исследований на уровень современной мировой культурологической мысли.

Эти большие и ответственные задачи были с пониманием восприняты сотрудниками ИНИОН.

Естественно, однако, что само по себе понимание важности задачи мало что давало без продуманной стратегии, нацеленной на конечный позитивный результат. Нужна была также настойчивая организационная деятельность, направленная на привлечение большого отряда заинтересованных сотрудников академических институтов, и прежде всего Института всеобщей истории, Института филологии, Института мировой литературы и др., к этой работе.

Первым шагом в верном направлении был перелом инерции. Речь шла о новом масштабе информационной деятельности, выходящей за традиционные рамки. Такой выход далеко не всегда воспринимался с энтузиазмом. Кое-кому казалось, что культурологи начинают заниматься «не своим делом», брать на себя слишком обременительные задачи. Руководство Института, однако, не дало остановить начавшийся процесс.

Задача с самого начала была действительно сложной. Необходимо было соединить оперативную информацию в области культурологии, остро необходимую для системы высшего образования (для чего был создан дайджест «Культурология»), с полнотекстовой информацией, публикацией с научным комментированием трудов выдающихся теоретиков, признанных классиками культурологической мысли. Имена этих классиков были достаточно хорошо известны в среде гуманитариев. Однако их работы были зачастую недоступны, особенно для тех, кто не владел иностранными языками.

Для решения этой задачи в 1992 г. создается серия «Лики культуры», которая и определила начальный этап программы деятельности, предложенной Министерству культуры Российской Федерации. Академик В.А. Виноградов предложил эту программу министру культуры Евгению Юрьевичу Сидорову, который в принципе ее одобрил. Детали были обсуждены с заместителем министра Вадимом Петровичем Деминым, который принял с этой целью меня и ведущего научного сотрудника С.Я. Левит. Ученым советом ИНИОН была разработана и утверждена перспективная научно-информационная программа этой серии.

Достоинство одобренной программы состояло в том, что она содержала в себе наряду с четкой стратегией широкий диапазон возможностей развития, конкретизации и совершенствования по мере реализации первоначального этапа.

Этот подход полностью себя оправдал. Первоначальное представление о задачах программы и «списке» классиков культурологии «первого ряда» шаг за шагом подвергалось определенной коррекции. Те культурологи, которые составляли «второй ряд», в

конечном итоге стали выходить на авансцену концептуального анализа методологических проблем и информационно-аналитической работы. «Первый ряд» теоретиков составил первую серию «Лики культуры», которая вышла в издательстве «Юрист».

При всей важности этой серии, значительно расширившей представления о проблематике культурологии и ее содержании, обнаружились и информационные «лакуны».

В серии не хватало:

а) исторического измерения: в ней в основном сосредоточились теоретики конца XIX – первой половины XX в. Между тем вторая половина XX в. встретила с вызовом постмодернизма;

б) не было отражения тех «прорывов», которые были осуществлены в области этнографических, антропологических, лингвистических исследований и были крайне важны для формирования современного состояния культурологии как науки;

в) слабо была представлена отечественная традиция, без которой было трудно дать оценку духовных вызовов набирающего силу нигилизма;

г) материалы серии не были адаптированы применительно к студенческой аудитории, к менталитету не только профессионалов, но и широкого круга интересующихся культурологической проблематикой. Для преодоления этих информационных «лакун» создавались серии, которые как бы естественно рождались из серии «Лики культуры». Это – «Книга света», «Российские пропилеи», «Культурология. XX век», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Письмена времени».

В общей сложности в этих сериях было выпущено около 200 томов изданий произведений отечественных и зарубежных классиков культурологии.

Были выпущены справочные издания по культурологии – справочники и антологии. Увидели свет такие издания, как «Литературная энциклопедия русского зарубежья» в четырех томах (главный редактор А.Н. Николюкин)⁸², энциклопедия «Западное литературове-

⁸² Литературная энциклопедия русского зарубежья, (1918–1940): В 4 т. / РАН. ИНИОН; Гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997–2006. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – 512 с.; Т. 2: Периодика и литературные центры. – 640 с.; Т. 3: Книжки. – 712 с.; Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. – 514 с.

дение XX века» (главный научный редактор Е.А. Цурганова)⁸³, «Лексикон неклассики» (под общей редакцией В.В. Бычкова)⁸⁴, «Словарь средневековой культуры» (под общей редакцией А.Я. Гуревича)⁸⁵ и др. Выдающимся событием в этой области стало издание энциклопедии «Культурология. XX век»⁸⁶. В 2007 г. вышло новое двухтомное издание «Культурология. Энциклопедия» (главный редактор и автор проекта С.Я. Левит)⁸⁷. Объем издания – более 400 уч.-изд. листов. Энциклопедия подводила итоги работы отечественной культурологии и создавала предпосылки для глубоких теоретических обобщений в этой области гуманитарного знания. Была подготовлена и выпущена в свет «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (главный редактор А.Н. Николюкин)⁸⁸, а также энциклопедический путеводитель «Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения» (под общей редакцией А.Е. Махова и Е.А. Цургановой)⁸⁹.

Ключевым событием 2007 г. стало обсуждение в Президиуме РАН результатов культурологических исследований в ИНИОН. С докладом выступил директор ИНИОН академик Ю.С. Пивоваров⁹⁰, который обосновал важность осуществления культурологических

исследований и раскрыл основные направления информационно-аналитической работы ИНИОН РАН в этой области.

В обсуждении доклада приняли участие академики А.О. Чубарьян, Г.М. Бонагрд-Левин, С.Л. Тихвинский, А.Д. Некипелов, Е.П. Челышев, А.П. Деревянко. Подводя итоги дискуссии президент РАН академик Ю.С. Осипов отметил, что в ИНИОН проделана информационно-аналитическая работа, которая имеет не только общеакадемическое, но и общероссийское значение. Он подчеркнул необходимость в дальнейшем поддерживать это направление.

Мы отдавали себе отчет в том, что проведенная работа – это основа для теоретической разработки ключевых проблем культурологии как науки. Дело в том, что многие сложившиеся в культурологии категории носили проблематичный характер.

Как известно, принятым представлением о сущности культуры стало ее концептуальное «расщепление» на противоположности: «материальную культуру» и «культуру духовную». Возникал вопрос: так что же такое культура как таковая? И существует ли она вообще? Возникли также трудности в истолковании общности и различий в понимании культуры и цивилизации.

Получило распространение известное представление, согласно которому культура характеризует внутренний духовный мир человека, его сложную диалектику, тогда как цивилизация – это внешняя, материализованная, опредмеченная форма жизни общества. И в этом смысле цивилизация может рассматриваться с точки зрения законов материальной природы, которые определяют стадии жизни – рождения, расцвета и распада. В этом контексте возникают серьезные проблемы в интерпретации исторического смысла цивилизации. С одной стороны, историческая эволюция цивилизации – это видимая очевидность. Соответственно выделяют первобытное общество, античную цивилизацию, средневековую цивилизацию, цивилизацию эпохи Возрождения и Нового времени, наконец, современную цивилизацию. С другой стороны, существуют устойчивые представления, согласно которым сущность цивилизации заключается в ее константах, которые сохраняются в динамике исторического времени. Стержень цивилизации – это *philosophia perennis*, которая отчетливо проявляет себя в христианской цивилизации, как, впрочем, и в мусульманской, и в буддийской.

Нельзя не видеть, что за философскими дискуссиями о сущности цивилизации стояли и острые проблемы внутренней и глобальной политики. Понятия «культура» и «цивилизация» стали не только постоянными операционными понятиями общественных

⁸³ Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / РАН. ИНИОН; Гл. науч. ред. Е.А. Цурганова. – М.: Intrada, 2004. – 560 с.

⁸⁴ Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В.В. Бычкова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 607 с.

⁸⁵ Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 624 с.

⁸⁶ Культурология. XX век: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред., сост. и автор проекта С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 1: А-Л. – 447 с.; Т. 2: М-Я. – 447 с.

⁸⁷ Культурология: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – Т. 1: А-М. – 1392 с.; Т. 2: Н-Я. – 1184 с.

⁸⁸ Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН. ИНИОН; Гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 133 уч.-изд. л.

⁸⁹ Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель / РАН. ИНИОН; Под общ. ред. А.Е. Махова и Е.А. Цургановой. – М.: Изд. Кулагиной – Intrada, 2010. – 512 с.

⁹⁰ См.: Пивоваров Ю.С. О результатах информационно-аналитических и теоретических исследований проблем культурологии в ИНИОН РАН: (Тезисы выступления на заседании Президиума РАН 10 апреля 2007 года) [Электронный ресурс] // ИНИОН РАН. Новости. – 10.04.2007. – Режим доступа: <http://www.inion.ru/news/podrob.php?31.txt>

наук, но и обрели очевидные как бытовые, так и политические смыслы. Между тем теория не давала ясных ответов на многие возникающие в этом контексте вопросы.

Так, Э.Б. Тэйлор, отождествляя культуру и цивилизацию, говорил о нецивилизованных расах – это готтентоты или папуасы, а также об «опасных» в культурном отношении классах общества. Получило также распространение деление народов на *Naturvölker* и *Kulturvölker*. При этом цивилизация рассматривалась как субкатегория культуры. Парадигмой цивилизации в обыденном сознании оказывалась страна, имеющая города, государство и письменность, определенную упорядоченность общественной жизни.

Коль скоро прогресс рассматривался как процесс распространения цивилизации, то территориальная экспансия становилась фактором прогресса. Уже Наполеон осуществляет свою операцию в Египте, родине древнейшей цивилизации, под флагом «распространения цивилизации». «Распространение» цивилизации понимается не только как достаточное основание для экспансии, но и как мотив таких форм бытового поведения за пределами собственной страны, которые в ней считаются неприемлемыми и даже преступными.

Все это обусловило распространение негативного отношения к экспансии цивилизации, проявлением которого стало известное определение Марком Твенем цивилизации как «сифилизации».

В этом контексте рождение волны постмодернизма не кажется абсурдным. Некоторые теоретики видят в его концепциях основание предложения выбросить за борт понятие «цивилизация», как утратившее позитивный смысл. Брюс Мэзлиш, например, в своей работе «Цивилизация и ее основной смысл» утверждает, что цивилизация – это одна из тех великих фигур Стоунхенджа, которая наложила свою печать на наш ментальный ландшафт. И как близкая ей фигура – культура, это одна из основных концепций, изобретенная и сконструированная в XVIII в. и последовательно детализированная в ходе развития общественных наук. В новом тысячелетии она превратилась в фетиш. «В Новом времени пространство, в которое мы вошли, – утверждает Брюс Мэзлиш, – должно быть не только подвергнуто деконструкции, но вообще отброшено»⁹¹.

⁹¹ Цит. по: Johan Goudsblom on Bruce Mazlish. *Civilization and its contents // History and theory. Studies in philosophy of history.* – 2006. – Vol. 45, № 2, May. – P. 60–161.

Чтобы дать адекватную оценку таких взглядов, необходимо решение ключевых теоретических проблем гуманитарного знания. А для этого необходимо представить итоговую картину, панораму культурологических идей, концепций, основных понятий в их сопоставлении, как, впрочем, и основных фигур, персоналий культурологического знания.

Но это лишь одна сторона вопроса. Другая, не менее важная, сторона заключается в том, что решение такого рода методологических проблем требует теоретического синтеза дисциплин, профессионально разделенных в ходе прогресса гуманитарного знания. Цивилизационные проблемы – это проблемы социального организма как целого, и их анализ и решение требуют специфического мышления, которое можно охарактеризовать как синтетическое. Синтетический тип мышления характеризует творчество выдающихся гуманистов как Запада, так и России. Характерно, что в связи со 100-летием Д.С. Лихачёва отмечалось, что в его исследованиях сочетались литературоведческий, искусствоведческий, исторический и философский подходы. В этом контексте и следует оценивать создание в ИНИОН Центра гуманитарных научно-информационных исследований, что позволило обеспечить систематическое взаимодействие четырех отделов – культурологии, философии, литературоведения и языкознания. Вместе с тем это позволило обеспечить взаимодействие ведущих специалистов и талантливых организаторов научных исследований. Сложилась устойчивая группа лидеров, которые обеспечили и необходимый масштаб и высокое профессиональное качество информационно-аналитической и исследовательской работы. Это – А.Н. Николюкин, С.Я. Левит, Е.А. Цурганова, С.А. Ромашко, Г.В. Хлебников, И.Л. Галинская, А.Г. Бельский и др. Тем самым были созданы условия для перехода к новым формам информационно-аналитической деятельности, основанной на более глубоком понимании сущности культуры. Культура в нашем понимании есть реальный механизм или совокупность механизмов, формирующих, сохраняющих и совершенствующих цивилизацию как единство субъекта и артефактов жизни, отношений, обеспечивающих гармонию жизни человека с другим человеком, гармонию человека и природы.

Что касается теоретических парадоксов культурологии, то они имеют идентичный характер альтернатив.

Так, в соответствии с формальной логикой, нужно делать однозначный выбор:

– признать культуру духовным либо материальным явлением;

– признать, что цивилизация – это **процесс**, в котором все постоянно изменяется, так что, перефразируя Гераклита, нельзя дважды войти в одну и ту же цивилизационную реку либо принять тезис, согласно которому цивилизация содержит в себе такие **константы**, лишившись которых, она теряет и свое качество, исчезает сама;

– признать, что в мире существуют цивилизации, которые следуют **универсальным принципам**, реализованным в их образе жизни, который должны принять все народы, либо принять ту истину, что человечество состоит из несводимых друг к другу цивилизационных **образцов**, несущих в себе уникальную ценность, утрата которой является невозполнимой потерей для всего человечества.

Эти альтернативы не могут найти своего последовательного логического разрешения без прояснения сущности цивилизационной субстанции как реальности, которая и образует особенность предмета культурологии как науки.

В действительности предмет культурологии не совпадает ни с «чистой» объективностью, ни с «чистой» субъективностью, взятыми по отдельности. Он находится «между ними», соединяясь, но не отождествляясь. Это – специфический «третий мир», мир смыслов. Эта идея была сформулирована в докладе на совещании в ИНИОН 10 февраля 2000 г., в котором приняли участие ведущие теоретики-культурологи. Дальнейшие информационно-аналитические исследования показали, что эта идея находит свое подтверждение в этнографических исследованиях американских ученых. Так, Клиффорд Гирц, изучая внутренний мир и культуру яванцев, обнаружил, что они заимствовали из Индии ключевое цивилизационное понятие «раса», придав ему собственное толкование. Это понятие имеет два основных значения: «чувство» и «смысл». Чувство фиксирует свойства реальности, смысл дает оценку этим свойствам. Таким образом, «раса» – это специфическое цивилизационное представление, в котором сливаются воедино объективность и субъективность. Рассматривая культуру в качестве сложного семиотического текста, К. Гирц находит в каждом конкретном случае механизмы, позволяющие распутать паутину смыслов⁹².

Какой смысл такого «распутывания»? Смысл слияния – нахождение **соответствия**, играющего фундаментальную роль в рождении и сохранении цивилизации.

Сохранение цивилизации определяет общий позитивный смысл субъект-объектного бытия людей. Разрушение цивилизации означает деструкцию этого общего смысла. Специфическая логика духовной культуры общества формирует полярные категории гуманитарного знания, находящие свое оформление в философской традиции, – это Абсолют и Ничто. Позитивистская философия трактовала эти категории как беспредметный продукт метафизики, воображения, не имеющий реального смысла.

Между тем в контексте цивилизационного смысла эти категории имеют свое очевидное реальное основание. Эта реальность исторически, в силу своей специфики, получает метафорическое и символическое выражение. Это позволяет с новых позиций оценивать метафоры, фиксирующие реальность цивилизационной гармонии. Но вместе с тем это диктует необходимость выявлять рациональный смысл мифологических представлений и ключевых понятий религиозного сознания, таких, например, как Троица.

Исторически содержание гармоничных отношений человека с человеком и человека с природой может меняться, но сама цивилизационная форма удерживается как священный символ, сохраняющийся из поколения в поколение. Отсюда вытекало и понимание смысла категорий гуманитарного знания, которые в позитивистской философии считались проявлением бессодержательной метафизики. Становились понятными и причины такого отношения. Позитивизм опирался на грандиозные успехи естествознания XIX и XX вв. А в естественно-научном знании содержание категорий гуманитарного знания действительно не имело реального смысла.

Так, например, для естествоиспытателя «ничто» не может быть предметом исследования, поскольку означает беспредметность, которая не может стать причиной события. С другой стороны, Абсолют в структуре естественно-научного знания – это спекуляция, за которой нет эмпирически определенного явления. Все явления физического мира так или иначе относительны.

В гуманитарном же знании Абсолют как высший смысл цивилизационного бытия и Ничто как деструкция этого смысла – это категории, которые могут и не иметь видимого чувственного эквивалента, однако существовать в виртуальной реальности. Каким образом возможно видение этой реальности? В восточной философии считалось, что эту реальность можно видеть «третьим глазом», позволяющим человеку видеть мир через самого себя, через глубину внутреннего бытия. Однако, видимо, правомерно говорить о гнозисе как знании условий гармонии реальности, которая

⁹² См.: Гирц К. Интерпретация культур. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

не имеет чувственной видимости. Это – открытие мудрости как видения правильного пути и тех угроз для цивилизации, которые стоят на этом пути.

Выявляя специфику цивилизационной гносеологии и гнозиса как формы непосредственного знания цивилизационной сущности мы вместе с тем получаем ключ к расшифровке истока противоречий в понимании культуры как материальной, с одной стороны, и духовной – с другой, как процесса, с одной стороны, и как константы – с другой, и как универсального явления, и как уникального образца.

Идея субъект-объектного соответствия получает свое подтверждение и при конкретном анализе таких развитых цивилизаций, как, например, японская. Она интересна тем, что в ней наиболее рельефно проявляется идея соответствия как системы цивилизационных обязанностей и долгов человека: убедительный анализ этой системы был дан Бенедикт Рут в ее ставшей классической работе «Хризантема и меч»⁹³.

Культурологическая методология оказывается важной при исследовании и интерпретации современного информационного общества. Без такой интерпретации невозможно выявить те скрытые угрозы, которые несет с собой очевидный информационный прогресс.

Как показывает опыт, стихийные процессы в этой сфере могут порождать такие негативные последствия, с которыми все труднее справляться. Это прежде всего затрагивает вопросы интеллектуального, творческого потенциала общества, нравственные проблемы, проблемы заключения человека в виртуальной реальности, утраты способности адекватной коммуникации с реальным миром.

Речь должна идти о вполне осмысленном формировании информационной культуры, позволяющей сочетать информационный прогресс с совершенствованием духовной жизни общества. А для этого необходимо расшифровать само понятие информационной культуры.

В этом отношении полезной является концепция символов, выдвинутая Лесли Уайтом. Символат – это созданная человеком культурная реальность, продукт его субъективной практической активности, которая, однако, превращается в объективность и

становится детерминирующим фактором определенных типов массового поведения. Характер массового поведения в информационном обществе во многом определяется внутренним содержанием его символов.

Выявляются три символа информационной культуры. Это – информационная инфраструктура, видеоряд и метаобразование. Осмысленное влияние на характер цивилизационной эволюции современного общества уже невозможно без целенаправленного влияния на формирование основных символов информационной культуры. Формирование информационного общества – это не только техническая проблема, проблема программного обеспечения компьютеров и массового подключения к Интернету, но и огромная культурологическая проблема.

И здесь возникают непростые методологические вопросы. Для систематического их освещения в дайджесте «Культурология» был создан раздел «Методология гуманитарного знания». Методологические проблемы стали систематически освещаться на страницах ежегодника «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», бюллетеня «Россия и мусульманский мир», в продолжающемся издании «ЭОН. Альманах старой и новой культуры». Одна из наиболее сложных проблем в этом контексте – понимание содержания и сохранения духовности как удержание высших смыслов бытия в условиях многообразного и крайне противоречивого океана информации, которая обрушивается на сознание современного человека. И вполне естественно, что рассмотрение этих проблем оказалось неразрывно связанным с интерпретацией теории истины в цивилизационном контексте. С этой точки зрения был предпринят анализ сложившихся в современных философских течениях радикальных теорий истины. К ним относятся концепции:

– аналитической философии, последовательно проводившей представление об истине как отражении эмпирически данного факта;

– континентальной философии, которая исходит из доктрины, согласно которой действительная истина совпадает с истиной того высшего принципа жизни, который выявляется лишь в контексте развитого цивилизационного целого;

– и наконец, философии информации, которая рассматривает реальное значение истинного знания в практическом контексте, в котором знание может быть представлено от 0 (нет знания) до 1 (знание). Истина исчерпывается получением определенного ре-

⁹³ См.: Рут Б. Хризантема и меч. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 256 с.

зультата, если к нему двигаться определенным программой компьютера путем.

Рождается тип мышления свободный от философской метафизики и идеологии, сориентированный на решение конкретных задач здесь и сейчас.

Противоречия, вытекающие из радикальных теорий истины, находят свое разрешение в феномене «осцилляции истины» и понятии «поля истины». Понятие «поле истины» в цивилизационном контексте означает возврат к исторической реальности прошлого и будущего, равновесие, сочетание, казалось бы, взаимоисключающих истин: истины факта, истины принципа и истины успеха творчества.

Таким образом, реализация истины зависит от объективности истории и субъекта, от его совокупных качеств, которые позволяют в его деятельности достигать равновесия этих трех истин. Это, конечно, некий идеальный тип, но это и критерий оценки героев истории, в том числе и тех, которые представляются воплощенным противоречием. Теория позволяет видеть реальность свободы исторической личности, которая открывает для себя свое понимание сочетания ипостасей истины. Это дело выбора, и такой выбор в конечном счете выносится на суд истории.

С этой проблемой нам пришлось столкнуться при оценке жизни и творчества выдающегося русского мыслителя В.В. Розанова. Розанов в известном смысле – это идеальный пример кажущихся противоречий в позициях при решении им реальных цивилизационных проблем. Выход в свет в 2008 г. «Розановской энциклопедии» (гл. редактор А.Н. Николюкин)⁹⁴ стало важной вехой на пути освещения не только сущности розановского наследия, но и ключевых проблем гуманитарного знания.

В 2009 г. были опубликованы «Материалы Международной научной конференции «Наследие В.В. Розанова и современность»⁹⁵. В них подведены итоги исследования литературного и философского творчества выдающегося русского мыслителя.

В 2010 г. были опубликованы два тома собрания сочинений В.В. Розанова – «Литературные изгнанники – П.А. Флоренский,

С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова»⁹⁶ и «Листва. Уединенное. Опавшие листья»⁹⁷, которые завершали работу по выпуску 30-томного собрания сочинений писателя. Таким образом, теоретическая и информационная работа Центра нацелена на понимание сущности цельного знания как подлинной цивилизационной истины. Это позволяет восстановить всю историческую правду и о дореволюционном периоде русской истории, и о ее послереволюционном периоде. А это – ключевое условие восстановления самоуважения нации, а значит, и обретения исторической перспективы.

⁹⁴ Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 1216 с.

⁹⁵ Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции, Москва, 29–31 мая 2006 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 639 с.

⁹⁶ Розанов В.В. Литературные изгнанники. П.А. Флоренский. С.А. Рачинский. Ю.Н. Говоруха-Отрок. В.А. Мордвинова. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 956 с.

⁹⁷ Розанов В.В. Листва. Уединенное. Опавшие листья. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 551 с.

Ю.С. Пивоваров
РАБОТА В ИНИОН
СДЕЛАЛА МЕНЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ⁹⁸

– Юрий Сергеевич, были ли Вы знакомы с ИНИОН до начала работы в нем, слышали ли о существовании ФБОН, Библиотеки Коммунистической Академии, знали ли историю этих учреждений?

– Да, я слышал еще про ФБОН, поскольку это была известная московская библиотека, и находилась она в центре. Я тоже учился в центре, в МГИМО, откуда до библиотеки можно было пройти пешком. И нас, студентов-старшекурсников, туда записывали заниматься в вечернее время. Но я этим не воспользовался, поскольку у меня была возможность работать над дипломом в спецхране Института философии – известного «желтого дома» на Волхонке. Спецхран находился на самом высоком этаже с отличным видом на Москву. И там была масса сборников ФБОН, которые я читал зимой последнего, пятого курса МГИМО.

– Какой это был год?

– 1972-й. И пару-тройку раз я был в самом ФБОН, в Малом Знаменском переулке, который раньше назывался улицей Маркса–Энгельса. На меня произвело впечатление само здание. Тогда я совершенно не знал, что ФБОН – это такой культурный центр, место, где бывали Солженицын и Бродский. Называю только будущих лауреатов Нобелевской премии, еще там была масса других людей. Что касается Коммунистической Академии, то я был абсолютно от этого далек. Что, кстати говоря, вполне нормально, по-

скольку, думаю, лишь единицы за пределами ФБОН-ИНИОН что-то об этом знали или имели к этому интерес. Должен сказать, что лишь с появлением людей вашего поколения началась какая-то осознанная работа с целью понять историю этого учреждения. Раньше делались отдельные попытки. Я знаю довольно интересные, хотя, на мой взгляд, не всегда объективные воспоминания (но бывают ли такие воспоминания объективными?) в «Тыняновском сборнике», которые печатает Мариэтта Чудакова, – старых сотрудников и сотрудниц ФБОН.

Общаясь с людьми, которые старше меня на поколение, я узнаю о том, что и в Ленинграде жили люди – конечно, интеллигенция, кандидаты наук, – которые активно пользовались сборниками ФБОН, наезжали в Москву заниматься. Еще в 60-е годы в ФБОН сформировалось ядро интересных ученых. Как известно, сборники 60-х годов действительно были прекрасными, интересными, новаторскими. Я читал их примерно так же, как материалы самиздата или тамиздата.

– Это были реферативные сборники или аналитические?

– Это были реферативные сборники, в том числе и по политической науке, которой я стал заниматься потом. Но тогда меня больше интересовали вопросы философии и истории.

– Что и когда привело Вас в ИНИОН? Вы стремились сюда или так сложились обстоятельства?

– Я абсолютно сюда не стремился. После окончания МГИМО меня распределили служить в город Потсдам. Но я сумел счастливо избежать этого и поступил в аспирантуру. Причем сначала хотел поступать в аспирантуру Института мирового рабочего движения (ИМРД) – тогда модного учреждения, а сейчас уже закрытого. Но так сложилась судьба, что я поступил в аспирантуру ИМЭМО. С 72-го по 75-й учился в очной аспирантуре.

Я был в замечательном Отделе, где работали Г.Г. Дилигенский, К.Г. Холодковский, С.П. Перегудов. Среди аспирантов там был Игорь Бунин, известный сейчас политолог, с которым мы подружились. И вообще аспирантура была замечательной, потому что Дилигенский был замечательным ученым. Он дружил с А.Я. Гуревичем, и тот читал нам лекции по Средневековью. Ведь Дилигенский сам был когда-то античник и лишь потом стал заниматься социальной психологией. Приезжали Ален Турен, друг Дилигенского, или, скажем, Збигнев Бжезинский, и мы могли ходить на эти лекции, слушать и слышать полемику. ИМЭМО тогда действительно был такой советской «RAND Corporation». Я, правда, в

⁹⁸ Интервью проведено в ИНИОН РАН Ю.Ю. Черным, Н.Ю. Соколовой и Д.В. Ефременко 14 апреля 2010 г.

те годы этого не понимал. Вообще, там можно было видеть людей, которые были мировыми величинами. И сам ИМЭМО, повторяю, был на мировом уровне.

Мой же личный план был таков: закончить аспирантуру, написать в последнее лето диссертацию по Германии (что и случилось), быстро защитить ее и потом уехать в Елабугу. И там несколько лет поработать преподавателем в местном педвузе и написать гениальный роман. Потому что я себя считал в будущем великим писателем, наукой заниматься не хотел, а служить тем более. Наука была для меня «операцией прикрытия».

– *Это место, связанное с Цветаевой. Трагическим образом.*

– Но я на это тогда не ориентировался. Просто у меня был приятель, однокурсник. И в Елабуге, где его родители были какими-то начальниками, я мог пристроиться. Это был, конечно, совершенно неординарный ход для выпускника МГИМО и аспиранта ИМЭМО...

– *И москвича.*

– Да, и москвича. Но, во-первых, я бы не потерял прописку – тогда это было возможно. А, во-вторых, я отчетливо понимал и сейчас понимаю, что писать можно только в уединении. Даже научные тексты. Но Бог не дал мне литературного таланта, поэтому все мои попытки... Впрочем, я написал один роман. Он называется «Лыгин». Но никогда его не публиковал и, разумеется, не буду публиковать. Это история жизни. Я сам с себя это списывал. Такой идеальный герой – Владимир Сергеевич Лыгин. Не знаю, почему Лыгин. Странная такая фамилия... Думаю, каждый интеллигентный мальчик в очках писал что-нибудь такое, особенно в окололитературной атмосфере. Потому что у меня было много друзей, которые занимались литературой, работали в журналах. Целый ряд из них потом уехал. Я общался с людьми из «Вопросов литературы», с теми, кто был известен уже тогда и кто получил известность позже.

Но по окончании аспирантуры, в 1975 году, я уже был готов остаться в ИМЭМО. Однако меня не взяли, поскольку к Е.М. Примакову, зам. директора ИМЭМО, курировавшему аспирантуру, пришли люди из КГБ и сказали, что Пивоваров – человек недостойный того, чтобы работать в советском учреждении.

Дело в том, что я тогда не просто общался с диссидентами, но и неоднократно арестовывался. В первый раз был арестован 13 февраля 1972 г. на Ярославском вокзале с чемоданом самиздата. Меня вызывали на Лубянку, и я очень боялся этого. Думал, что

меня выгонят из института. Но странным образом не только не выгнали, но и даже предложили потом военно-дипломатическую работу. И это при том, что никто за меня заступиться не мог. Странно... Это парадоксы советской системы. Думаю, одна часть системы не знала, что происходит в другой. И в 75-м году меня тоже довольно жестко прессовали. Помню совершенно забавную штуку. 25 апреля 1975 г. я ждал друзей на свой день рождения. Мне позвонил человек и сказал, что он из КГБ, его фамилия Сахаров. Я рассмеялся и сказал: «Старик, что за ерунда? Какой Сахаров? Приходи, поговорим». – «Нет-нет, это Вы завтра придите». Я пришел в районное управление КГБ. Меня встретил милый интеллигентный молодой человек и сказал: «Пожалуйста, садитесь». Я сел на стул, и стул подо мной рухнул. Я в ужасе упал, на что капитан Сахаров рассмеялся и сказал: «Извините, это не специально». Все это было очень карикатурно. Меня в конечном счете просто не взяли на работу в ИМЭМО. Я написал заявление на имя академика Н.Н. Иноземцева, чтобы он меня принял, но получил ответ, что этого не произойдет. И тогда я стал искать работу.

Несколько месяцев я был безработным. И тогда руководитель аспирантуры ИМЭМО Абрам Евсеевич Гордон сказал мне: «Иди в ИНИОН. Там таких, как ты, берут». Но как туда попасть? И тогда мой преподаватель философии по МГИМО, Рудольф Федорович Додельцев, работавший когда-то в ИНИОН, сказал, что позвонит своему приятелю Льву Николаевичу Верченону, и тот устроит мне протекцию. Я позвонил Верченону, и он через некоторое время сообщил, что я могу прийти на собеседование в Отдел философии.

Впервые я переступил порог ИНИОН 1 марта 1976 года. Я пришел к А.И. Ракитову, который сидел в том кабинете, который до недавнего времени занимал А.И. Панченко. Увидел почти всех тех людей, которых можно увидеть и сейчас. Ракитов спросил меня: Моцарт я или Сальери. Я ответил: «Наверное, Сальери». Он сказал, что это хорошо, потому что у него все Моцарты, а ему нужны Сальери. И меня сразу же передали Искре Степановне и познакомили с ее мужем, Арсением Владимировичем Гулыгой. Я тогда не осознавал, что познакомился с крупным философом, который, разумеется, работал в Институте философии. Я стал писать рефераты...

– *То есть, Вы устроились в Отдел философии?*

– Нет, я был в Отделе философии внештатным референтом. Мне давали толстые книжки на немецком языке, монографии по

400–500 страниц, например, «Ирония у Ницше» или «Фихте и его концепция закрытого торгового государства». И я должен был их реферировать. Я очень благодарен Арсению Владимировичу за это, поскольку это была школа. Это побудило меня читать. Но места в Отделе философии не было. Потом через Додельцева мне стали искать место оформителя книжных выставок, но и оно оказалось занятым. Но уже весной я понял, что буду работать в ИНИОН. Потому что мой шеф в МГИМО, профессор Николай Никанорович Разумович, уходил из МГИМО с поста зав. кафедрой сюда зав. Отделом и сказал, что возьмет меня к себе.

С 12 июля 1976 г. я стал работать в Отделе государства и права у Разумовича на улице Димитрова. Отдел находился на шестом этаже, затем переехал на второй. Сначала у меня не было не то что стола, но даже стула. Я приходил и сидел в коридоре. Но ничего, как-то это все спокойно прошло.

Многие годы я отвечал за первый раздел в зарубежном РЖ – «Теория и история государства и права, теория политических учений, политическая наука». Занимался этим долгие годы и на каком-то этапе даже стал фактически редактором этого реферативного журнала, потому что Разумович любил жизнь во всех ее проявлениях. А по молодости все это шло хорошо, и я очень благодарен, что научился что-то делать.

– В какой должности Вы были тогда?

– Младший научный сотрудник. Но очень скоро, еще не защитившись, я стал старшим. А надо сказать, что тогда было только две должности – младший и старший. Поэтому стать старшим – значило уже сделать карьеру. Я пришел в возрасте 26 лет младшим, и мне не было еще 28, через год и восемь месяцев, когда Разумович, увидев, что я хорошо работаю, «пробил» мне у В.А. Виноградова старшего. Это был резкий рывок вперед. Старший – это как сейчас ведущий. Тогда мое повышение вызвало в Отделе настоящий шок. Я почувствовал себя большим человеком. Разумеется, и зарплата больше, и положение.

– В выступлении на 40-летию ИНИОН и 90-летию ФБОН год назад Вы говорили о том, что в ИНИОН формировался и сформировался новый тип ученого. Согласны ли Вы с тем, что говорили тогда?

– Конечно. Но к этому нужно очень осторожно подходить. Понятно, люди, которые с утра до вечера были вынуждены читать западные книжки и писать на них рефераты или обзоры, причем по широкому, а не узкому спектру, плюс редактировать рефераты и

обзоры других людей, волей-неволей вливались в поток мировой науки. Они выходили из своеобразного советского гетто, хотели они того или нет. Вместе с тем – что, может быть, не менее важно – для того чтобы написать хороший реферат, надо войти во внутренний мир автора, понять его логику и потом ее изложить. Нужно разобраться, что, собственно говоря, важно, а что нет. Я, например, всегда старался в рефератах не столько фотографически отразить структуру работы, а скорее показать то новое, что в ней есть. Так сформировался тип ученого, который входил в психологию другого. Я особенно понимаю это сейчас, когда много преподаю. Ведь вузовский ученый – моего поколения, моложе, старше – как правило, человек другой ментальности. А люди, которые были вынуждены входить во внутреннюю лабораторию зарубежного ученого (они работали, прежде всего, в Академии наук), конечно, иные. Они открыты миру, толерантны, совершенно по-другому мыслят.

Есть, конечно, масса и негативных вещей. Некоторые люди, годами жившие в таком режиме, стали рабами информационного ремесла, не способными к собственному творчеству или некритически относящимися к любому слову, написанному на иностранном языке. Для них любая статья в каком-нибудь шестиразрядном зарубежном журнале являлась руководством к действию. Но тем не менее я могу сказать, что сотни ученых, прошедшие школу реферирования и написания обзоров в ИНИОН, работающие не только в Институте, но и во многих местах, – это исследователи весьма высокой квалификации.

Это была очень важная школа в советских условиях. ИНИОН мог дать возможность читать старые книги, в том числе дореволюционные русские, а мог дать возможность читать и современные, самые новые. Причем книги, газеты и журналы приходили сюда очень быстро. И ты мог иметь все. С моим интересом к истории я мог полностью его удовлетворять. Должен сказать, что меня всегда интересовала русская история, и многие годы я мог читать один из лучших американских журналов по русской истории – «Russian history». Я к нему просто привык, подобно тому, как еще в аспирантуре или даже раньше в МГИМО привык читать западные газеты и журналы. Все это было очень важно для формирования ученого. И, кстати, если отвечать на вопрос о том, как совмещалась работа реферативная с творческой, то, думаю, она не просто совмещалась, это были элементы одного и того же. Психологически все равно, что написать – реферат, обзор или статью.

Если, конечно, ты относишься к этому всерьез. И, кстати, в реферировании или в написании обзоров есть искушение, которое не все смогли преодолеть. Иные дописывали за авторов, приписывали им свое. Потому что они не могли это делать в какой-то другой форме, а так хотелось преодолеть цензуру. Я для себя это табуировал. Хотя всякий реферат всегда очень личностный. Причем чем ярче личность, тем труднее написать реферат. Я знал рефераты одного и того же текста разных людей – ничего общего вообще не было. Причем никто из них не врал. Но один увидел это, а другой другое. Причем и то, и другое было важно. И это – совершенно удивительная вещь!

– В России больше нигде не учат научному реферированию?

– Здесь тоже никто ничему не учил. Мы учились сами. Больше всего меня научило писать редактирование.

У меня были друзья, которые писали рефераты. Они так, главным образом, зарабатывали деньги, а я вынужден был их переписывать. Настоящий ИНИОНовец, который работал и работает в реферативных подразделениях, – это, помимо всего прочего, профессиональный редактор, что тоже отличает его от типичного научного работника. Кстати, многие люди, служившие в академических институтах, смотрели на нас именно так – как на редакторов.

– Было ли трудно выполнять план научно-информационных работ?

– Нет, но были люди, для которых выполнить план – это была трагедия, слезы, проблемы, а были те, кто его перевыполнял в разы. Мне профессор Разумович как-то сказал, чтобы я перестал заниматься безобразиями. Не в том смысле, чтобы меньше работать, а в том, чтобы я не писал о таком перевыполнении в отчетах.

Кстати, раньше в ИНИОН сдать сборник – это было примерно так же, как дембель для солдата. После сдачи сборника (это было несколько раз в году) мы отмечали это событие как праздник, потому что «пройти» Л.А. Можяеву было очень сложно. Я благодарен ей за эту школу.

– Юрий Сергеевич, какие были Отделы в здании на улице Димитрова?

– Там были Отдел государства и права, Отдел Азии и Африки, Отдел наукоедения, Отдел развитых капстран и Отдел Америки (сейчас они слились в Отдел Западной Европы и Америки), Отдел научного коммунизма. Там же находились Отдел научных публикаций и машбюро.

На Димитрова была совершенно своя жизнь. Старая Москва, тогда еще не так разрушенная, как сегодня. Переулки, где можно было погулять. И книжный магазин «Молодая гвардия» на Полянке. Это был центр города. Рядом французское посольство. Можно было видеть, как, скажем, Владимир Высоцкий въезжает туда на «Мерседесе». Или какой-то дипломатический прием, людей в странных, несоветских одеждах.

– А здесь, на Профсоюзной, была окраина?

– Не окраина, конечно, но уже такой апофеоз советского. А там – дореволюционная Москва и совершенно другая атмосфера. И там, конечно, бóльшая свобода была. Там находилась, если можно так выразиться, более диссидентская часть ИНИОН.

Кстати, там не было человека, который бы командовал всем зданием – каждый отдел жил своей жизнью. Это было несколько интеллектуальных клубов. Много приходило людей со стороны просто поговорить. Приносили самиздат...

К тому, что происходило в этом здании на Профсоюзной, я относился как к чему-то официальному, холодному. Мы приезжали сюда по четвергам, обязательно ходили в «Белый зал». И Отдел здесь тоже собирался. Поскольку не было кабинета, мы встречались там, где сейчас делают платный ксерокс. Раньше там стоял памятник Ленину. Мы даже не знали, куда поставить портфели. Про все эти системы – АИСОН, ИРИ и другие – я ничего не слышал.

– Да, интересно, а какой-то информации об этих системах не было?

– Это вообще была другая жизнь. Кто этим занимался? Какие-то люди, совершенно другие. ИНИОН тогда был гораздо менее централизован, чем сейчас. Он был намного больше – примерно в два раза. И люди были моложе и активнее. Они проводили здесь все время, поскольку можно было жить только на ИНИОНовскую зарплату. И, соответственно, для рефератчиков это все было довольно чуждо. Даже библиография была для них чужда.

– А сейчас ИНИОН больше централизован?

– Больше. Но, кстати, должен сказать насчет библиографии, что моя работа в ИНИОН началась с того, что когда я в июле 1976 г. поступил, Разумович справедливо сказал, что реферировать надо, прежде всего, журналы. Это был совершенно правильный подход. И меня посадили сразу в Сектор права Отдела библиографии. В течение нескольких месяцев я просидел не на Димитрова, а здесь. И мне это очень многое дало. Так я немного привык к этому

зданию, узнал, что еще есть библиография. В этом смысле я был некоторым исключением.

– А что представлял собой спецхран ИНИОН? Где он находился?

– Их было два. Один был спецхраном для сотрудников – в 304-й комнате. И был еще спецхран для читателей в 250-й комнате. Я работал в 304-й комнате, это было прекрасно. Однажды просидел там три месяца подряд – писал обзор по Н.Я. Данилевскому. Я прочел всю литературу о Николае Яковлевиче, которая существует в мире, и в тот момент был, думаю, самым образованным «данилевсковедом».

– Туда мог попасть любой сотрудник или надо было получить специальный доступ?

– Любой сотрудник «автоматом» имел право и на абонемент, и на спецхран. Ходили в спецхран и в «Белый зал». И что еще очень важно, чего сейчас нет, – выписывали литературу. Мы получали библиографические карточки и нужно было из них отобрать треть, четверть или одну пятую. Это было очень важно для того, чтобы выписывать более-менее приличную литературу, и вообще это вводило в круг всего. И раньше в «Белом зале» работали не только с книгами и журналами, но и с издательскими планами, которые Запад присылал, рекламой и т.д.

– Довелось ли Вам ездить в колхозы, на овощные базы?

– Что касается колхозов, то поскольку я ходил в любимчиках Разумовича, меня эта участь миновала. Но в какой-то момент я стал ездить на овощные базы в Протвино в Подмосковье. Эти поездки были по-своему хороши. Помимо работы, это еще и установление отношений, новые друзья. Поездки в Серпухов, интересный русский город (потому что едешь через Серпухов), а там своя небольшая галерея...

– Когда Вы начали подниматься по служебной лестнице, стали заведующим Отделом, членом Ученого совета?

– Я стал заведующим Отделом в 38 лет. Тогда я очень много работал и за год сделал Отдел государства и права одним из лучших по показателям. Для меня перестройка, 1988-й, 89-й, 90-й годы, когда многие мои ровесники пошли во власть, бизнес и так далее, были связаны с работой в ИНИОН. Условно говоря, я «делал» Отдел, который одновременно стал распадаться. Это естественно, поскольку начали уходить люди.

– Можно предположить, что на заседаниях Ученого совета Вас поначалу попросту «не замечали»?

– Поначалу нет, конечно. Не видели, и не знали. Но постепенно, уже в начале 1990-х годов, я стал активным членом Ученого совета. Позволял себе даже без особой на то причины резко оппонировать Владимиру Алексеевичу Виноградову, но в какой-то момент почувствовал безответственность такой позиции. Мои представления о руководстве Института были в то время фантастическими.

– Насколько они изменились сейчас? В одном из своих интервью Вы сказали, что за несколько лет директорства Вы лучше поняли природу русской власти, чем за долгие годы работы с книгами.

– Это естественно. Первая двухмесячная поездка во Франкфурт-на-Майне дала мне для понимания Германии больше, чем предшествующие 20 лет чтения немецких книжек. И деятельность немецких профсоюзов я лучше понял, когда пришел в Кёльне в их штаб-квартиру и посмотрел на этих людей. Лучше раз увидеть, чем десять раз услышать! Я просмотрел сотню разных фильмов о Париже, но, попав туда первый раз, понял, что это совсем другой город. Так всегда бывает. И, думаю, практически со всеми.

Уже больше 12 лет я сижу в директорском кабинете. И когда практически каждый день погружаюсь в реалии жизни Института – не только научной, но и хозяйственной, финансовой – конечно, все, что касается и Института, и его окружения, становится более понятным. Я могу писать, скажем, о Струве, но никогда не пойму жизни Струве. Сколько бы вы ни занимались Бердяевым, вы тоже никогда его не поймете. Это невозможно. А находясь на этом месте, да, конечно, начинаешь понимать эту жизнь гораздо лучше. Правда, пишешь меньше. Потому что, во-первых, нет времени, поскольку ты занимаешься пониманием, и, во-вторых, уже и не хочется писать.

– Знающий не говорит, говорящий не знает?

– Что-то вроде этого. То, что я за годы директорства узнал здесь о жизни – не только о власти, а вообще о русской жизни, – абсолютно убийственно. И непреодолимо. Потому что, как преодолевать, если ты сам такой же и все вокруг такое же. Это и есть мейнстрим. Как говорил Георг Еллинек, австрийский юрист и социолог, нормативность фактического – die Normativität des Faktischen.

– Как структурируется Ваше рабочее время?

– У меня, разумеется, есть обязательные планы. Но во многом работа директора именно ИНИОН – это реагирование. Здесь времени на такую деятельность – сейчас мы проведем одно засе-

дание, потом другое, решим это – значительно меньше. Но должен сказать, что опыт – великая вещь. Как, скажем, спортсмен к 30 годам, теряя скорость на хоккейной площадке, становится более мудрым в каждом моменте, так и здесь. Приходишь со стратегическими планами. Потом их теряешь, но опыт позволяет тебе решать какие-то вопросы уже без них. Инстинкт ведет тебя, как зверя. Волк ведь как-то живет в лесу без планов, и выживает. В этом тоже есть некая мудрость. Лев Николаевич Толстой на ней строил мировую историософию. Причем, когда есть хороший ресурс, как в эпоху В.А. Виноградова, все получается, а когда плохой ресурс – получается меньше.

– *Какими достижениями Вы, как директор, можете гордиться?*

– Могу гордиться тем, что ИНИОН пока не закрылся, продолжает работать и что иногда, слушая наши научные дискуссии, я говорю себе: «А ведь люди находятся на неплохом уровне!» Когда я иду по коридорам ИНИОН, то нахожу, что среди иных академических институтов ИНИОН выглядит лучше. Появились качественно новые аналитические работы. Или, например, Марк Борисович Шнайдерман и Виктор Михайлович Гусев здорово наладили издательский процесс. И так далее.

Но многое сделать не удалось. И не потому, что нет денег и объективно это невозможно – например, не дают мне построить новое здание, что было бы важно не только для размещения библиотечных фондов, но и как новый шанс для развития Института. Говорю о вещах субъективных. Очень многое не удалось сделать из-за простого русского качества – неумения доводить дела до конца. Оставлять попытки, когда дело не идет. Например, когда я стал директором, то сказал, что нужно совершенно иначе строить работу аспирантуры. Мы начали читать лекции, работать с аспирантами, но постепенно дело сошло на нет. И объяснять это тем, что не было денег, было бы неправдой. Если бы мы этим занимались дальше, то, наверное, можно было бы найти и деньги.

Мне не удалось, кстати, вырастить полнокровную следующую генерацию в ИНИОН, то есть вас. Вас очень мало и можно уместить за этим столом. Сказать, что это объективно сложно – да, и тем не менее...

– *Какова, на Ваш взгляд, роль планово-отчетной деятельности, которую Вы называете бюрократической?*

– Чрезвычайно важная. Это я понял, уже работая директором. Она скрепляет организацию. Без нее никакой работы быть не

может. Это так же, как люди по грантам пишут отчеты и недовольны требованиями. Но если этого не делать, то как понять, что собственно сделано? Так и здесь. Все эти административные и бюрократические вещи в известном смысле даже самоцель. Они создают хребет организации. И, конечно, люди, работая на реферативной и даже на библиотечной работе, этого совершенно не понимают и говорят: «Вы нас замучили».

– *Часто приходится слышать: «Неужели вам жалко пойти навстречу?»*

– Надо только иметь в виду, что люди этого действительно не понимают. Мы же не понимаем тех перегрузок, которые испытывают космонавты. Потому что их не переживали, не знаем, как они действуют на организм. Они тоже этого не знают. Еще раз повторю, что сам раньше ничего этого не знал, не понимал, смеялся и так далее. А когда задумался, понял, что без этого невозможно. Говорят, что есть какие-то сумасшедшие бюрократы, которые все доводят до безумия. Кстати, в ИНИОН я таких не вижу. Но бюрократический цензурирующий контроль, в котором присутствует и негативное, все равно необходим.

– *Прошлым летом в интервью «Известиям» Вы сказали, что «академик Пивоваров» звучит для Вас примерно так же, как «маркиз Пивоваров». Привыкли ли Вы к своему званию?*

– Теперь привык. Снимаю трубку, говорю: «Академик Пивоваров». Сначала не мог этого даже произнести. И мне было смешно. Хотя само по себе это значит уже меньше. Вот «академик Виноградов» в 80-е годы – это значило!

Я сейчас стал завкафедрой в МГУ. Когда приезжаю на факультет, вокруг меня начинают суетиться: «Академик приехал!» Там нет больше академиков, и я это воспринимаю как должное. Передаю портфель – чтоб поставили, пальто – чтоб повесили... Только не думайте, что это только пивоваровское.

– *Юрий Сергеевич, если бы Вы снова вернулись в 76-й год, конечно, с этим опытом, Вы бы...*

– Ну, конечно, сегодняшний Пивоваров вел бы себя совершенно по-другому, зная, что будет потом.

– *И все-таки, путь в науку или по дипломатической стезе, писать романы, стать литератором? Не жалеете ли Вы о том, что пошли в науку?*

– Не знаю, не знаю... Человек о чем-то жалеет, о чем-то нет. Я не стал литератором, потому что Бог не дал литературного таланта. Не стал великим ученым – Бог не дал великого научного

таланта. То, что не стал дипломатом, это нормально, потому что я сошел бы с ума от скуки и ужаса такой жизни. Но, как всякий человек, наверное, приспособился бы. Жалею только, что много времени потрачено зря. Могу сказать точнее. Я корю себя за социально неприличную позицию в советское время: то ли ты «за», то ли ты «против». Это неопределенность, которая не очень красит человека. Вместе с тем вся эпоха была такая. Когда я начинал сближаться с диссидентами, меня пугало безумие этих людей, их какая-то болезненность. То, что было страшно, понятно, не без этого. И, кстати, чувство страха владело мною, наверное, до 91-го года.

Но я своей жизнью доволен в том смысле, что все-таки какое-то время отдал чтению, обдумыванию, т.е. чему-то осознанному. Мне кажется, я что-то понял о жизни.

РАЗДЕЛ II. ПОРТРЕТЫ

Ю.И. Игрицкий
ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ ШКАРЕНКОВ

В кабинете, в котором некогда работал Леонид Константинович Шкаренков, остались его книги и пейзажи, написанные его отцом. Хорошее сочетание – наука и искусство. Леонид Константинович был высокопрофессиональным ученым и одновременно ценителем свободного творчества. Оба полушария у него сосуществовали гармонично. Пейзажи на стенах помогали ему работать. И, работая, он оставил заметный след в жизни ИНИОН.

Он создал Отдел социалистических стран, в то время один из наиболее значимых в Институте. Создал, естественно, не в смысле распоряжения о создании (структурные решения принимались выше), а в смысле подбора сотрудников, распределения их обязанностей и планирования работы. В людях он разбирался очень хорошо, и поэтому собранный им коллектив трудился на совесть и бесконфликтно. Последнее очень важно, ведь так называемые производственные конфликты иной раз способны низвести сотрудничество десятков талантливых людей на уровень бытовых разборок. Л.К. был человеком терпеливым и терпимым, умел сглаживать острые углы в противоречиях между подчиненными; один из некрологов после его кончины носил выразительное и точное название: «Он никогда никому не навредил». Он смог сплотить людей самого старшего, в основном «фронтового» поколения (Евсей Исаакович Спиваковский, Яков Абрамович Блинкин, Юрий Владимирович Цейтлин, Виталий Павлович Сергеев), среднего (Ярослав Степанович Веденяпин и автор этих строк) и молодого, представленного только-только получившими дипломы выпускниками истфака МГУ и других вузов. Сумел создать пресловутую амальгаму опыта и нерастраченной любознательно-

сти. Всем были понятны его поручения, и он понимал, на что можно подвигнуть каждого из сотрудников.

Возглавляя отдел, занимающийся проблемами передовой части человеческого сообщества, шагающей к коммунизму, было легко проникнуться менталитетом и требованиями партийного работника, штатного идеолога марксизма-ленинизма. Будучи и членом КПСС, одно время заместителем секретаря парткома ИНИОН, и правоверным марксистом-ленинцем, Леонид Константинович, однако, никогда не был ни интеллектуальным догматиком, ни карьерным функционером, для которого в работе не существовало ничего, кроме «указаний сверху». Руководя информационно-аналитической обработкой приходящей из соцстран литературы, он фокусировал внимание коллектива не на копировании этими странами опыта СССР, а, напротив, на том, что отличало их от «старшего брата» и составляло специфику их идейно-политического, экономического и социального развития на разных этапах. Так родилась совершенно нетривиальная для того времени серия изданий «Опыт друзей». О жизни социалистических стран, понятное дело, постоянно сообщали СМИ, но то была жизнь, увиденная и истолкованная советскими журналистами, публицистами, учеными. В продукции же ИНИОН это была жизнь, освещавшаяся и осмысливавшаяся представителями самих этих стран. Достоверность такой информации была выше, чем газетной. Основываясь на ней, Л.К. и его сотрудники видели в советизированной Восточной Европе (и отражали в информационных публикациях) ростки обновления, преодоление пагубных стандартов и ограничений, проявление национальной специфики. Так читатели получали представление – вопреки официальным канонам – о существенной дифференциации экономической, социальной и культурной практики восточноевропейских социалистических государств.

Цену достоверности Л.К. постигал не умозрачительно, не только по аналитическому «просвечиванию» литературы. Он бывал в «братских странах» в служебных командировках и туристических поездках. Главным же источником понимания происходивших там процессов и событий стала для него работа в Праге, в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», куда он был направлен в 1967 г. – накануне «Пражской весны».

Все, что он увидел там, было в высшей степени необычным. Отмена цензуры, вырвавшиеся на свободу средства массовой информации, возникновение новых политических партий, открытые дискуссии и критика советской системы в различных аудиториях,

многочисленные митинги и манифестации, особенно первомайская демонстрация, в которой участвовали тысячи людей... В очерке «О Пражской весне», опубликованном в № 2 журнала «Россия и современный мир» за 1998 г.⁹⁹ (этот журнал, помимо Отдела социалистических стран, был еще одним его детищем – но об этом позже), он попытался проанализировать причины общественно-политического кризиса в Чехословакии той поры. «При всей сложности обстановки, – писал он, – у меня даже мысли не было, что кризис в отношениях между КПСС и КПЧ нужно решать военным путем. Вернее, может быть, мне не хотелось об этом думать»¹⁰⁰.

Когда в ночь на 21 августа 1968 г. войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию, Л.К. Шкаренков вместе с небольшой группой сотрудников журнала «Проблемы мира и социализма» оставался в Праге. Он видел танки на улицах, советских солдат, окруженных жителями города, лица пражан (отнюдь не такие, какими они были в мае 1945 г.), надписи и плакаты на стенах, группы чешской молодежи с трехцветными флагами, но иногда и молодых солдат, отложивших автоматы и игравших в футбол с чешскими ребятами. Все это требовало напряженнейшего осмысления, а вслед за ним и переосмысления некоторых устоявшихся постулатов. Уверен, червь сомнения в том, все ли в порядке «в датском королевстве», поселился тогда и в душе Л.К. Позднее, когда в наше Отечество пришла гласность, сомнения переросли в уверенность. И хотя в очерке «Пражская весна» он правомерно указывает, что «нельзя судить ту эпоху по сегодняшним критериям», итоговая оценка событий в Чехословакии совершенно определена: «Вторжение в Чехословакию в 1968 г. нанесло непоправимый удар – и моральный, и политический по престижу нашей страны, по той системе отношений, которые мы называли “социалистическим содружеством”... Пражская весна оказалась великой иллюзией, но без таких иллюзий у человечества не было бы ни прошлого, ни будущего»¹⁰¹.

Из Праги Л.К. Шкаренков привез чемоданы выписок из чешских архивов, в которых он работал каждую свободную минуту. Многие годы он занимался изучением истории белой русской

⁹⁹ Шкаренков Л.К. О Пражской весне // Россия и современный мир. – М., 1998. – № 2 (19). – С. 210–232.

¹⁰⁰ Там же. – С. 223.

¹⁰¹ Там же. – С. 232.

эмиграции, краха зарубежной контрреволюции, ее политических течений. Определенным итогом многолетних исследований стала книга «Агония белой эмиграции», вышедшая в свет в 1981 г.¹⁰² Два года спустя Л.К. Шкаренков защитил докторскую диссертацию на тему «Белая эмиграция: эволюция и крах. 1917–1945 гг.». Работая над книгой и диссертацией, ему удалось поднять огромный массив документов, в значительной мере не тронутый еще рукой историка. Он просмотрел тысячи листов переписки, дневников, воспоминаний, всякого рода записей таких деятелей, как Врангель, Деникин, Кутепов, Миллер, Бурцев, Савинков, Чайковский, Милюков, Струве, Чернов, изучил протоколы заседаний, справки, отчеты, сводки, донесения, приказы и т.д. Только дневник и досье документов, которые вел врангелевский генерал А.А. фон Лампе на протяжении 20 с лишним лет, составляют более 30 тыс. листов.

И о читательском интересе к книге Л.К. Шкаренкова, и о ее научной значимости прежде всего свидетельствует то, что она дважды переиздавалась – в 1986 и 1987 гг. Книга была существенно переработана, теперь автор мог отнести к «белым героям» не как к изначально чужим современной России людям, а как к россиянам другой идеологии, другой веры – но таким же патриотам, как и «красные герои». Действительно, если бы борьба за будущее России в 1917–1920-х годах велась не военным, а мирным путем, сидели бы спокойно кадеты, октябристы и даже принципиальные монархисты в парламентской оппозиции, как сейчас сидят Зюганов и Жириновский. В условиях коммунистического правления это можно было только интуитивно ощущать, а после смены системы – осмыслить. Переосмысление истории и вызвало переиздание книги, по своей проблематике активно востребованной читателем. Тираж еще первого издания разошелся молниеносно, купить ее было невозможно. Как писал автору читатель из Хабаровска: «Вашу книгу тут читают нарасхват. Я достал ее лишь на сутки. Не скажете, где ее можно купить, будет ли она переиздаться? Я ее законспектировал, но было мало времени».

Перепечатали «Агонию» и за границей (в Польше, Болгарии). Итог раздумий над судьбами российских эмигрантов, к которому пришел автор и к которому он подводил своих читателей, хорошо выразил заголовок рецензии на книгу в журнале «Звезда»: «Без России – невозможно».

За Россию отдавали жизни коммунисты, анархисты, бело-гвардейцы и миллионы далеких от высшей политики людей. За Россию/СССР воевал и сам Леонид Константинович. Здесь уместно привести ранние факты его биографии. Он родился в Москве в 1921 г. В 1939 г. окончил среднюю школу, а уже осенью был призван в Красную армию. В июне 1940 г. участвовал в форсированном марше через Западную Белоруссию на Вильнюс (Вильно). Красная армия входила в Прибалтику, а с Запада в это время к литовской границе подтягивались немецкие войска. Надвигалась война, которую девятнадцатилетний Леонид Шкаренков, командир отделения 84-й мотострелковой дивизии, встретил в Литве. Из 13 ребят – выпускников десятого класса, в котором он учился, на фронте погибли восемь. В автобиографии Леонид Константинович пишет об этом периоде предельно сжато: «Был на фронте... вступил в партию... демобилизовался». Через полвека после окончания войны он выскажется на тему «солдат и война» более подробно. Вспоминая первые дни войны и хаотическое отступление Красной армии, он отметит: «На этом пути все перемешалось... Потерял свое имущество: шинель сгорела, ранец, каску и противогаз бросил. Единственное, с чем я не разлучался, – это со своей СВТ (самозарядной винтовкой Токарева)»¹⁰³.

Добавим за него: не потерял российский солдат Леонид Шкаренков воинской чести, не разлучался он и с мыслью о конечной победе над врагом. Три месяца 84-я дивизия вела упорные оборонительные бои, задерживая противника на разных рубежах. В этих первых боях многие его товарищи погибли, были ранены, оказались в плену. Дальше его биография – это биография самой войны. Участвовал в боях за Сталинград, на Курской дуге, под Белгородом... Он был дважды ранен, но оставался в действующей армии. Л.К. Шкаренков аттестовался как «смелый офицер». В очерке «Память и война» он дал собственный анализ наших побед и поражений, поведал о встречах с крупнейшими военачальниками – Еременко, Рокоссовским, Жуковым.

Л.К. Шкаренков был награжден правительственными наградами – орденами Отечественной войны 1-й степени и «Красная звезда», шестью медалями, в том числе «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда».

¹⁰² Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1981. – 231 с.

¹⁰³ Шкаренков Л.К. Память о войне // Россия и современный мир. – М., 1995. – № 2. – С. 271.

Гвардии капитан Л.К. Шкаренков демобилизовался только в сентябре 1946 г., прослужив в армии семь лет. В 1947 г. он поступил на исторический факультет МГУ и с тех пор на всю жизнь посвятил себя истории как профессии, творческому призванию, стезе выполнения гражданского и патриотического долга. Окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, был принят на работу в редакцию журнала «История СССР» (сначала был заведующим отделом истории советского периода, затем ответственным секретарем редакции), а потом работал в «Соцэкгизе» – издательстве «Мысль» заведующим редакцией литературы по истории СССР, в журнале «Вопросы истории» заместителем главного редактора.

А затем – Прага и ИНИОН.

В ИНИОН его детищем был не только Отдел социалистических стран, но и упомянутый выше ежеквартальный журнал «Россия и современный мир». Он был его главным редактором с момента основания в 1993 г. до своей смерти в 1999 г. Журнал был им задуман и воплощен как издание, принципиально отличающееся от других изданий ИНИОН, приближающееся по форме и содержанию к общественно-научной периодике других институтов Академии наук и других организаций вообще. Обзоры и рефераты иностранных работ находили в нем свое место, но главными материалами были авторские статьи, научные доклады и интервью. «Наши интервью» – так называлась рубрика, на которую Л.К. вполне мог бы иметь патент. Он ее придумал и наполнял из номера в номер, лично записывая на диктофон, а затем редактируя свои беседы с учеными, государственными и общественными деятелями и даже бизнесменами. Трудность поддержания такой рубрики состояла в том, что издание, выходящее четыре раза в год, не поспевало за стремительно совершавшимися событиями, в ответах же на вопросы на фундаментальные темы интервьюируемые, как правило, повторяли свои ранее где-то еще высказанные мысли. Тем не менее Леонид Константинович искал и опрашивал своих собеседников самоотверженно и увлеченно – впрочем, так же самоотверженно и увлеченно руководил журналом, писал статьи сам, находил интересных авторов.

Вспоминает академик Юрий Александрович Поляков, с которым Л.К. связывали и дружеские отношения и длительная совместная работа в редакции другого журнала – «История СССР», где первый был главным редактором, а второй – ответственным секретарем. «Осенью 1992 г. Л.К. и я участвовали во 2-м конгрессе

российских соотечественников в Ленинграде. Нас поместили в одном гостиничном номере. Едва ли не первыми словами, с которыми Л.К. обратился ко мне, когда мы переступили порог, были: “Как хорошо, что мы в одном номере. Я как раз хотел записать ваше интервью для нашего журнала”. – “Какого журнала”? – опешил я. “Мы создали новый журнал. ИНИОН будет издавать, я пока вроде главреда. /.../ Диктофон при мне. Давайте приступим”. – “Да я еще рук не успел помыть с дороги”. – “Ничего, потерпите”, – нажимал Л.К. со своим неподражаемым юмором, намекая на знаменитый чешский анекдот о мытье рук Масариком в гостях у леди Клайвден¹⁰⁴. Все последующие дни Л.К., как только мы оказывались вместе, доставал диктофон и продолжал запись»¹⁰⁵.

Его кредо состояло в том, чтобы ознакомить читательскую аудиторию с разными точками зрения и концепциями, вплоть до противоположных, выявить по возможности более широкий спектр оценок ключевых процессов и событий в прошлом и настоящем России и окружающего мира.

Об этом стоит сказать подробнее.

В журнале «Россия и современный мир» характернейшим и прекрасным образом отразились возможности реализации творческого потенциала ИНИОН как научно-информационного института и Л.К. Шкаренкова как организатора и опытного издательского работника. В одной точке сошлись векторы развития Учреждения и Ученого в условиях, когда оба получили гораздо большую, чем ранее, степень свободы – и семейство изданий ИНИОН пополнилось очень своеобразным печатным органом, подобного которому в Институте ранее не было. А ведь, как ни парадоксально, свобода и несвобода стояли у колыбели журнала рядом. Под несвободой, может быть, не так уж точно, я имею в виду решение академического начальства ограничить 65 годами возраст, до которого не члены АН могли занимать административные должности (предназначенная облегчить рост молодых руководителей науки, эта мера в условиях оттока молодежи из академических структур лишь обескровила управленческие резервы). Если бы Л.К. не был переведен с должности заведующего отделом на должность главного

¹⁰⁴ Правильно – леди Нэнси Астор (1879–1964). Клайвден (Кливден) – название принадлежавшей ее мужу усадьбы, место собраний лондонского светского общества. – *Прим. ред.*

¹⁰⁵ Поляков Ю.А. Человек широких взглядов // Россия и современный мир. – М., 1999. – № 3 (24). – С. 14–15.

научного сотрудника, он вряд ли бы смог отдавать журналу все свое время и энергию.

Ему удалось реализовать свою давнюю и в общем плодотворную идею – соединить информационные ресурсы и специфику изданий ИНИОН с возможностями конвенциональной научной журналистики, ставящей во главу угла авторское исследование и обобщение. Появились нетипичные для наших реферативных журналов и реферативных сборников рубрики «Статьи», «Научные доклады», «Научная жизнь», «Факты, события, люди», отгеснив на задворки обзоры и рефераты. Больше того, Л.К. счел возможным использовать жанровый опыт массмедиа и вывел журнал на орбиту повышенного читательского интереса, взяв за правило открывать каждый номер подборкой интервью, о которой было сказано выше (однажды было опубликовано целых 17 таких интервью!).

В этой связи – характерная личностная черта Леонида Константиновича. Воплощая в жизнь собственную идею и осуществляя интервьюирование, в выборе темы интервью и формулировании вопроса, на который предлагалось ответить опрашиваемым, он всегда широко консультировался с коллегами: либо просил кого-нибудь набросать черновой вариант вопроса, либо выносил на обсуждение и корректировку собственный вариант.

Стиль работы Л.К. предусматривал неприменную вовлеченность коллег и подчиненных в процесс принятия решений. За так называемой коллегиальностью порой скрывается либо прикрывающийся ею авторитаризм, личный или групповой, либо полное безначалие, порождающее неуправляемость. Л.К. никогда – в силу своего характера – не тяготел к этим (и иным) крайностям, и для него обсуждение любых проблем, особенно в бытность завотделом, было лишь средством профессионального и неформального общения. Ему нужно было видеть наши лица, слышать наши реплики (в меру) и суждения (безмерно) по поставленным вопросам. Никогда никого ни в чем упрямо не убеждал и на участии в дискурсе строго не настаивал. Очень быстро привык к тому, что одна из пожилых дам отдела, у которой был свой, наиболее автономный участок работы, стала тихо подремывать и посапывать на отдельных форумах, и старался не будить ее.

Мне всегда импонировало и отношение Л.К. к начальству. О нем можно было бы сказать «слуга царю, отец солдатам», но с существенными оговорками. «Я службу знаю», – любил он говаривать полусерьезно-полушутя, имея в виду именно службу, а не

услужение. Армия хорошо научила его формальной дисциплине, а научная и издательская работа – неформальной. Это дало рациональный синтез, а именно: во-первых, понимание того, что принятые решения, а тем более безальтернативные, не могущие быть оспоренными (таковых при советской системе было большинство) надо в меру возможностей выполнять, не тратя сил на бесплодные споры с начальством; во-вторых, умение не упустить возможность высказать свое мнение, даже противоречащее мнению начальства, если чувствуешь, что ситуация подтверждает твою правоту. Поэтому он ладил с любыми начальниками, которые в свою очередь – все без исключения – относились к нему с уважением.

Необходимость вынужденно мириться с тем неправильным, а то и несправедливым, что навязывалось логикой Системы и правилами Учреждения, способствовала выработке у Л.К. чувства юмора как релаксанта, антистрессовой реакции. Вкус к шутке часто бывает природным и проявляется независимо от обстоятельств, и Л.К., бесспорно, не был обделен таким вкусом. Но помимо того он научился смотреть на все происходящее, включая то, что происходило с ним самим, отрешенно – как на некий саморазвивающийся спектакль, где актерам, целиком зависимым от режиссера, отказано в выборе роли и свободе трактовки образа, но не они, ни даже сам режиссер не знают, когда и как кончится пьеса. Думаю, что именно такое самоощущение помогало Л.К. юмористически взирать на разные жизненные перипетии – и тем самым избегать глубокого разлада с действительностью, а также собственным неприятием ее малоприятных сторон.

Один лишь пример того, как юмор Л.К. отражал его понимание условности жизненных, в данном случае институциональных, норм. Всего один раз и всего на один месяц ему довелось возглавлять весь ИНИОН – в отсутствие всех своих замов Владимир Алексеевич Виноградов возложил как-то летом исполнение директорских обязанностей на Шкаренкова. Тоже значимый факт – среди полтора десятков равных по рангу людей выбрал именно его. Так вот, услышав волю директора и понимая ответственность поручения, Л.К. не мог удержаться от вопроса, который его иронично-юмористическое второе Я протолкнуло сквозь серьезность ситуации: «Может, уволить кого-нибудь?» Директор любил шутку, но не стал подыгрывать Л.К., да суть и не в этом. Суть в том, что этим вопросом Л.К. показал, что у него нет тех административных амбиций, которые не допускают никаких вольностей в беседе с начальством. Более того, он воспроизвел ситуацию, в которой ни

за что не пожелал бы оказаться в реальной жизни и которую постоянно избегал – он сам, находясь на разных руководящих постах, не уволил ни одного подчиненного.

Очень многому научившись у Леонида Константиновича, я более всего ценил в нем сочетание этого рационального релятивизма с твердым нравственным позитивизмом. Он хорошо знал, определив для себя, что «можно», а что «нельзя». Можно усомниться в любом «изме» (хотя из этого не следует, что надо отрицать все «измы»), допустить небольшую служебную погрешность, добродушно посмеяться над ошибками и слабостями коллег. Но нельзя ставить карьеру выше морали, злоупотреблять властью над людьми, забывать о порядочности. На мой взгляд, эти запреты важнее в человеке, чем прагматическая целеустремленность, посредством которой якобы достигается соединение личного и общественного и которая якобы работает на общественное благо. Спасибо Л.К., что он своим бытием напоминал нам об этом.

М.Н. Смирнова
ВИЛЬЯМ РИЗАТДИНОВИЧ ХИСАМУТДИНОВ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Из биографической справки:

Главный конструктор АИСОИ В.Р. Хисамутдинов, уроженец г. Томска, окончил Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1948–1954) по специальности «физик». И сразу встал на научный путь: Институт химической физики АН СССР (1954–1956), начальник отдела предприятия п/я 150 (Челябинск, 1956–1966), начальник Отдела информации ВНИИ приборостроения (Челябинск, 1966–1974), затем Биоцентр в подмосковном Пущино (заведующий Лабораторией Научно-исследовательского вычислительного центра АН СССР (1974–1975) и, наконец, ИНИОН АН СССР (заведующий Сектором математического обеспечения с февраля 1975 по апрель 1976 г.).

Из характеристики ВНИИ приборостроения:

«...В конце 1965 г. по инициативе и под научным руководством т. Хисамутдинова в институте началась работа по созданию автоматизированной системы информационного обеспечения (АСИОР). АСИОР находится в производственной эксплуатации с января 1969 г. Система получила высокую оценку и принята к внедрению во многих организациях. Избранные методы переработки информации позволили решить важнейшую задачу – осуществлять обмен информацией на магнитных лентах. За период с 1969 г. им опубликовано в открытой печати 15 научных работ...»

Из воспоминаний директора ИНИОН РАН В.А. Виноградова:

«Весь комплекс работ, связанный с автоматизацией информационных процессов в Институте, возглавил опытный программист, кандидат физико-математических наук В.Р. Хисамутдинов, рекомендованный мне академиком А.Н. Тихоновым, крупнейшим специалистом в этой области»¹⁰⁶.

Из списка научных работ 1970–1975 гг.:

Автоматизированная система информационного обеспечения разработок «АСИОР». – М.: Ин-т прикладной математики АН СССР, 1970. – Совместно с Авраменко В.С., Легоньковым В.И., Тарасовым В.И.

Разработка, внедрение и исследование автоматизированной системы информационного обеспечения разработок «АСИОР». Автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Спец. 01.01.10. – Вычислительная математика. – М., 1972.

Об итогах проведения экспериментальных работ по обмену научно-технической информацией на магнитных лентах на основе автоматизированной системы «АСИОР» // ИПМ АН СССР. – М., 1974. – Совместно с Авраменко В.С., Покровским В.П.

Впервые я увидела В.Р. Хисамутдинова на расширенном заседании Ученого совета ИНИОН в начале 1976 г.¹⁰⁷ Крепко сложенный, большеголовый новый заведующий Сектором математического обеспечения весьма эмоционально призывал аудиторию что-нибудь делать по автоматизации собственной работы, пробовать новые методы обработки информации, проявлять энтузиазм, любознательность и инициативу, вести дневники с результатами этих экспериментов. Выступление было воспринято с юмором: уже накопился опыт контактов с новыми приемами работы и общения с образцами новой техники. То, что новая техника и новые методы работы необходимы, все знали твердо и даже представляли за чем. Вот только как? Тогда этого не знал никто, в том числе и будущий Главный конструктор Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН).

¹⁰⁶ Виноградов В.А. Мой XX век: Воспоминания. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2005. – С. 303.

¹⁰⁷ В 1970-е годы такие Ученые советы проводились достаточно часто, и теперь я с огорчением осознаю, что не всегда была внимательным участником этих мероприятий.

Наше личное знакомство состоялось в апреле 1976 г. в кабинете заведующего Отделом научного описания информационных материалов (ОНОИМ) Игоря Яковлевича Госина – будущего заместителя Главного конструктора АИСОН. Меня вызвали как эксперта по составу и структуре библиографической записи и руководителя Группы унификации библиографического описания в изданиях ИНИОН для обсуждения вопросов подготовки данных для вычислительного комплекса. В кабинете находились также заместитель заведующего ОНОИМ, замечательный знаток Единых правил библиографического описания Нина Константиновна Костоньян, заведующий Отделом исследований и разработки информационных систем (ОИРИС) В.Р. Хисамутдинов и заведующий сектором ОИРИС Лев Николаевич Тарасов.

Обсуждение было долгим и предметным. Мы, специалисты ОНОИМ, уже принимали участие в разработке Концепции Интегральной автоматизированной информационной системы (ИАИС ИНИОН) и Технического задания по государственной программе 080.18 «Создать государственную систему научно-технической информации», имели опыт разработки стандартов по программе СИБИД¹⁰⁸, оптимизации и механизации обработки входного документопотока Института. Вильяма Ризатдиновича особенно интересовал вопрос о нашем отношении к опыту Библиотеки Конгресса США и других организаций (ВИНИТИ, ГПНТБ и др.). Общий язык был быстро найден: проблемы совместимости библиографического описания ИНИОН с другими организациями уже были разработаны и применялись. ОНОИМ в своих разработках ориентировался на документы ИСО¹⁰⁹, ИФЛА (ISBD¹¹⁰) и систему международного библиографического учета (национальных библиографий). Работа с каталогом Библиотеки Конгресса, Британского музея и другими национальными библиографиями велась на основе справочно-информационного фонда Г.Г. Кричевского. В Отдел поступали методические материалы зарубежных библиотек. Экс-

¹⁰⁸ Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу.

¹⁰⁹ ИСО (International standard organization) – Международная организация по стандартизации.

¹¹⁰ International standard bibliographic description (ISBD) – Международное стандартное библиографическое описание.

перты ОНОИМ через межведомственные комиссии¹¹¹ участвовали в решениях на общегосударственном уровне.

Однако были и значительные отличия от других организаций. Входной документопоток включал разные виды документов (в том числе статьи) на более чем 135 языках с обработкой на языке оригинала. Роспись статей на основе специальной картотеки сериальных изданий была оригинальной разработкой ИНИОН и уходила корнями в довоенные годы. В.Р. был приятно удивлен, когда узнал, что набор элементов библиографической записи в основном не отличается от американского. Но формат библиографической записи ИНИОН должен был быть ориентирован на комплексную обработку документа на языке оригинала для общественных наук. Выявились и серьезные организационные проблемы. Искренний сторонник автоматизации информационно-библиотечных процессов, И.Я. Госин согласился принять участие в экспериментах и в проектировании несмотря на то, что это означало обработку документов дважды – и по традиционной, и по новой технологиям. У заведующих ОИРИС и ОНОИМ нашелся и еще один общий интерес – шахматы. В дальнейшем большинство проблем Главный конструктор и его заместитель решали именно за шахматной доской, зачастую в нерабочее время. В ИНИОН этот способ обсуждения был широко распространен. В шахматы играли члены дирекции (например, Марлен Павлович Гапочка), эксперты МИСОН, рефератчики и др. Почти в каждом кабинете была шахматная доска.

По результатам этой беседы тогда же, в апреле 1976 г., была организована бригада из ведущих специалистов всех отделов, участвующих в процессах обработки входного документопотока, начиная от Отдела комплектования научных фондов (ОКНФ) и кончая Отделом научных фондов (ОНФ). От ОНОИМ в эту бригаду вошла я вместе с заместителем заведующей ОНОИМ Н.К. Костоньян и несколькими другими сотрудниками. Началось обследование документопотока ИНИОН¹¹².

Но еще до готовности отчета об обследовании процессов обработки входного документопотока главный технолог Л.Н. Тарасов сообщил И.Я. Госину и В.Р. Хисамутдинову, что, к его удив-

лению, технология обработки входного документопотока оказалась «эмпирически оптимизированной».

Одновременно началась работа над проектом автоматизированной системы. Динамичный Хис (именно так его звали за глаза) сначала не принял подробную разработку проектной документации – резко снижалась скорость движения к результату. Он стремился ставить задачи программистам напрямую без занудных инструкций. Программисты тоже ворчали на неоднозначность заданий. Документации было много. Потребовалось описать специфику общественных наук: формализация процессов, операций, способы предоставления данных, тексты – все отличалось от аналогичных в естественных и технических науках. Были определены приоритеты системы над отдельными участками обработки и изданий, разработан порядок подготовки и сдачи документации. И самое главное – машины должны были общаться с людьми на понятном языке и наиболее удобным из возможных способов.

Хис дотошно обсуждал со мной состав и набор элементов предмашинного формата ИАИС (мне была поручена и эта задача, проектирование схемы «рабочего листа» была поручена другим людям) и их отличия от действующих систем. Это было важно для обмена информацией на магнитных лентах с другими организациями. Чтобы понять эти вопросы, он перевел книгу Д. Солтона «Динамические библиотечно-информационные системы». При обсуждении возможности использования технологии OCLC¹¹³ мои аргументы его сначала не убедили, но через несколько дней В.Р. при очередной встрече признал мою правоту: технология OCLC «по его сведениям» стала эффективной только после инвестирования в эту систему около 30 млн. долларов. У нас таких ресурсов не могло быть. Единственный доступный для нас путь – формализация и алгоритмизация составления библиографической записи на входе и многократное и многоаспектное использование такой базовой записи на дальнейших этапах вплоть до сдачи документа в Отдел научных фондов. Подготовка библиографических данных на основе входной базовой записи для реферативных изданий также была одной из задач ИАИС в рамках концепции обработки входного документопотока. Выпуск реферативных и аналитиче-

¹¹¹ Например, Межведомственная комиссия по каталогизации (МКК) и Межведомственная комиссия по стандартизации.

¹¹² Об этом этапе подробно рассказывает в своих воспоминаниях Л.Н. Тарасов.

¹¹³ Online computer library center (<http://www.oclc.org>) – одна из наиболее широко распространенных в мире библиотечных сетей, охватывающая сегодня более 37 тыс. библиотек в 67 странах мира. Сеть была создана в 1967 г. с целью обмена библиографическими записями между библиотеками США.

ских изданий являлся последней стадией аналитико-синтетической обработки входного документопотока. После него документ поступал на хранение в ОНФ. Все процессы и операции были увязаны между собой и представлены на концептуальной схеме в Техно-рабочем проекте 1982 г.

Победила технология. Вместо прямого заимствования началась разработка технических заданий на распределенный ввод библиографической записи в режиме диалога, роспись статей с использованием электронной картотеки сериальных изданий, формирование массивов библиографических указателей и многое другое.

В это же время сложился механизм позадачных рабочих групп (их утверждали специальным приказом). В обязанности таких групп входили: исследование задачи; описание задачи; подготовка сопроводительной документации; разработка технического задания на программирование. В дальнейшем после сдачи задачи в эксплуатацию такая рабочая группа занималась сопровождением своей задачи. Это была интересная творческая коллективная работа.

В состав группы, как правило, входили руководитель, эксперты из соответствующих отделов, технологи и программисты. Работать было сложно, так как от основной работы никто не был освобожден. (Отдельная благодарность яслям и детским садам нашей Академии!) Рабочего дня не хватало. Накопленный за долгие годы библиотечного существования опыт пошел в дело. Далекая голубая мечта применения средств вычислительной техники в библиотечной работе становилась реальностью.

Сотрудники Института испытывали интерес к работе. Несколько человек поступили в аспирантуру. Главный конструктор организовал специальную комиссию, оформлявшую специальные акты по внедрению новых результатов в производство. Такие акты получила я, А.Б. Родионов, С.Н. Ласунов, В.М. Гусев и др.

Стремясь сократить подготовительный этап, В.Р. предложил объединить технический и рабочий проекты в один документ, и в АИСОИ проектная документация стала называться техно-рабочим проектом. Вся проектная и отчетная документация регистрировалась во Всероссийском научно-техническом информационном центре (ВНТИЦ). У многих членов коллектива ИНИОН появились зарегистрированные научные работы.

Из Приказа № 573 от 21.10.1980 г.:

...за активную работу по проектированию, созданию и эксплуатации ИАИС по общественным наукам и в связи с 50-летием

со дня рождения объявить благодарность главному конструктору ИАИС ИНИОН Вильяму Ризатдиновичу Хисамутдинову.

Из биографической справки 1976–1991 гг.:

04.1976 – 03.1991 – Зав. Отделом исследований и разработки информационных систем ИНИОН АН СССР;

1981 – Главный конструктор АИСОИ;

1982 – Главный конструктор МИСОИ.

Международная автоматизированная информационная система по общественным наукам (МИСОИ) – еще одно приложение сил разносторонней деятельности Главного конструктора. Подготовка началась, как всегда, с интенсивных поездок, налаживания личных контактов. Подготовку первой Рабочей группы экспертов стран – членов МИСОИ в 1976 г. проводил секретариат под моим руководством. В него входили личный секретарь В.Р. Хисамутдинова Галя Борисова, секретарь Р.Р. Мдивани Оля Дорохина, сотрудница ОНОИМ Галя Трофимова. Впоследствии ученым секретарем стала Елена Павловна Положихина, а я вернулась к своей работе.

В организации работы по созданию МИСОИ особенно ярко проявились целеустремленность и прагматичность В.Р. Главный конструктор МИСОИ отказался от разработки полномасштабной технологической документации, предпочтя воспользоваться действующими нормативно-методическими материалами МЦНТИ¹¹⁴ (например, коммуникативный формат МЕКОФ¹¹⁵).

Стандартизации в ИНИОН всегда уделялось особое внимание. Работа в этом направлении стала частью работы Совета Главного конструктора. Сам Главный конструктор вошел в состав группы экспертов-исполнителей по разработке стандартов СИБИД для обмена библиографическими данными на магнитной ленте (7.14-78, 7.19 -78, ГОСТ 7.19-85 (СТ СЭВ 4283-84)).

Сложившиеся добрые рабочие отношения остались у нас навсегда. Моя научная тема, сформулированная с его участием, «Библиографическая запись: форма, структура, составление и преобразование для разных сред», часто переплеталась с его собственными научными интересами. Набор элементов данных формата библиографической записи лежит в основе всех информационных систем. Эти вопросы Главный конструктор АИСОИ и МИСОИ никогда не упускал из вида. По его заданию мной были подготовлены таблицы для конвертирования библиографических записей в

¹¹⁴ Международный центр научно-технической информации.

¹¹⁵ Международный коммуникативный формат.

коммуникативные форматы, в формат баз данных Bibliographia studiosorum uralicorum, Library research group и др.

Несколько раз по его просьбе я составляла и редактировала список его научных работ.

Из списка научных работ 1976–1991 гг.:

Состояние и перспективы развития сети обмена информацией в области общественных наук // Материалы Всесоюзного совещания по автоматизации информационных процессов в области общественных наук. – М.: ИНИОН АН СССР, 1977.

Интерпретация результатов анализа статистических данных документопотока, поступающего в ИНИОН АН СССР (промежуточный отчет). Тема № 0.80.18 (СЭВ) 03.01. Утв. 1979 / АН СССР. ИНИОН; Науч. руководитель В.А. Виноградов, Главный конструктор системы В.Р. Хисамутдинов. – М., 1979. – 94 с. – УДК 002.6:3(47+57). – № гос. регистрации 77004645.

Определение набора библиографических сведений о документе для формирования базы данных ИАИС ИНИОН АН СССР. – М.: ИНИОН АН СССР, 1979.

Солтон Д. Динамические библиотечно-информационные системы / Пер. с англ. под ред. В.Р. Хисамутдинова. – М.: Мир, 1979.

Проблемы создания крупной автоматизированной информационно-библиотечной системы и сети по общественным наукам (современное состояние, перспективы развития) // Теория и практика общественно-научной информации / РАН. ИНИОН. – М., 1989. – Вып. 1.

Человек в системе современных коммуникаций и информационных технологий // VI Конференция ЕКССИД «Социальные изменения и информационные системы в Европе – инновации, развитие и интеграция» / 22–25 марта 1991 г. – Кентербери, Великобритания.

Всего более ста научных работ.

Из биографической справки 1991–1999 гг.:

03.1991 – 04.1999 – Зам. директора по научной работе ИНИОН АН СССР 17-й разряд;

С 28.04.1992 – член Информационно-библиотечного совета РАН;

01.04.1999 – 27.09.1999 – Главный научный сотрудник, с обязанностями советника дирекции по вопросам автоматизации информационных и библиотечных процессов (на эту должность В.Р. перешел по собственному желанию по состоянию здоровья).

Одной из последних работ под руководством В.Р. Хисамутдинова, в которой я принимала участие, была работа по подпрограмме «Федеральный информационный фонд по науке и технике приоритетного направления “Информационные технологии и электроника” Федеральной целевой программы на 1996–2000 годы “Исследования и разработки по приоритетным направлениям науки и техники гражданского назначения” (24.04.1998 приказ № 27). На основе накопленного опыта были подготовлены Концепция электронного каталога Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН, проект модернизации состава и структуры базовой библиографической записи.

Кроме многочисленных благодарностей за разработку и внедрение автоматизированных информационных систем имел правительственные награды:

1970 – Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»;

1981 – Медаль «За трудовое отличие»;

1982 – знак «Ударник XI пятилетки»;

1986 – Орден «Знак Почета»;

1987 – Почетная грамота ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ;

1988 – Золотая медаль ВДНХ СССР;

1997 – Медаль «В память 850-летия Москвы».

Интересы В.Р. были обширны и разнообразны: математическое обеспечение диалоговых систем, информология. Он постоянно преподавал по штатному совместительству в МГУ в должности старшего преподавателя кафедры автоматизации систем вычислительных комплексов факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ.

Быстро оценивал ситуацию, стремясь к немедленным результатам и всячески избегая длительных работ. Шел на педантичные проектные работы только под давлением обстоятельств и при наличии специалистов. Большое значение придавал материально-техническому обеспечению (так в ИНИОН в конце 80-х годов появился компьютерный класс персоналок «Ассоgn»), полагаясь только на программы и программистов. Совместимость с другими системами, разработку и внедрение технологических циклов, подготовку данных, инструкции прорабатывали и реализовывали другие члены коллектива. Когда такие ведущие специалисты по разным причинам исчезали, их направления переставали

развиваться или вообще затухали. Так получилось с Л.Н. Тарасовым, А.С. Косовым, Л.Б. Косовой, И.Я. Госиным, Л.В. Ужинской.

Обладая поразительными редакторскими способностями, – сразу видел опечатки и ошибки и никогда не читал до конца такой текст. Вокруг него быстро нарастали кипы документов, книг, журналов. В ответ на вопросы разводил руками: лучше сделать заново – это утонуло где-то здесь.

Организационная и дипломатическая деятельность удавались ему прекрасно: командировки переходили одна в другую, переговоры, конференции, жилищно-строительный кооператив... Активный член многочисленных советов, комиссий, он старался сохранять сложившиеся контакты с людьми, никогда не терял связи с ВНИИТФ¹¹⁶, однокурсниками. И все-таки главный результат – это действующая по интегральному циклу Автоматизированная информационная система по общественным наукам и ее база данных. Все остальные результаты и проекты были производными именно от этой работы, от системно проработанной концепции и стратегии ее поэтапной реализации.

В.М. Шевырин **ПАМЯТИ МАРЛЕНА ПАВЛОВИЧА ГАПОЧКИ¹¹⁷**

В последние годы ушли из жизни многие ветераны ИНИОН. Одним из них был Марлен Павлович Гапочка. Я не особенно близко знал его, и поэтому позволю себе дать лишь некоторые штрихи к «лику отошедшего».

Очевидно, что в тот «шторм и натиск», который успешно начал Институт под руководством нового директора В.А. Виноградова в 70-х годах, – «шторм», приведший в итоге к информационному прорыву и сделавший ИНИОН всемирно признанным центром научной информации по общественным наукам, внес свою лепту и М.П. Гапочка.

В это трудное и славное время он бесценно занимал пост заместителя директора Института. Уже по своей должности Марлен Павлович активно участвовал в разработке и осуществлении планов развития информационной деятельности ИНИОН, в проведении различных конференций и симпозиумов, был редактором и членом редколлегий многих изданий Института, в том числе в сотрудничестве с отечественными и зарубежными научными учреждениями, длительное время стоял, по сути, во главе Бюллетеня по теории и практике общественно-научной информации¹¹⁸ и т.д.

¹¹⁷ Статья впервые опубликована в ежегоднике ИНИОН РАН «Теория и практика общественно-научной информации». См.: Шевырин В.М. Памяти Марлена Павловича Гапочки // Теория и практика общественно-научной информации / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (гл. ред.) и др. – М., 2005. – Вып. 19. – С. 286–289.

¹¹⁸ Автор называет издание «Теория и практика общественно-научной информации» бюллетенем. Издание было основано в 1989 г. как ежеквартальник. С 1994 г. – ежегодник. – *Прим. ред.*

¹¹⁶ Всесоюзный научно-исследовательский институт технической физики.

ИНИОН выпускал тогда, пожалуй, не меньше печатной продукции, чем «Политиздат», и, наверное, всю ее просматривал или прочитывал Марлен Павлович. Во всяком случае, на большом столе в его кабинете всегда были аккуратно разложены новейшие издания. Он обладал способностью невероятно быстро читать и улавливать всякие несообразности или погрешности в просматриваемой работе.

Мне казалось, что здесь (помимо всего прочего) – один из главных инионовских «фильтров», через которые проходит наша продукция. Институт имел тогда уникальную возможность издавать информационные материалы на основе закрытых, «спецхрановских» источников. ИНИОН и его литература были тем «оазисом», к которому неудержимо влекло научных сотрудников и преподавателей со всей страны. ИНИОН этой своей издательской спецификой дорожил и потому стремился избегать всяких «накладок», которые могли иметь непредсказуемые последствия в ту пору, когда соблюдалась еще чистота «идеологических риз». И Марлен Павлович тоже был «на страже». Его служебные обязанности, положение Института как идеологического учреждения, своего рода «правила игры» того уже давно минувшего обусловили и понятную «твердокаменность» Марлена Павловича. Но и признавая ее как неизбежную «дань времени», это его качество не стоит ни абсолютизировать, ни преувеличивать. Даже тогда, когда он, казалось бы, мог «на законном основании» выказать свой административный раж и мог бы «гвоздить» административной дубиной действительно провинившегося, как, например, вполне могло произойти со мной, он вовсе не спешил это делать.

Вот иллюстрация из моего собственного «опыта». Однажды Марлен Павлович вызвал меня к себе. Захожу в его кабинет. Замдиректора имел вид строго официальный и не суливший мне ничего хорошего. В обычной своей манере, не торопясь, показал мне опечатку в одном из моих обзоров. Там вместо «В.И. Ленин» стояло: «В.Л. Ленин». Я, откровенно говоря, ждал, что сейчас грянет вселенская буря – страшный разнос и оргвыводная экзекуция. Но, к моему удивлению, все обошлось менее чем «малой кровью» – только легкой журьбой и как бы отеческим внушением быть внимательнее в работе, особенно когда требуется правильное написание столь известных фамилий. И тут мне на секунду показалось, что сказано это было не без иронии. Может быть, это только показалось.

Потом, изредка встречаясь с ним «по производственным вопросам», – теперь, слава богу, не по «лениниане», я заметил эту

его особенность: он мог шутить, иронизировать, внешне оставаясь совершенно серьезным, и лишь порой – скупой улыбнуться. К слову сказать, он умел подмечать и в самом серьезном, и в обычном какие-то юмористические стороны и выразить это в парадоксальной и рельефной форме, и тогда эти стороны, незаметные для «обычного глаза», становились вдруг очевидными и яркими. Причем его шутки и ирония, как я помню, никогда не были саркастически-язвительными или желчными, никогда не ранили, не обижали человека. Я думаю, что все это относится к элементам «высшего пилотажа» в понимании людей и жизненных обстоятельств. И вообще, насколько я могу судить, наш замдиректора был доброжелательным, приветливым человеком, напрочь лишенным всякой рисовки, высокомерия, «субординационности». Марлен Павлович был очень расположен к людям, хотя, конечно, нельзя сказать, что совершенно ко всем. Он внимательно, изучающе вглядывался в собеседника и, казалось, видел его насквозь. В глазах его иной раз мелькала лукавинка, а губы скрывали добрую усмешку. У него было умение как-то по-особому, очень заинтересованно, слушать собеседника.

И не «платонически», если он считал, что возникает необходимость в его помощи. А иногда делал это и так – без всякой необходимости, просто из собственного доброго желания помочь. Както подробно расспросив о том, каковы мои научные интересы, чем я занимаюсь, он, спустя неделю-другую, дал мне несколько вырезок из газет и журналов и две раритетные книги из своей библиотеки, которыегодились для моей работы.

Знания его были поистине энциклопедическими. Он очень много читал помимо «обязательной», выходящей в свет инионовской литературы. У него была большая, хорошо подобранная библиотека. Встречал я его и в книжном магазине. Бережно держа в руках фолиант или брошюру, он быстро просматривал их содержание. Марлен Павлович на профессиональном уровне знал филологию и нумизматику. Особое его внимание привлекали искусство, живопись, и он сам хорошо рисовал. Мне кажется, что такая широта его интересов во многом шла от жажды познания жизни. Он очень чувствовал время, само биение пульса жизни. Это был действительно интересный, неординарный человек. И сильный духом.

В конце 90-х годов здоровье его заметно ухудшилось. Но он не только никогда не жаловался на недуги, но и вообще ничего не говорил о своих хворях. Между тем даже внешне он изменился: фигура стала более грузной, походка – осторожной и как бы не-

уверенной. Иногда казалось, что он словно бы уходил в себя, прислушивался к чему-то в себе. Вскоре ему пришлось уйти с работы. Некоторое время он продолжал трудиться и дома – над Бюллетенем. Последние несколько лет он был почти прикован к постели. Начались сумерки его жизни, быстро сгущавшиеся. Наверное, года на два с половиной его земное существование по сути продлила его жена, стойчески выносившая удары судьбы и мужественно борющаяся с тяжелой болезнью супруга. И он сам изо всех сил, которые теперь стремительно убывали, старался приспособиться к своему новому состоянию. Он сохранил полную ясность ума, и хотя быстро уставал, когда говорил, речь его по-прежнему была интересной и остроумной. Но роковая развязка близилась. Весной 2003 г. Марлена Павловича не стало.

Теперь высказывается иногда мысль о том, что при тех талантах, которые так щедро были отпущены ему природой, он мог бы полнее реализовать себя как ученый. Может быть, это действительно так. Но все же главный итог прожитых им лет в другом: он жил интересной, духовно богатой жизнью и всегда оставался настоящим человеком.

Л.Н. Верченев, И.Ф. Рековская
«ЕРЕСЬ ПЕРВИЧНОГО ДОБРА» (В.А. ЧАЛИКОВА)¹¹⁹

Имя Виктории Чаликовой хорошо знакомо читающей публике по ее яркой публицистике перестроечных лет. А в недавние 1979–1988 годы Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) выпускал для узкого круга отечественных обществоведов знаменитую среди них серию тематических сборников «Социокультурные утопии XX века» (тиражом по тысяче экземпляров). Упоминание об узком круге не случайно: сборники предназначались исключительно «для служебного пользования». Наряду с рефератами книг и статей известных западных ученых, касавшихся подобных проблем, там можно было найти обзоры с анализом утопий «антропологического скачка» у Тейяра де Шардена, «лингвистической утопии» Оруэлла, «утопических проектов» Маргарет Мид, судеб религиозно-эстетической утопии Н. Бердяева и гносеологической – Льва Шестова или «диалектики утопических жанров» в философской прозе В.Ф. Одоевского («4338 год»). Последний, шестой по счету выпуск посвящен социальному воображению и социальному эксперименту в отечественной социологии, философии, истории и литературе (главным образом утопиям и антиутопиям А. Богданова, А. Чаянова, А. Грина и Е. Замятина). Все эти годы ответственным редактором и составителем сборников оставалась старший научный сотрудник ИНИОН В.А. Чаликова. В мае 1991-го она скончалась в далеком Гамбурге, там же ее могила.

¹¹⁹ Статья впервые напечатана в журнале «Свободная мысль»: Верченев Л., Рековская И. «Ересь первичного добра» // Свободная мысль. – М., 1992. – № 18. – С. 111–114. Публикуется с сокращениями.

Друзья и коллеги В. Чаликовой подготовили в память о ней два специальных сборника¹²⁰. /.../

Еще в юности, чувствуя призвание к литературе, Чаликова дала себе слово не писать для подцензурной печати и все годы оставалась верна этому решению, выбрав другой путь служения своей стране – путь просвещения. «...Теперь, пожалуй, уже и вразумительных слов не найти для описания того, какого нервного напряжения, какого постоянного подъема духовных и физических сил стоило это, казалось бы, простое научное дело – систематическое ознакомление наших гуманитариев с западной мыслью – социологической, политологической, литературоведческой, – пишет М. Чудакова, – но в том, что отечественные гуманитарии так быстро прошли путь умственного раскрепощения в нашем новом историческом периоде, – есть личная роль, прямая заслуга Виктории Чаликовой» (т. 2, с. 50–51).

Утопии всегда были и останутся объектом исследования социальной и гуманитарной науки не в последнюю очередь потому, что проблема утопий – это проблема истории идей. Тем более что утопизм – универсальный феномен: наверное, не было в истории человечества обществ без той или иной формы утопий. В тысячелетней истории человечества утопия, по словам американского ученого Л. Сарджента, существовала как подробное и последовательное описание воображаемого (но локализованного во времени и пространстве) общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного (на уровне как институтов, так и человеческих отношений) совершеннее, чем общество, в котором живет ее автор.

Европейские утопии могут рассматриваться как психологический документ эпохи, своего рода чувствительный индикатор, выявляющий самые мучительные ее проблемы (см.: «Utopias and utopian thought». Ed. by F.E. Manuel. – Boston, 1966. – P. 70). Наконец, утопия (во всяком случае, качественно изложенная утопия) являет собой столь сложное переплетение вымысла и действительности, воображаемого и реального, что обладает и особой эстетической привлекательностью.

В. Чаликова составила первую в истории тогда еще советской (да и досоветской) науки антологию зарубежных утопических

сочинений¹²¹; первый из рецензируемых томов (предваряемый вступительной статьей Ю. Левады – в свое время научного руководителя В. Чаликовой) включает некоторые из материалов серии «Социокультурные утопии XX века». Кстати, книга аналогичного содержания недавно издана на русском языке и в Лондоне¹²².

Бесспорно, этот наработанный В. Чаликовой научно-информационный массив будет весьма полезен при дальнейшем осмыслении проблем утопий и утопического сознания. И это не только «каноническая» для жанра рецензии фраза. Социально-политические эксперименты, тоталитарное насаждение утопий слишком дорого обходились России.

Польский социолог Л. Колаковский в свое время заметил: смысл утопий в том, что цель, которая не может быть претворена в жизнь сегодня, вообще никогда не будет реализована – если ее не провозгласить в тот момент, когда она еще не может быть осуществлена. Иначе говоря, утопия – такая сфера общественного сознания, которая генерирует идеализированные и мистифицированные символы изменений в обществе и таким образом придает реальному движению жизни значение реализации идеала. И в этом смысле, словами Е. Замятина, «завтра – непременно ересь для сегодня». Но нельзя не заметить здесь и некой теоретической двусмысленности. От утверждения, что утопия – разновидность идеала или по меньшей мере способ возвысить жизнь над рутинной обыденности (против чего трудно в принципе возразить), не так уж далеко до представления об утопии как о взрывающей бытие ориентации сознания (вслед за чем не заставляют себя ждать сначала теория, а затем и практика революционного эксперимента). Едва ли кого не коробило временами при чтении даже великих утопий. Взять хотя бы описание поголовной трудовой повинности в Городе Солнца Кампанеллы: никакой телесный недостаток не принуждает его жителей к праздности, все работают, все при деле (хромые несут сторожевую службу, так как обладают зрением, слепые чешут руками шерсть и т.п.; а кто не способен и на это, получает хорошее содержание, служа соглядатаем и донося государству обо всем, что услышит).

¹²⁰ Чаликова В. Утопия и культура. Эссе разных лет. – М.: ИНИОН, 1992. Т. 1. – 230 с.; Ее же. Эти пять лет... Избранная публицистика – М.: ИНИОН, 1992. [Т. 2.] – 284 с.

¹²¹ Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

¹²² Чаликова В. Утопия рождается из утопии. Эссе ранних лет. – London: Overseas publications interchange LTD, 1992. – 217 с.

Не случайно в XX в. (а в России еще раньше, со времен народничества) тональность утопий и утопического мышления становится все тревожней. Именно конструирование социальных схем, предназначенных для того, чтобы раз и навсегда разрешить все проблемы человеческого существования, обязав всех быть равными и счастливыми, неизменно составляло «осевую структуру» утопического сознания, отмечается в предисловии (см.: т. 1, с. 6). И тогда рано или поздно появляется искушение насильственно внедрить ту или иную социальную схему в жизнь, а палача начинают принимать за мессию. Если практика тоталитарных воплощений социальной утопии оказалась кошмарной – то западный мир, по мнению автора предисловия, сумел довольно успешно вытеснить утопическое сознание со всеми его атрибутами на периферию социальной мысли, сохраняя его в качестве то средства социальной критики, то предмета чисто эмоционального увлечения. Этому во многом способствовали уроки отечественного исторического эксперимента.

Может показаться, что позиция самой Чаликовой была иной. Она вспоминала, как часто в Москве на разного рода семинарах ей приходилось доказывать, что утопия и тоталитаризм не одно и же. Но у Чаликовой не было сомнений в том, что утопия хороша – как остров, но страшна – как архипелаг. В этой связи уместно вспомнить предупреждение Вяч. Вс. Иванова: «Замечательную способность мечтания и утопии, которая свойственна русской культуре, – то, что я называю выходом в космос, – не нужно превращать в политическую утопию, что пытались сделать большевики, а до них народошальцы».

Вероятно, и формальное несовпадение точек зрения автора предисловия Ю. Левады и В. Чаликовой – это в данном случае прежде всего следствие различия уровней среза их трактовки утопий и утопического сознания. Чаликову в первую очередь интересовал (и даже завораживал) нравственный смысл утопий, их духовный потенциал. Недаром она ссылаясь на слова Ф. М. Достоевского из «Дневника писателя»: «И если уж действительность нехороша, то при ясно осознаваемом желании лучшего можно, действительно, как-нибудь собраться стать лучше». Однако Чаликова не менее четко представляла себе и сложность феномена утопий, настаивая на необходимости в каждом случае отдавать себе отчет: какая сторона утопий (или утопического сознания) является объектом анализа, под каким углом зрения ведется этот анализ. Именно в этом смысле она употребляет термин «граница утопии», подчеркивая,

что главное в утопии – проблема границы, в географическом, в правовом, в политическом и в нравственном смысле.

Избранная публицистика Виктории Чаликовой вместе с воспоминаниями ее ближайших друзей составила второй том сборника. Людям, близко знавшим Вику, всегда бросалось в глаза удивительное несоответствие ее бытовой рассеянности, детского простодушия, естественности, открытости всем и каждому – и собранности и дисциплинированности ее ума и таланта. Только сейчас, уже после ее смерти, начинаешь понимать, каким цельным человеком она была, как напряженно билась ее творческая мысль – всегда, без остановки, в бесконечных очередях за продуктами, в заботах о ближних и дальних, в душевных разговорах с друзьями и даже в остроумных тостах, которые она произносила за праздничным столом. И теперь уже не кажется смешным случай, когда в магазине она сказала опешившей продавщице: «400 грамм либерализма, пожалуйста», – ведь в это время, подготавливая очередной сборник, она с головой ушла в осмысление социально-философских проблем современного либерализма. «Она написала много замечательного: о культуре, утопии, либерализме, тоталитаризме, – вспоминает Я. Бергер, в свое время руководивший отделом ИНИОН, где работала В. Чаликова. – И хотя долгие годы сборники и обзоры под ее редакцией... формально были доступны немногим, они пользовались популярностью у читателей серьезной литературы и даже продавались (с аккуратно отрезанным номером экземпляра) на черном рынке по цене 25 руб. за штуку, что по тем далеким уже временам было совсем не мало» (т. 2, с. 46).

Может показаться удивительным, как сумела эта тяжело больная женщина, перегруженная сверх головы и своими, и чужими бедами и заботами, написать за «эти пять лет» столько, сколько иной не успел бы и за целую жизнь. А дело в том, что многие появившиеся после отмены цензуры статьи Чаликовой уже давно сложились у нее в голове. Воспитанная с абсолютным слухом к слову, она с детства мучилась «бессилием слова осмысленного перед словесным жульничеством» (т. 2, с. 200). Сохранились студенческие заметки Вики – размышления о природе стабильности системы сталинского террора. Характерно, что ее поразила не жестокость палачей, а слабость нравственного отпора общества. «Что-то, кроме страха, парализовало сострадание к жертвам. Тогда еще, по газетам и журналам, я проследила, как было дискредитировано в общественном сознании само слово “жертва”. До сего дня сказать о человеке: “Он считает себя жертвой”, – значит, высмеять

его... С помощью точно рассчитанного словесного хода несчастье было отменено, к страху разоблачения политического прибавился страх разоблачения бытового, житейского» (т. 2, с. 201). Из подобных наблюдений складывалась, например, дополнявшаяся все новыми деталями статья «“Глокая куздра”, или Зачем мы говорим так?». А потом Вика сразу, без единой запинки продиктовала ее готовый текст на машинку.

Не менее характерно и то, что первой неподцензурной статьей Чаликовой был очерк «Архивный юноша», написанный на одном дыхании и с одной-единственной целью – выручить Дмитрия Юрасова, молодого человека, едва ей знакомого. Под угрозой оказалась картотека репрессированных – 123 тыс. карточек с краткими сведениями, тайно составлявшаяся Юрасовым в архиве Верховного суда и его Военной коллегии в течение нескольких лет (в обход строжайшей инструкции). Десятки более знаменитых, чем Чаликова, людей, гораздо более защищенных и в социальном, и в бытовом смысле, пользовались этой картотеккой, находили там своих близких, но никому из них в голову не пришло броситься на защиту ее составителя – на дворе была еще ранняя весна 1987 г. Это потом начнется то «половодье общественного возбуждения», куда, по выражению М. Гефтера, Вика окунется «по горло... и отнюдь не в отражательном смысле, а в самом активном». А тогда сколько усилий стоило протолкнуть рукопись в печать! Самые смелые и прогрессивные редакторы журналов читали, восхищаясь мужеством автора, и... возвращали рукопись. Лишь через год, благодаря вмешательству А. Битова, очерк «Архивный юноша» был опубликован в журнале «Нева» (1988, № 10).

«Образцовым еретиком» – «по любым ортодоксальным критериям (советским, антисоветским, религиозным, антирелигиозным)», и еретиком прежде всего на фоне отечественной политической традиции – назвала Чаликова А.Д. Сахарова: «Ярый спорщик, он не знал мелкой ненависти и никогда не впадал в экстаз мятежа»; «призывая быть бдительным к действиям, он избегал быть подозрительным к намерениям»; какими бы ни оказывались наши вожди за последние двадцать лет, он всегда желал одного: «Чтобы они были лучше, потому что так лучше и для них, и для мира, и для страны». Для Сахарова, неумолимо обличавшего зло во всех его видах, оно было «слишком элементарно, слишком делимо и разложимо, чтобы быть возведенным в абсолют, в статус Дьявола, то есть Антибога» (т. 2, с. 85, 80). Глубинной сутью Андрея Дмитриевича Виктория считала его страсть и способность к творчеству.

Сахаров сумел создать образ той реальности, которая возникла лишь вслед за этим образом. Сейчас мы к нему привыкли, но «еще пять лет назад это была чистая фантазия: назвать имена всех замученных тоталитарным террором; избрать свободно парламент; вернуть крымских татар в Крым; иметь много партий вместо одной; дружить с Америкой; свободно ездить за границу. И всю эту фантастику он не проповедовал – он ее видел, жил в ней, привык к ней, он ее всем существом своим хотел» (т. 2, с. 81).

С болью пишет Чаликова и о безвременной смерти Андрея Дмитриевича. Для нее это было личное горе – в последние годы они много общались. Вика была под обаянием его личности, понимала невосполнимость потери для страны и то, что «успех или поражение Реформации в любом обществе и в любое время зависят от наличия или отсутствия таких личностей в стане реформаторов» (т. 2, с. 83). Уже смертельно больная, после операции, она просила вслух почитать книгу воспоминаний А.Д. Сахарова, подаренную ей Е.Г. Боннэр. Трудно передать то глубокое, сродни религиозному, чувство, с каким слушала она исповедь близкого ей духовно человека. Виктории Чаликовой, воспитанной, как и Андрей Дмитриевич, в интеллигентной семье, сполна разделившей судьбу российской интеллигенции, были врожденно близки либеральные взгляды сахаровской семьи, глубочайшее уважение к столь любимому и ею В.Г. Короленко. Хочется вслед за Викой процитировать слова Некрасова: «У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает».

«Ересь первичного добра» – назвал свое предисловие ко второму тому сборника М. Гефтер, многие годы друживший с Чаликовой. «Не странно ли, – пишет он, – Добро в качестве ереси? На эти вопросы, собственно и отвечает Виктория Чаликова – всем, что она в последние годы написала, и всем, что она в эти же годы успела сделать».

Б.С. Орлов
НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ
ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ МАЦОНАШВИЛИ
(ПОСПЕЛОВОЙ)

Говорят, что люди, наделенные поэтическим даром, как бы предвидят свою кончину. Не всегда так получается. Иосиф Бродский, к примеру, не пришел «умирать на Васильевский остров», а похоронен на одном из островов Венецианской лагуны. Но вот Татьяна Николаевна что-то почувствовала, и это отразилось на ее стихах. Уже в 2000 году у нее родились такие строки:

*Ничего о грядущем не знаю...
На исходе последнего дня
Уплыву, растворюсь, исчезая,
Легким облачком тихо растаю,
Привыкайте вы жить – без меня.*

А в августе 2003-го:

*Ни о чем не прошу у природы.
Видно – время пришло уходить.
А мои недожитые годы
Детям, внукам хочу подарить.*

Но вот она возвращается летним вечером 2006 г. с работы в свою крохотную квартиру в Ясенево, и шалавый мальчишка-водитель сбивает ее с ног. Всю ночь сын Рафаэль разыскивает ее по московским больницам и моргам, а утром телефонный звонок со страшной новостью: «Мама умерла».

Мне пришлось взять на себя трудную миссию по составлению сборника, в котором частично, лишь частично, отражена ее жизнь – в стихах, научных статьях, в редакторской работе. Трудную, потому что более трех десятков лет мы работали бок о бок, издали огромное количество сборников, прежде всего по социал-демократической тематике (на одно перечисление этих сборников и других информационных материалов понадобилось два библиографических указателя). Но главное – было полное взаимопонимание в оценке непростых процессов, проходивших в СССР, а затем и в России. Только сейчас начинаешь понимать, что значила Татьяна Николаевна для всех нас.

В архиве Татьяны Николаевны несколько фотографий. И прежде всего – отца и матери. Николай Александрович и Евфимия Георгиевна Поспеловы. Взгляните на эти лица. Это люди из той России, которую мы почти потеряли. Николай был военным в царской России, участвовал в Гражданской войне, а когда началась война с германским нацизмом, ушел добровольцем на фронт, хотя ему пошел уже 51-й год и он мог бы получить отсрочку как учитель. Был контужен под Ржевом и скончался в госпитале в Плесе, том самом городке, где Левитан писал свою картину «Над вечным покоем».

Мама с редким ныне именем Евфимия родилась в семье с религиозными традициями. В семье деда было 12 детей, один из них принял сан священника и трагически погиб в концлагерях в Котласе в 30-е годы.

Детство Таня Поспелова провела на берегах Оки, в деревне с поэтическим названием Светлое. Позже она возьмет для своих стихотворений псевдоним Светловская.

Таня воспитывалась в атмосфере провинциальной интеллигентности. Родители преподавали литературу в школе. Сама она окончила школу с золотой медалью. Затем направилась в Москву и поступила в университет на исторический факультет. Уже здесь она познакомилась со своим мужем Борисом Мацонашвили. У них родилось двое детей – сын Рафаэль, дочка Наташа. Но жизнь не сложилась, и с 1975 г. они стали жить раздельно.

И Рафаэль, и Наташа пошли по стопам отца, работавшего в известном ФИАН. Сын стал специалистом по лазерной технике, а Наташа – программистом.

После окончания с отличием университета Татьяна Мацонашвили (на мой вопрос, почему сохранила грузинскую фамилию, ответила коротко: «Ради детей») преподавала историю в технику-

ме, затем работала экскурсоводом в Кремле. Мысленно пытаюсь представить ее за этим занятием. Кремлевские соборы. Царь-пушка. Оружейная палата. Мокрые от дождя кремлевские площади, и молодая девушка, рассказывающая очередной группе приезжих туристов (это самое начало 1960-х годов), что есть российская история, что означает она для всех нас.

А потом – пять-шесть лет интенсивных поисков, смена работы. Преподает историю в школе. Преподает историю и немецкий язык на подготовительных курсах в МГУ. Работает в деканате исторического факультета МГУ. Одновременно учится на вечернем факультете Московского педагогического института иностранных языков. И, наконец, главное решение в трудовой деятельности. В 1966 г. с хорошим знанием и русской истории, и немецкого языка поступила в Фундаментальную библиотеку по общественным наукам (ФБОН). Когда же на базе ФБОН был создан Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), она перешла в Отдел Западной Европы и Северной Америки, которым руководил Юрий Антонович Борко и благодаря которому в отделе поддерживалась обстановка интеллигентской терпимости и объективности подхода к анализируемым проблемам. Здесь она и проработала до последнего дня жизни – 40 лет.

В Отделе был создан Сектор по изучению международной социал-демократии, со временем превратившийся в научно-просветительский центр страны по отечественной и международной социал-демократии. В этом секторе и началось наше совместное сотрудничество, которое продолжалось до ее трагической гибели.

Диапазон интересов Татьяны Николаевны расширялся. Демократия в обществе и на производстве, социальное государство, культурные и духовные процессы в европейской жизни, перевод книг по истории СДПГ, издание избранных трудов сначала Вилли Брандта, а затем теоретика германской социал-демократии Вилли Айхлера, серия политических портретов и, наконец, проблемы современной России.

Но главное, что волновало Татьяну Николаевну, – это перспективы очеловечивания отношений между людьми. И здесь поэтическое восприятие происходящего органично перетекало в ее научные размышления. Приняв к сведению, что социализм в догматической трактовке дискредитировал себя, и дав этому соответствующую оценку, она вместе с тем продолжала настаивать на том, что без социальной утопии, основанной на реалистическом осмыслении происходящего, обществу, а тем более обществу, ос-

нованному на жестких рыночных императивах, не обойтись. В своей последней работе «Утопия и реальность в социал-демократическом проекте будущего» она писала: «Аллергия на само слово “утопия” в наше время объяснима: она возникла как реакция на утопию коммунизма. Однако “антиутопии” – Герберта Уэллса, Олдоса Хаксли, Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла и многих других, – которые взяли на себя важную общественную функцию предостережения людей от возникновения злых последствий изначально как будто добрых утопических намерений, сами по себе не предлагают ничего конструктивного. Отказ же от утопии вообще, как мне кажется, не только не оправдан – он ничего хорошего людям не сулит»¹²³.

Сопоставляя, что было совершено Татьяной Николаевной за последние 30 лет, задаешься вопросом: как она могла все это одолеть? Редактировать, завязывать контакты с зарубежными авторами. Писать статьи в отечественные и зарубежные издания. В 1994 г. в Кёльне выходит ее серьезная аналитическая работа «Наши парадоксы: Восприятие общечеловеческих ценностей в России»¹²⁴. А тут еще стихи, которыми она щедро одаривала ближайших сотрудников, и новая ситуация, когда по воле судьбы дочь Наташа с внуком Мишей переселились за океан, в Нью-Йорк. Здесь у Наташи возникла новая семья и родился еще один сын Даниил. И вот Татьяна Николаевна металась между Старым и Новым Светом, простаивая в очередях за визой в американском посольстве и зарабатывая случайными переводами деньги на билеты туда и обратно.

Перечитывая ее стихи /.../, приходишь к выводу, что в стихотворных образах она искала отдохновения и вдохновения для свершения того, что она считала важным и для близких, и для общества. Через эти стихи проходит главная тема: течение реки как подтверждение непрерывности бытия, тропинка вдоль реки, зовущая вдаль, и дом на высоком кособоре, за окном которого горит свеча поджидающего друга.

И при всей этой тотальной загруженности она считала своим нравственным долгом посещать все демократические митинги и собрания. И так – до самого последнего времени. Она была клас-

¹²³ Мазонашвили Т.Н. Утопия и реальность в социал-демократическом проекте будущего // Актуальные проблемы Европы. – М., 2006. – № 3. – С. 159.

¹²⁴ Mazonaschwili T. Unsere Paradoxe: Die Rezeption allgemeinhenschlicher Werte in Rußland. – Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1994. – 30 S. – (Berichte des BIOst.; N. 48).

сическим выражением того типа поведения, который немцы называют «Der mündige Bürger» (человек, осознающий свою долю ответственности за происходящее в обществе).

Вообще, все эти годы в жизни Татьяны Николаевны прошли в общении с демократически мыслящими людьми России. Так получилось, что по соседству одно время жила Надежда Яковлевна Мандельштам, и Татьяна Николаевна несколько раз посещала ее квартирку и общалась с ней – женщиной с пронзительным, острым умом, но, увы, уже ослабевавшим здоровьем. В начале 70-х годов она бывала на домашних концертах А. Галича, которые проходили у ее соседей – Н.П. Лисовской (известной правозащитницы) и Н.В. Кинд. В квартире Н.В. Кинд и ее мужа – физика И.Д. Рожанского бывали А.А. Ахматова и много других известных людей.

Тогда же, в начале 70-х, она познакомилась с ходившими в самиздате произведениями В. Шаламова, А. Солженицына, А. Марченко (жившего некоторое время между отсидками в лагере у Н.П. Лисовской). Именно в такой атмосфере формировались ее демократические убеждения и трезвое отношение к существовавшему в стране режиму.

Позднее у нее сложились доверительные отношения с известным российским философом Григорием Померанцем.

У Татьяны Николаевны были друзья и в Германии. Это, прежде всего, Сюзанна Миллер, жена Вилли Айхлера, – старейшая социал-демократка Германии (ей сейчас за 90). Это известные немецкие политологи Хайнц Тиммерманн и Дитер Хайнциг, их жены Тамара и Эллен. Она была в постоянном контакте с Сабиной Лемке, активно разрабатывавшей теорию этического социализма. Были тесные научные контакты с другими немецкими учеными, которые охотно откликались на ее предложение принять участие в задуманных ею тематических сборниках, особенно по вопросам демократии.

И отдельно – о ее редакторской работе. Она была, как говорится, редактором от Бога. Не давила на авторов, не подминала их под себя собственной правкой, но точно подмечала несовершенства в тексте, ставя на полях деликатные миниатюрные галочки. А когда ей что-то особенно нравилось, она возле высказанной мысли автора ставила восклицательный знак. Лично для меня получать восклицательные знаки в моих текстах было высшей похвалой.

Не все безоблачно было в личных переживаниях Татьяны Николаевны, что нашло отражение и в стихах. Она мыслила и чув-

ствовала масштабными категориями. Но было ощущение добра и света – в человеке и человечестве. И при этом без всякой патетики.

*Течет любовь, и нежность, и тепло.
От века прошлого к неведомому веку.
И свет – от человека к человеку.
И смерти нет, пока ему светло.*

Такой она и останется в нашей памяти – рязанская девочка Таня, вобравшая в себя краски родной природы на берегах Оки и позднее прожившая большую и сложную жизнь, – Татьяна Николаевна. Взглянем на фотографии, сохранившиеся в ее архиве. Вот ее родители. Вот она совсем молодая, но уже с требовательным взглядом на окружающее. Вот она при поступлении в ФБОН – типичная представительница движения «Народной воли», готовая пойти на любые жертвы ради счастья людей. Вот она с детьми – Рафаэлем и Наташей. Вот она в последние годы жизни – сама приветливость и доброта. И вот почти заключительный снимок – она только что закончила читать стихи, прикрыв глаза и находясь в образе.

...Русская девушка Таня Поспелова в своей жизни приобщилась к немецкой культуре, еще более тесные отношения сложились с грузинской культурой. И прежде всего, через своих детей. Но русское начало продолжало оставаться доминирующим. Прежде всего, в ее характере. И представляется уместным /.../ представить ее как Мацонашвили-Поспелову. Думается, что она не была бы против этого. А нам остается как можно дольше сохранить в памяти ее образ и пытаться поступать на основе нравственных императивов, без которых представить ее просто немыслимо – русскую интеллигентку, пронесшую достоинство через трудные времена.

Г.В. Хлебников
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АИПЕ (А.И. ПАНЧЕНКО)

Homo sapiens

О значительных людях часто, к сожалению, пишут так, что либо вообще не возникает никакого образа личности, индивидуального характера, т.е. совершенно безлико, протокольно, либо изготавливают расписной лубок народного героя и ангела во плоти, от которого сразу же хочется отвернуться как от заведомой лжи. Еще одна крайность появилась в последние лет 15, когда стали умышленно вытаскивать и выпячивать то, что называется по-английски «скелетом в шкафу». Между тем еще А.С. Пушкин метко заметил (смягчу и чуть изменю его слова), что великий человек и в своих недостатках совсем не такой, как те, кто только им и может у него подражать. Вот эту-то тонкую грань, которая всегда и во всем отделяет большого человека от мелкого и обыденного, мне и хотелось показать в своем наброске личных воспоминаний о необычном и крупном ученом, с которым мне посчастливилось близко работать.

Я познакомился с ним в 2003 г., когда ему было уже 58 лет, отмечал вместе с ним на банкете его 60-летний юбилей в ИНИОН (где стол отличался в том числе и необыкновенно вкусными винами, в которых он также был большим знатоком), находился на скорбной тризне после его похорон, отметил девять и 40 дней его смерти, потом годовщину этого печального события. Глупая, нелепая смерть: на пикнике, пробуя шашлык, в искусстве жарки которого он слыл знатоком, внезапно подавиться куском мяса, проскользнувшим в дыхательное горло, и умереть на глазах потрясенной и ничего не могущей сделать жены. В его глазах, по ее словам, «читалось с какой-то странной хитринкой»: «Ну, вот и все, прощай...»

А что здесь можно было сделать, если приехавшие удивительно быстро, буквально через несколько минут, врачи «скорой помощи» сказали Тамаре Егоровне: «Если такое происходит даже в больнице, рядом с операционной, то и там хирурги не успевают прооперировать горло и извлечь застрявшего убийцу». И подобные смерти, оказывается, нередки. Если не каждый, то очень многие на тризне вспоминали аналогичные трагедии, происшедшие с их знакомыми.

63 года – это не так уж немного в стране, где средняя продолжительность жизни мужчин 56–57 лет, но ничтожно мало для того, кто полон творческих планов, интересных идей и проектов. А их было ох как много, хотя незадолго до смерти он мне признавался: «Уже становится тяжело, сил все меньше...» И выражение глаз – растерянно-беспомощное, как будто он недоумевал: как такое может быть? Ведь он еще так много хочет и в состоянии сделать!

В эти пять с небольшим лет мы встречались с ним раза три-четыре в неделю и часто переписывались по электронной почте. Компьютером АИП, как он сам себя именовал в Сети, владел профессионально, выполнял даже работу по форматированию в готовый макет всей серии нашего реферативного журнала, хотя работать на клавиатуре ему приходилось всего одним, к тому же еще искривленным из-за болезни пальцем правой руки.

Помню первое впечатление от Александра Ивановича. Передо мной стоял невысокий, очень скромно одетый человек (он обычно ходил в сером, кое-где самостоятельно подшитом пиджачке, одетом на простую рубашку, и мешковатых джинсах), с полулысой головой, которую он время от времени во время нашего разговора почесывал почему-то одним пальцем (тогда я еще не знал, почему), умно-холодноватыми, оценивающими, какими-то вечно печальными глазами и бросавшейся в глаза интеллигентностью всего внутреннего и внешнего облика: от легкой угловатости фигуры с несколько неуклюжими руками, которые он как будто не знал, куда деть, до очень точных, словно выверенных лекалом слов того правильного русского языка, на котором он так изящно писал и говорил. И очень скоро обнаружилась главная черта его характера: стремление и умение творить добро, быть полезным людям и Учреждению, в котором он работал. Собственно это нас внутренне и сблизило – сразу и бесповоротно: во времена, когда зоологический эгоизм и даже откровенное бравирование злом стали едва ли не кумирами массового сознания, он оставался одиноким рыцарем добра, щепетильно честным и бескомпромиссным во всем.

Помню (*si parva licet componere magnis*), с какой тщательностью он возвращал мне – до копейки! – свою часть трат на общий стол дружеской пирушки. А если у него в карманах не оказывалось какой-то мелочи, не забывал возвратить ее при следующей встрече, будь то через день-два или неделю, и никогда не успокаивался, пока не принуждал взять обратно эти рубль-два-пять...

С ним было легко работать, хотя он, человек изумительной честности и чести, никогда не останавливался перед тем, чтобы принципиально требовать исполнения всех надлежащих служебных обязанностей даже от своих друзей и учеников. Однажды один из них, опубликовав книжку аналитических обзоров (и очень хорошую книжку!), не дал для текущего РЖ требуемое количество рефератов – и тут же оказался вызванным к замдиректора для дачи объяснений. Я тоже, проработав всего несколько месяцев, неожиданно увидел себя сидящим за тем же столом – оказывается, надо было сдавать рефераты не по количеству, как я почему-то наивно полагал, а листажу, не менее 1,5 авторских листов с человека. Урок хорошо запомнился, хотя казалось, что мой проступок я совершил по незнанию (как и коллега, который почему-то считал, что листы обзора засчитываются как рефераты), но ведь делу от этого лучше не стало. Узнавать свои обязанности все же следовало нам. Мы с коллегой исправились, сдали дополнительные рефераты, и отношения ничуть не пострадали – ошибаются все, важно не перекладывать свою вину на окружающих, исправлять свои провинности и уметь делать выводы, чтобы обращать поражения в будущие победы.

Несмотря на свой небольшой рост, мешковатый костюм и что-то неуловимо комическое во всей внешности, АИП обладал своей особой серьезностью и харизмой. Все, о чем бы он ни говорил, приобретало особую значимость и глубину, подчеркнутую каким-то непривычным, неожиданным и оригинальным ракурсом мысли, так что после разговора с ним вы еще долго ходили под впечатлением услышанного, рассматривая и продумывая все, что сказал этот лаконично говорящий, но глобально мыслящий человек.

Кажется, о таких американцы уважительно говорят: «He has a way with himself». Он думал над каждым произносимым словом, избегал не только шаблонных слов, но и ходячих мыслей. В разговоре с ним вы чувствовали себя больше и значительнее, вам удавалось выразить мысли, которые бы, ни с кем иным, иначе просто не пришли бы в голову. И в этом проявлялся его оригинальный дар педагога, который привлекал к нему аспирантов, молодых лю-

дей, часто приходивших в Отдел, чтобы поговорить с ним о своих темах, увидеть материал его глазами, прочувствовать проблему более высокой и тонкой мыслью, умудренного интеллектуальным опытом сознания Учителя. А опыта у него, работавшего с 1971 г. в Отделе философии ИНИОН АН СССР (после известных перемен – РАН) и с 1986 г. – заведующего этим Отделом, хватало на всех, на все случаи жизни. Все можно было высказывать, все полагалось обсуждать. Не было запрета на любые вопросы, свобода поиска не ограничивалась ни конъюнктурой политики, ни идеологией. Отталкиваясь от его мысли, легко было развивать свои собственные, которые он всегда внимательно и благожелательно выслушивал, почти никогда не возражая прямо, если был с чем-то не согласен, а только тут же, параллельно, излагал свой взгляд на вещи, как бы предлагая сравнить и самому сделать нужные вам выводы.

Но с ним было хорошо и хранить тишину (редкое качество среди людей!). Это было не глухое, тяжелое или неловкое молчание, а какое-то особое состояние синусии, совместного бытия «с чувством локтя», в котором как-то по-особому легко, окрыленно работает и которое воспринимается как некая виртуальная наполненность доброжелательностью, готовой проявиться в любую минуту...

При этом он не только учил, но и все время охотно учился сам, как-то легко абсорбируя и ассимилируя не только новую информацию, получаемую им отовсюду, но и более эффективные навыки работы руками: от компьютера, на котором он находил и применял упрощенные комбинации клавиш, до, например, последней модели консервного ножа, который ему однажды привезли из Германии. Он с гордостью демонстрировал нам, как легко и аккуратно вскрывается теперь даже маленькая консервная банка с икрой, если вы, конечно, правильно установите это устройство на ее крышке и будете куда надо поворачивать ключик (что у меня, помню, без его подсказки сразу не получилось).

У него была страстная любовь к ИНИОН, этому уникальному информационному комплексу, перерабатывающему и синтезирующему, по существу, все социальное и гуманитарное знание в бывшем СССР и большую его часть в современной России, – та любовь, которую может понять, наверное, только такой же интеллектуал и преданный познанию человек, как он. Он так гордился этой работой, местом, занимаемым в системе ИНИОН, что даже отказался остаться в США еще в начале 1990-х, когда, по его словам, на Запад выехало 50 тыс. одних только докторов наук.

Иногда казалось, что он чувствует себя членом какого-то особого Ордена посвященных в высшее Знание, невидимым потоком связывающим прошлое, настоящее и будущее...

Ему нравилось просто узнавать новое, он мог часами «плавать» в Интернете, находить сайты с полезными для нас изданиями западных философских журналов, адреса которых тут же сообщал нам всем, положив листок под стекло на столе сетевого компьютера.

Кроме английского (на котором он не только бегло читал, но элегантно писал), АИП знал еще немецкий и украинский; причем последний был его вторым родным языком (по отцу). Мне он устроил настоящий экзамен по тем языкам, знание которых мог сам проверить: как-то я переводил ему прямо с экрана монитора испанский текст о мистицизме Витгенштейна, другой раз он прислал мне из книги Куно Фишера, которую тогда редактировал, несколько искаженных фраз по-латыни, которые я исправил и переслал ему по электронной почте, получив вскоре обратно письменную благодарность, а несколько позже – и приятное чаепитие в его кабинете с обсуждением творений старых мастеров мысли. С немецкими же текстами мы просто вместе с ним работали on-line, переходя от статей одного журнала к другому. Увы, разговаривать на инязах он решительно отказывался, хоть я и говорил ему что-то о приходящих в запустение речевых навыках, об обратном позитивном влиянии на родной язык разговоров на иностранных и как-то даже привел известный приказ Петра I, повелевшего в «ассамблеях» изъясняться на чужих идиомах, дабы «дурака от умного отличить можно было». Он засмеялся и уличил меня в маленьком лукавстве: «Это Петр о выступлении без бумажки говорил!»

Он любил шутку, остроты, соленый анекдот (хотя я практически ни разу не слышал от него матерной ругани), хороший юмор, меткую фразу, тонкость мысли. Помню, как на какой-то праздник (кажется, 23 февраля, которое мы отмечали как «мужской день») я принес в Отдел 250-граммовую бутылочку коньяка «Кутузов» и, прежде чем вынуть его, спросил: «Какой коньяк лучше “Наполеона”?» Он немного задумался, пожал плечами: «Не знаю. Никакой, наверное?» – «Кутузов!» – с торжеством провозгласил ваш покорный слуга, доставая из портфеля фирменный флакончик. Шутка так понравилась, что к следующему торжеству (по случаю 8 Марта, наверное) он сам купил аналогичный сосуд и при мне задал тот же вопрос своему старинному другу, профессору МГУ В.А. Яковлеву, который часто разделял его застолья. А когда

тот не нашелся, уже сам, торжествуя, водрузил на стол победителя французов. Алкоголь АИП, несмотря на все огорчения своей личной жизни, потреблял умеренно, всегда только по каким-либо праздникам, любил хорошую закуску (например, спаржу к водке, которую, правда, почти не пил, или к коньяку – обязательный лимончик, который он обмакивал в сахар) и всегда приговаривал: «Нам ведь не обязательно все допивать – зачем же в бутылках пробки?!» (И, бывало, пробки тоже шли в дело). Он дорожил маленькими радостями жизни, умел быть счастливым сам и устраивать праздники другим людям, как бы говоря: человеческое существование так трагично, шатко, ненадежно, что нельзя лишать его еще и этих простых удовольствий. Своим поведением он предлагал реалистический пример полнокровного существования, наполненного интенсивной работой мысли, но не лишеного и других красок человеческого бытия.

Как у каждого значительного человека, в его жизни также было много странного, загадочных совпадений. Это видно и в дате его смерти: 18.8.08 – три восьмерки, которые в нумерологии значат «завершение, совершенство». Он и завершил свой род, не оставив биологических детей (о чем, правда, всегда сожалел в личных беседах, с легкой и печальной завистью расспрашивая о наших детях), но написав множество прекрасных работ по философским проблемам, главным образом, естествознания и физики, в которой был прекрасным профессионалом (окончил факультет физической и квантовой электроники Московского физико-технического института – знаменитого на весь мир Физтеха!) – и не только. А философия – это особый склад ума (*état d'esprit*, как говорят французы) и личности. Хотя и здесь его специальному образованию может позавидовать каждый: окончил аспирантуру того же института по специальности «Философские вопросы естествознания» (1971). А он был подлинным философом, никогда не называвшим себя этим словом, однако во всем следуя тому узкому Пути, который предписывает внутреннюю сдержанность, постоянное напряжение и сосредоточенность ума на внутренней, невидимой схеме мира, тех трансцендентных концептах, которые стоят за всеми вещами и процессами. И ад постоянных сомнений во всем, и точную выверенность каждой фразы в научном дискурсе, и вечный поиск достоверности вместе с какой-то пунктуальной требовательностью к себе. Муки поиска истины, рождающие не только ее, но и тебя самого, нового, преображающегося в этих поисках в нечто большее и лучшее, чем до их начала. Может быть, он имен-

но поэтому так ценил в моих исследованиях ту часть, которая была посвящена древним и малоизвестным сейчас психотехникам античных философских школ, метаморфозе человека в сверхчеловеческое состояние.

Со временем (и с возрастом) проблема рационального устройства мира, антропный принцип, Мировой разум интересовали его все больше. «Космос разумен!» – неоднократно говорил мне АИП¹²⁵. Но если это верно, то можно ли тогда установить с ним какую-либо коммуникацию, связь? Светский человек, всю жизнь посвятивший чистому мышлению, математике и рациональной философии, он так постепенно обращался к религии, идее Бога как миротворца и зиждителя. Ходил в церковь, говорил: «А я сегодня в Храме поставил две свечи!» Ему, много лет бывшему не только членом КПСС, но и секретарем партгруппы Отдела философии ИНИОН (по определению – самого идеологического!), это было особенно трудно. Трудно было внутренне «повернуться» в ту «сторону», но он сделал и этот поворот в своей жизни, даже начал поститься по отдельным дням. Заинтересовался какой-то христианской сектой «истинных православных» в Липецке, откуда был родом и где у него жила старушка-мать. Для присмотра за ней он нанял особую женщину, которой потом, после смерти матери за несколько месяцев до его собственной, задешево продал или, скорее, уступил квартиру. Деньги для него никогда не были кумиром, и он часто с сарказмом отзывался о тех, кто измерял человека суммой его банковского вклада.

Женщина, присматривавшая за его матерью, входила в эту секту, и он был несколько раз на их моленьях, разговаривал со странными личностями, могущими, в том числе, успешно лечить людей простыми прикосновениями пальцев и чтением молитв, изучал их апокрифические документы, по которым даже поместил небольшой обзор в РЖ, за что тут же получил нагоняй от руководства, чем чуть-чуть гордился: за истину пострадал!

Мужественный человек, он очень упорно боролся со своими трудноизлечимыми болезнями, методично пробуя все и всеобщепотребительные, и народные, и нетрадиционные средства, и затем ак-

тивно рекомендуя то, что помогло лично ему: «От болезней легких, – говорил мне, – употребляйте барсучий или медвежий жир. Налейте в стакан горячего молока, растворите в нем столовую ложку этого жира и выпейте на ночь! Два-три дня – и от вашего воспаления не останется и следа». Увы, мне, закоренелому вегетарианцу, так и не удалось преодолеть врожденное отвращение к животному жиру и воспользоваться его искренним советом. Помню также, как мы с ним ходили на соборование в Марфо-Мариинскую обитель к отцу Виктору. Выслушав мой рассказ о поразительном излечении там моих хронических вывихов плечевых суставов во время семикратного миропомазания семи различных священников, он решил попробовать таким же образом вылечиться от своего псориаза. Но так и не решился, как велит канон, сначала пойти к батюшке на исповедь, а без этого исцеления, к сожалению, не произошло...

Зато через неделю ему где-то удалось достать адрес какого-то китайца, который лечит у себя на квартире иглокалыванием, используя передаваемые в его роду от отца к сыну особые знания. Жаловался, что дороговато: по 900 руб. за сеанс в 40 минут, однако ходил и пролечился весь курс из 30 посещений. «Помогло?» – поинтересовался я. «Отчасти: тело очистилось, но, – добавил, – теперь все перешло на кожу головы, чешусь все время...» И обреченно махнул рукой: китаец, мол, предлагает следующий, продолжающий курс излечения, еще 30 сеансов.

Свои намертво скрюченные пальцы он, после долгих консультаций также решился оперировать, хотя вероятность успеха была 50 на 50. Почти месяц лежал в больнице (в отдельной палате на одного человека! – с гордостью говорил мне), заплатил хирургам по пять тысяч рублей и все-таки добился успеха: два пальца на правой руке обрели некоторую подвижность.

Он с радостью ходил на байдарках, путешествовал, после работы иногда играл со мной в шахматы, охотно проводил время в пестрых беседах за дружеским застольем, предпочитая небольшую компанию. Потрясая тремя тогда скрюченными на правой руке от странной болезни пальцами, с грустью объяснял, почему он не может играть в теннис и водить автомобиль. А как хотелось бы... Впрочем, спорт он особо не жаловал: не смотрел, в частности, футбол (и в этом мы тоже сошлись характерами). Зато так восхищался классической музыкой, что приобрел две высококачественные колонки к компьютеру и зачарованно слушал записи с компакт-дисков.

¹²⁵ См. например: Панченко А.И. Ноокосмологическая картина (модель) мира // Россия и современный мир. – М., 1997. – № 4 (17). – С. 131–150; Васильева Т.В., Панченко А.И. Космическое сознание, или Душа Вселенной // Человек: Образ и сущность (Гуманитарные аспекты). – М., 1997. – С. 42–64. (Правильно «Васильева Т.Е.». – Прим. ред.)

По природе он был из тех мыслителей, которые легко и изящно выражают свои мысли пером на бумаге, но не всегда свободно могут выразить их в устном слове. Зная за собой эту особенность, он избегал читать публичные лекции, но всегда охотно входил, например, в экзаменационные комиссии, где его глубокие вопросы и замечания проясняли вопросы, выражали суть проблемы, помогая и экзаменаторам, и экзаменуемым.

Он любил эту работу в ИНИОН, предоставляющую, в том числе, широкие возможности для распространения научного знания среди тех, кто желает его получить, жил ею и в ней, находя время одновременно интересоваться всем на свете: от рыбной ловли в редких отпусках до НЛО, которое он сам видел и всегда подробно рассказывал, когда я его спрашивал, стараясь выпытать что-нибудь новое. Среди моих близких знакомых он был четвертым, кто наблюдал это загадочное явление. Сам же я, не попав в число таких счастливых (или наоборот?), был только однажды на месте посадки в 1984 г. «тарелки» в Домодедово, где многочисленные очевидцы, собравшись на примятом феноменом поле, эмоционально делились своими наблюдениями. В нем жила та древняя любознательность, которую Аристотель в самом начале своей «Метафизики» объявил свойством человеческой природы и которая, увы, сейчас встречается все реже и реже даже у тех, кто по дипломам числится ученым... А он с внутренней увлеченностью стремился разгадать великую загадку жизни: кто мы? Откуда пришли? И куда идем? И зачем? И почему? И что нам делать? И на что надеяться? Интересовался самыми современными открытиями в квантовой физике, «запутанными состояниями», уже реализованной телепортацией, в том числе проблемой мгновенного переноса информации на неограниченные расстояния, которую он, кажется, иллюстрировал следующим примером: «Представьте, что два брата находятся в разных концах Вселенной. У одного из них рождается ребенок. Тем самым второй брат сразу же становится “дядей” этого ребенка, где бы он ни находился и знает ли он об этом субъективно или нет!»

Он был также прекрасным организатором науки, умел создавать и создал из разнохарактерных творческих личностей эффективный коллектив, десятилетиями выпускавший одну из лучших в ИНИОН серий реферативного журнала, которая неоднократно получала награды и премии на профессиональных конкурсах. Его исследовательские проекты неизменно пользовались поддержкой серьезных научных фондов, а получаемые по грантам значитель-

ные суммы он тратил большей частью на сложную, высококачественную технику, которую потом *gratis* передавал сотрудникам, но, по его словам, не от всех получая в ответ даже простую благодарность. Он так и не привык к человеческой неблагодарности. Моргая своими близорукими глазами, как-то жалобно говорил мне: «Но как же так? Я же ему все это бесплатно передал, а он мне теперь что делает?..»

При этом сам был удивительно благодарным человеком, можно сказать, не оставлявшим ни одно доброе дело неотблагодаренным. Помню, вначале это меня в нем особенно поражало: делаешь вроде само собой разумеющееся, например, быстро напишешь дополнительные реферат-два в наш РЖ, когда кто-то не выполнит свою норму, и он тут же, вслед за сдачей номера, после работы зовет к столу: «Нет, нет, я Вас угощаю!» Стоило мельком поинтересоваться какой-либо новой компьютерной программкой или интересным сайтом – и чуть ли уже не на завтра неожиданно получаешь по электронной почте эту ссылку или даже саму программу. Даже неловко...

Маркс как-то сказал, повторяя, наверное, чьи-то слова, что именно в отношении к женщинам проявляется вся суть человека. И в отношении к ним он был трогательно старомоден и говорил о них (впрочем, редко, такие разговоры им особо не поддерживались) с какой-то подчеркнутой церемонностью, всегда именовал их «дамами» и, рассказывая о своих давних романтических увлечениях с неизменным уважением к героине, всегда умел деликатно остановиться, при этом всем своим видом будто говоря словами одного из героев Набокова: «О, если бы можно было это рассказать!» При этом был абсолютно снисходителен к чужим слабостям, допуская для других то, чего сам чуждался, и обычно говоря: «Ну, все мы люди, это же так понятно...»

Я никогда не видел его раздраженным, ругающимся, на кого-то кричащим. Такое даже трудно вообразить. Помню, как однажды он пришел на работу растерянный и недоумевающий. Показывая надорванный рукав своей только что купленной «аляски», он пожаловался: «Еду в автобусе – с билетом, разумеется. Вдруг заходят два разбойного вида молодца, представляются контролерами на линии и направляются почему-то прямо ко мне. “Ваш билет!” – Показываю. Так один из них выхватывает его у меня из рук, тут же рвет, бросает под ноги и заявляет, что этот билет недействительный и я обязан платить штраф, сто рублей! Пытаюсь отказаться, – они хватают за руки, – вот, рукав порвали! – и тащат

из автобуса, чтобы, скорее всего, там избить и ограбить. Что делать, пришлось отдать им 100 рублей, явно на водку». И он печально покачал головой. И ни крика, ни ругани, ни угроз...

Только грусть и олимпийское спокойствие, которое и подбавляет тому, кто, как говорили древние, уже «изваял свою статую».

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ*

Верченев Лев Николаевич (р. 25 октября 1938, с. Колударово Земетченского р-на Пензенской обл.). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1961). Кандидат философских наук (1970). Специалист по социальной философии и политической науке. В ФБОН-ИНИОН с 1968 г. Руководитель Центра социальных научно-информационных исследований.

Виноградов Владимир Алексеевич (р. 2 июля 1921, Казань). Окончил Московский государственный институт международных отношений (1948). Кандидат экономических наук (1954), доктор экономических наук (1965). Член-корреспондент АН СССР (1966), действительный член АН СССР (1984), действительный член РАН (1991). Лауреат Государственной премии СССР (1982). Специалист по экономической истории, организатор научно-информационной деятельности в области общественных наук. В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН. С 1998 г. – советник РАН. Внес вклад в разработку теории и практики информации в области общественных наук, организацию первых информационных центров по общественным наукам в Академиях наук союзных республик. Был научным руководителем Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АЙСОН), председателем Головного органа Международной информационной системы социалистических стран по общественным наукам (МИСОН). Под его руководством ИНИОН стал научно-информационным центром международного значения.

* В разделе представлены сведения об авторах материалов, а также о сотрудниках ФБОН-ИНИОН, которым посвящены портретные очерки во второй части сборника.

Гапочка Марлен Павлович (26 ноября 1931, Москва – 23 мая 2003, Москва). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1954). Кандидат философских наук (1962). Специалист по истории философии, историческому материализму, научному коммунизму. В 1973–1997 гг. – заместитель директора ИНИОН по научной работе. Был заместителем председателя Головного органа Международной информационной системы социалистических стран по общественным наукам (МИСОН).

Делюсин Лев Петрович (р. 16 ноября 1923, Москва). Окончил Московский институт востоковедения (1950). Кандидат исторических наук (1962), доктор исторических наук (1971), профессор. Специалист по новейшей истории Китая. В 1970–1972 гг. – директор ИНИОН. С 1990 г. – главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН.

Игрицкий Юрий Иванович (р. 16 февраля 1934, Москва). Окончил английский факультет I Московского государственного педагогического института иностранных языков (1957). Кандидат исторических наук (1972). Специалист по зарубежной историографии истории России. В ИНИОН с 1973 г. Заведующий Отделом Восточной Европы Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Главный редактор журнала «Россия и современный мир».

Кузнецова Софья Иосифовна (1 января 1923, Витебск – 28 октября 2010, Москва). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1949). Кандидат исторических наук (1950), доктор исторических наук (1972). Специалист в области востоковедения и африканистики. Работала в ФБОН-ИНИОН в 1954–2010 гг. В 1970–1988 гг. заведовала Отделом стран Азии и Африки. В 1988–2010 гг. – главный научный сотрудник Отдела Азии и Африки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. В 1972–2010 гг. – главный редактор серии «Востоковедение и африканистика» реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература».

Кулькин Анатолий Михайлович (р. 15 декабря 1928, пос. Фабричный Джамбульского р-на Алма-Атинской обл.). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1953). Кандидат философских наук (1969), доктор философских наук (1988).

Специалист по науковедению. В ИНИОН с 1970 г. Руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям. Главный редактор серии «Науковедение» реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература».

Матвеева Елена Юрьевна (р. 5 декабря 1948, Берлин (Германия)). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1961). Кандидат исторических наук (1987). Специалист по истории Польши. В ИНИОН с 1973 г. Заведующая Сектором научно-библиографической информации по гуманитарным наукам Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки. Ответственный редактор серии «История. Археология. Этнология» библиографического указателя «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам».

Мационашвили Татьяна Николаевна (17 ноября 1931, с. Светлое Сасовского р-на Рязанской обл. – 23 августа 2006, Москва). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1954). Работала в ФБОН-ИНИОН в 1966–2006 гг. Была старшим научным сотрудником Отдела Западной Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Мдивани Роберт Робертович (р. 30 июля 1933, Тбилиси). Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета (1956). Кандидат филологических наук (1966). Специалист в области информатики, прикладной лингвистики и библиографоведения. В ИНИОН с 1970 г. Ведущий научный сотрудник Отдела электронных информационных технологий Центра информатизации, руководитель Группы разработки и ведения тезаурусов.

Орлов Борис Сергеевич (р. 19 мая 1930, Рязань). Окончил международно-правовой факультет Московского государственного института международных отношений (1954). Кандидат исторических наук (1971), доктор исторических наук (1984). Специалист по проблемам международного социал-демократического движения. В ИНИОН с 1971 г. Главный научный сотрудник Отдела Западной Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Панченко Александр Иванович (9 марта 1945, Липецк – 18 августа 2008, Конаково Тверской обл.). Окончил факультет физической и квантовой электроники Московского физико-технического института (1968). Кандидат философских наук (1971), доктор философских наук (1983). Специалист по философии науки. Работал в ИНИОН в 1971–2008 гг. В 1986–2008 гг. – заведующий Отделом философии, главный редактор серии «Философия» реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература».

Пивоваров Юрий Сергеевич (р. 25 апреля 1950, Москва). Окончил факультет международных отношений Московского государственного института международных отношений (1972). Кандидат исторических наук (1981), доктор политических наук (1995). Член-корреспондент РАН (1997), действительный член РАН (2006). Специалист по истории права, общественной мысли и политической истории России XIX–XX вв., истории Германии, теории и методологии социальных и гуманитарных наук. С 1998 г. – директор ИНИОН РАН. Под его руководством в конце 1990-х – начале 2000-х годов проведена работа по совершенствованию библиотечной инфраструктуры и традиционной системы информационных изданий, а также превращению ИНИОН в центр междисциплинарных исследований и дискуссий.

Ракитов Анатолий Ильич (р. 26 августа 1928, Москва). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1952). Кандидат философских наук (1956), доктор философских наук (1966), профессор (1968). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995). Специалист в области философии и науковедения. В ИНИОН с 1971 г. В 1971–1986 гг. был заведующим Отделом философских наук. Главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям.

Рековская Инесса Феликсовна (17 марта 1932, дер. Мекуниха Солнечногорского р-на Московской обл. – 5 июня 2000, Москва). Окончила факультет библиотековедения Московского библиотечного института (1955). Работала в ФБОН-ИНИОН с 1956 г., в 1970–1990 гг. – в Отделе научного коммунизма. Была ответственным секретарем редколлегии серии «Проблемы научного коммунизма» реферативного журнала «Общественные науки за рубежом».

Скворцов Лев Владимирович (р. 30 марта 1931, пос. Молочное Вологодской обл.). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1954). Кандидат философских наук (1958), доктор философских наук (1968), профессор (1974). Специалист по истории философии, социальной философии, культурологии. С 1988 г. – заместитель директора ИНИОН по научной работе. Руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований. Действительный член Международной академии наук информации, информационных процессов и технологий (1994), Академии гуманитарных исследований (1995). Главный редактор ежегодника «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», шеф-редактор научно-информационного бюллетеня «Россия и мусульманский мир», председатель редколлегии серий «Лики культуры», «Книга света», «Российские пропилеи», «Humanitas», «Summa culturologiae», «Зерно вечности».

Смирнова Марина Николаевна (р. 14 июля 1944, Москва). Окончила факультет библиографии и библиотековедения Московского государственного института культуры (1966). Специалист в области информатики, библиографоведения и автоматизации информационно-библиотечных процессов. В ФБОН-ИНИОН с 1966 г. Старший научный сотрудник Отдела электронных информационных технологий Центра информатизации, руководитель Группы унификации информационно-библиографических сведений.

Тарасов Лев Николаевич (р. 1 марта 1936, Свердловск). Окончил факультет самолетостроения Московского авиационного технологического института (1965). Кандидат экономических наук (1982). Специалист в области проектирования и внедрения технологического обеспечения автоматизированных систем. Работал в ИНИОН в 1976–1984 гг. Был заведующим Сектором исследований и разработки информационной технологии Отдела исследований и разработки информационных систем, заместителем Главного конструктора Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН).

Хисамутдинов Вильям Ризатдинович (21 октября 1930, Томск – 27 сентября 1999, Москва). Окончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1954). Кандидат физико-математических наук (1972). Специалист по комплексным проблемам автоматизации

в области социальных и гуманитарных наук. Работал в ИНИОН в 1975–1999 гг. В 1976–1991 гг. был заведующим Отделом исследований и разработки информационных систем, в 1991–1999 гг. – заместителем директора по научной работе. Главный конструктор Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН) и Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН).

Хлебников Георгий Владимирович (р. 10 сентября 1949, Мариямполь (Литва)). Окончил философский факультет ЛГУ им. А.А. Жданова (1977). Кандидат философских наук (1984). В ИНИОН с 2007 г. Специалист по истории философии и религиоведению. Заведующий Отделом философии Центра гуманитарных научно-информационных исследований. Главный редактор серии «Философия» реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература».

Чаликова Виктория Атомовна (23 июля 1935, Орджоникидзе – 18 мая 1991, Гамбург (Германия)). Окончила Славянский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (1958). Кандидат философских наук (1973). Специалист по литературной утопии и антиутопии, проблемам либерализма. Работала в ИНИОН в 1971–1991 гг. в Отделе научного коммунизма и Лаборатории теории и истории культуры.

Шевырин Виктор Михайлович (р. 17 июля 1941, пос. Зубово Клинского р-на Московской обл.). Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1968). Кандидат исторических наук (1973). Специалист по истории России. В ИНИОН с 1971 г. Ведущий научный сотрудник Отдела истории Центра социальных научно-информационных исследований.

Шкаренков Леонид Константинович (27 декабря 1921, Москва – 14 июня 1999, Москва). Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1956). Кандидат исторических наук (1956), доктор исторических наук (1983). Специалист по проблемам русского зарубежья. Работал в ИНИОН в 1970–1999 гг. В 1970–1988 гг. заведовал Отделом социалистических стран. Основатель и первый главный редактор (1992–1999) журнала «Россия и современный мир».

Именной указатель

Archangelskaya W., 85	Pozdniakova M., 90	Арбатов Г.А., 58, 59
Atkinson D., 90	Prytkov E., 85	Арванцова Н.П., 145, 155
Basarnova S., 85	Ruble B., 89, 90	Арзумян А.А., 47
Bondarenko I., 90	Schott H., 85	Аристотель, 236
Chervakov V., 89, 90	Skvortsov L., 89, 90	Арифюлов Н.Ф., 18
Dorohina O., 85	Solovjewa W., 85	Архангельская В.А., 76, 81, 83, 85, 87, 150
Dorokhina O., 89, 90	Sucker D., 85	Астор Н., 197
Fisher W., 89, 90	Teeter M., 89, 90	Ахматова А.А., 226
Goudsblom J., 168	Verchenov L., 89	Ашанин Ф.Д., 72, 73
Kositschenko N., 85	Vinogradov V., 89, 90	Ашрафян К., 48
Labuzina R., 85	Авдулов А.Н., 100, 108, 109, 113	Бабушкин В.У., 117
Levina G., 89, 90	Авраменко В.С., 202	Базарнова С.В., 83, 85, 87
Lushnikova O., 90	Айхлер В., 224, 226	Байбаков Н.К., 13
Magaii E., 90	Александров А.П., 37	Барыкина О.А., 76, 92, 93, 96
Magaj E., 89, 90	Алексеев Н.Г., 92	Басов Н.Г., 41
Magaj H., 85	Алексеева К.П., 50	Бек Ю., 133
Manuel F.E., 216	Алексеева Л.В., 79, 87, 160	Беленький И.Л., 71, 83, 87, 118
Mdivani R., 85, 89, 90	Алексеева Л.М., 65	Белкин А.И., 110
Nase A., 85	Алиев Г.А., 47	Белугин А., 71
Oja M.F., 90	Али-заде А.А., 110	Белугина Н.Г., 138
Osinov V., 89, 90	Андрианова Т.В., 114, 115	Бельский А.Г., 169
Pliushchev V., 89, 90	Андропов Ю.В., 57, 58, 59, 60	Беляев Е.А., 92
	Антонюк Г.С., 71, 87	Бергер Я.М., 16, 61, 219
	Арацкая Н.И., 138	Бердяев Н.А., 62, 185, 215

- Березин Ф.М., 16, 45, 70
Бжезинский З., 177
Бирзович В.Л., 81
Бирман Д.А., 73
Битов А.Г., 220
Блинкин Я.А., 191
Бовин А.Е., 58, 60
Богданов А.А., 215
Богданова Л.А., 45, 46
Богомолов О.Т., 58, 60
Бонгард-Левин Г.М., 167
Боннэр Е.Г., 221
Борисова Г., 207
Борко Ю.А., 115, 224
Боровик М.А., 81, 87
Брандт В., 29, 224
Брежнев Л.И., 58, 59, 60, 62
Бродский И.А., 176, 222
Булгаков М.А., 65
Бунимович Н.Т., 71, 72
Бунин И.М., 177
Бурлацкий Ф.М., 58
Бурцев В.Л., 194
Буссе Н.В., 125, 126, 127, 131, 133, 134, 135
Бычков В.В., 166
Васильева Т.Е., 117, 229, 234
Вебер М., 116
Веденяпин Я.С., 191
Верченев Л.Н., 87, 179, 215, 239
Виленская С.К., 46, 50, 78, 80, 151, 160
Виноградов Ал.В., 42
Виноградов Анд.В., 42
Виноградов В.А., 6, 9, 14, 53, 54, 64, 69, 70, 71, 76, 79, 80, 84, 85, 89, 90, 95, 101, 102, 103, 116, 117, 118, 119, 139, 142, 150, 151, 153, 155, 159, 162, 164, 180, 185, 186, 187, 199, 202, 208, 211, 239
Виноградова М.Б., 42
Виноградова Т.В., 108
Винокур Э.М., 73, 74
Витгенштейн Л., 232
Владигеров Т., 133
Владиславлева Т.В., 127, 137, 138
Волохова А.А., 76
Вольфсон Л.Ф., 116
Воскресенская И.Н., 15, 16, 78
Врангель П.Н., 194
Вулых Е.П., 19
Высоцкий В.С., 183
Выхрыстюк-Андреева И.С., 117, 179
Галинская И.Л., 117, 169
Галинский А.Р., 117
Галич А.А., 226
Гапочка М.П., 6, 16, 46, 75, 204, 211, 212, 213, 214, 240
Гафуров С.З., 64
Гвишиани Д.М., 112
Гераклит Эфесский, 170
Гетьман И.П., 138
Гейфтер М.Я., 220, 221
Гецелевич А.Б., 93, 111
Гинзбург Б.П., 83, 87, 118
Гирко Л.В., 83, 87
Гирц К., 170
Гиршова И.А., 77
Глазкова М.А., 138
Глинский В.А., 45, 79, 80, 82, 93, 150, 160
Глухов В.А., 79, 87, 160
Говоруха-Отрок Ю.Н., 175
Голант М., 71
Головков Г.З., 150
Гонца З.К., 138
Горбань С.А., 145
Горбовский А.А., 112
Горбунова Т.В., 93
Гордон А.Е., 179
Гордон Л.А., 48, 49, 50
Горин А.Л., 79, 145, 156
Городов А., 129
Горшанников В.С., 155
Горький А.М., 133
Госин И.Я., 11, 77, 78, 79, 123, 147, 148, 149, 151, 152, 159, 160, 203, 204, 210
Грин А.С., 215
Гришин В.В., 17
Громько А.А., 29
Громько Ан.А., 73
Гульга А.В., 179, 180
Гуревич А.Я., 166, 177
Гусев В.М., 79, 145, 186, 206
Давыдов Ю.Н., 74
Данилевский Н.Я., 184
Данилин Г.Д., 112
Дашко В.Е., 145, 157
Дебец Н.П., 69, 72, 73
Делосин Л.П., 6, 52, 53, 55, 114, 115, 116, 240
Демин В.П., 164
Демичев П.Н., 13, 14, 15
Деникин А.И., 194
Денискин А.А., 87, 118
Деревянко А.П., 167
Дивногорцев А.Л., 5
Дилигенский Г.Г., 177
Довгий В.И., 142, 143
Доделцев Р.Ф., 179, 180
Доронина Л.А., 142
Дорохина О.А., 83, 85, 207
Достоевский Ф.М., 218
Еллинек Г., 185
Ельцин Б.Н., 44, 64
Еременко А.И., 195
Ефременко Д.В., 176
Жаркова Г.Г., 71, 72
Жарова Н.П., 141
Жириновский В.В., 194
Житлевский В.Е., 19
Жук Л.М., 127
Жуков Г.К., 195
Жуков Е.М., 12
Загнер О., 34
Зайцев В.Г., 145, 148, 160
Замятин Е.И., 215, 225
Зимянин М.В., 14
Зотиков Ю.В., 42
Зюганов Г.А., 194
Иванов Вяч.Вс., 218
Иванов Д.Д., 73, 134
Игрицкий Ю.И., 65, 191, 240
Ижевская М.Г., 72, 73
Ильин И.А., 62
Ильин М.В., 87
Ильинова Г.И., 125, 126, 127, 138
Иноземцев Н.Н., 9, 56, 59, 60, 179
Ифтинка Г.К., 127, 130, 135, 138
Ишутин В.В., 138
Казакевич В.П., 46
Калоева И.А., 46, 76, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 133, 134, 135, 138
Кампанелла Т., 217
Кан Е.М., 123, 125, 128, 129, 130, 131, 132
Капица П.Л., 95
Капустин Е.И., 9
Кедров Б.М., 95
Келдыш М.В., 13, 30, 66
Ким Г.Ф., 68
Кимелев Ю.А., 87, 117
Кинд Н.В., 226
Кириллин В.А., 14
Ковальзон М.Я., 116
Козырина К.И., 125, 131, 132, 133
Колаковский Л., 217
Колмаков П.К., 74
Колосова В.А., 127, 138
Константинов Ф.В., 9
Коржавин Н.М., 122
Корнилова Т., 71
Короленко В.Г., 221
Коротаев А.С., 113
Косарева Л.М., 93, 100, 101
Косвен М.О., 124
Косенко Э.И., 126, 127, 135
Косиченко Н.И., 79, 85, 141, 160
Косов А.С., 160, 210
Косов Г.Б., 10, 16, 24, 115, 121
Косова Л.Б., 79, 82, 141, 210
Костоньян Н.К., 152, 159, 203, 204
Косыгин А.Н., 112
Котовский Г.Г., 73, 74
Красногорский С., 71
Кричевский Г.Г., 18, 46, 73, 203
Кудрявцев В.Н., 42, 43
Кузнецова С.И., 6, 10, 16, 47, 62, 115, 240
Кузьмин В.П., 120
Кузьмичева Л.А., 138
Кулькин А.М., 6, 87, 91, 115, 240
Кун Т.С., 97
Курашова М.Я., 87
Куренной И.Ф., 127, 138
Куропятник Г.П., 42
Кутепов А.П., 194
Кутузов М.И., 232
Кюзаджян Л.С., 16, 39, 119, 157

- Лабузина Р.Н., 79, 85
 Лампе А.А. фон, 194
 Лапыгин В.Л., 144
 Ласунов С.Н., 141, 160, 206
 Лебедев Е.А., 73
 Левада Ю.А., 217, 218
 Левина Г.В., 90
 Левит С.Я., 164, 166, 169
 Левитан И.И., 223
 Легоньков В.И., 202
 Ленин В.И., 183, 209, 212
 Леонтьев А.А., 69
 Ли О.С., 87
 Ливеровская О.М., 142
 Линч Д., 69
 Лисовская Н.П., 226
 Лихачев Д.С., 169
 Лотман Ю.М., 64
 Лужков Ю.М., 112
 Лук А.Н., 93, 96, 107, 108, 111
 Лукин В.П., 59

 Магай Е.В., 83, 85, 86, 87
 Малиновский П.В., 113
 Малинская Б.А., 69, 72, 73
 Малявина Н.С., 142
 Мамардашвили М.К., 64
 Мангейм К., 116, 121
 Мандельштам Н.Я., 226
 Манусевич М.Я., 128
 Маньковская Г.Л., 76, 125, 126, 135, 136, 137
 Мао Цзэдун, 68
 Марковская Г.М., 76
 Маркс К., 61, 237
 Марченко А.Т., 226

 Марчук Г.И., 41
 Масарик Т.Г., 197
 Матвеева Е.Ю., 6, 87, 123, 138, 241
 Матеис П., 35
 Махов А.Е., 166
 Мацинашвили Б., 223
 Мацинашвили Н.Б., 223, 225, 227
 Мацинашвили Р.Б., 222, 223, 227
 Мацинашвили Т.Н., 6, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 241
 Мдивани Р.Р., 6, 69, 72, 73, 81, 82, 87, 148, 151, 207, 241
 Межеборская Р.Я., 150
 Межова И.А., 130
 Межова И.В., 125
 Мейриа Ж., 89
 Мелешкина Е.Ю., 87
 Мид М., 215
 Микешина Л.А., 101
 Микулинский С.Р., 92
 Миллер Е.К., 194
 Миллер И.С., 125
 Миллер С., 226
 Миллионщиков М.Д., 66
 Милоградова Л.П., 73
 Милоков П.Н., 194
 Милявская С.Л., 73, 74
 Митин М.Б., 63
 Михайлов А.И., 9
 Михалько И.Л., 79, 145
 Можая Л.А., 182
 Можая Л.Г., 113
 Мойсеенко М.Г., 25, 26

 Мордвинова В.А., 175
 Морозов Г.И., 42
 Моцарт В.А., 179
 Мэзлиш Б., 168

 Набоков В.В., 237
 Наполеон Бонапарт, 168, 232
 Нарочницкий А.Л., 9, 30
 Науменко А.Г., 17, 19
 Некипелов А.Д., 167
 Некрасов Н.А., 221
 Некрасов Н.Н., 9
 Немсадзе Н.В., 126, 127, 138
 Непомнящая А.М., 81
 Несмеянов А.Н., 21, 29
 Николаевский М.А., 125
 Николокин А.Н., 165, 166, 169, 174
 Никсон Р.М., 29
 Ниссельсон С., 129
 Ницше Ф., 180
 Новиков А.Н., 143
 Носкова В.В., 125, 134

 Одоевский В.Ф., 215
 Окуджава Б.Ш., 62
 Онифатор М.М., 19
 Орлов Б.С., 26, 59, 222, 241
 Оруэлл Дж., 215, 225
 Осипов Ю.С., 41, 42, 167
 Островитянов Ю.К., 9
 Островский Н.А., 109

 Павленко Г.И., 127

 Павлова Л.П., 5
 Пальников М.С., 88
 Панченко А.И., 6, 117, 118, 179, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 242
 Пашаева Н.М., 125
 Перегудов С.П., 177
 Петр I, 232
 Пивоваров Ю.С., 5, 6, 25, 26, 41, 42, 43, 86, 87, 104, 139, 160, 166, 176, 178, 187, 211, 242
 Пилсудский Ю., 133
 Пилюгин Н.А., 144, 149
 Пищальников С.А., 18, 147
 Плошев В.И., 90
 Покровский В.П., 202
 Положихина Е.П., 142, 152, 207
 Поляков Ю.А., 196, 197
 Полякова Н.Л., 118
 Померанц Г.С., 62, 226
 Пономарев Б.Н., 58
 Пономарев Я.А., 92
 Попов Г.Х., 112
 Поспелов Н.А., 223
 Поспелова Е.Г., 223
 Примаков Е.М., 67, 68, 178
 Прокопович А., 123
 Прокопович Е.П., 123
 Прытков Е.С., 85
 Пушкин А.С., 120, 228
 Пятигорский А.М., 64, 65

 Разумович Н.Н., 25, 44, 180, 182, 183, 184
 Ракитов А.И., 6, 10, 16, 64, 108, 109, 110, 113, 114, 179, 242
 Ратнер Н.Д., 123, 125
 Рачинский С.А., 175
 Рейснер И.М., 48, 49
 Рейснер Л.М., 48
 Рековская И.Ф., 215, 242
 Реформатский А.А., 72
 Родионов А.Б., 141, 142, 145, 206
 Рожанский И.Д., 226
 Рожков Н.А., 18
 Рожкова О.В., 16
 Рожнова Л.А., 127, 138
 Розанов В.В., 174, 175
 Розина Р., 71
 Рокоссовский К.К., 195
 Романовский С.К., 42
 Ромашко С.А., 169
 Рубин В., 48
 Румянцев А.М., 53, 56, 57, 59, 60, 66
 Рут Б., 172
 Рыбаков Б.А., 19, 29
 Рыскин Ю.Д., 76, 126, 150
 Рычкова Т.Д., 159

 Савельев В.И., 76
 Савина В.В., 42, 43
 Савинков Б.В., 194
 Сальери А., 179
 Сарджент Л., 216
 Сахаров А.Д., 220, 221
 Сахаров, сотр. КГБ, 179

 Селя Ш., 135
 Семенова Д.А., 111
 Сергеев В.П., 191
 Сергеев Р.А., 29, 30, 31
 Сергиев А.В., 31
 Серебряная Е.И., 71, 74, 76, 87, 118
 Сидоренко А.В., 37
 Сидоров В., 162
 Сидоров Е.Ю., 164
 Сироткина Н.А., 159
 Скворцов Л.В., 6, 161, 243
 Слива А.И., 87, 126, 127, 138
 Смирнский В.Б., 83, 87
 Смирнова М.Н., 78, 146, 150, 152, 159, 201, 243
 Соколова Н.Ю., 5, 160, 176
 Солженицын А.И., 62, 63, 176, 226
 Соловьева В.В., 85, 127, 138
 Солодовников В.Г., 73
 Солтон Д., 205
 Соседова М.К., 117
 Сошно Н.Н., 73
 Спиваковский Е.И., 191
 Сталин И.В., 58, 62
 Стецель Ж., 35
 Стрельченко П.Я., 71, 87
 Струве П.Б., 185, 194
 Сурова Н.С., 142

 Танака К., 29
 Тарасов А.Н., 143
 Тарасов В.И., 202
 Тарасов Л.Н., 6, 78, 79, 139, 145, 148, 203, 204, 210, 243

- Твен М., 168
Тиммерманн Т., 226
Тиммерманн Х., 226
Тимофеева Н.А., 142
Тихвинский С.Л., 167
Тихонов А.Н., 36, 44, 140, 202
Толкунов Л.Н., 58
Толстой Л.Н., 186
Трапезников В.А., 35
Трофимова Г.Ф., 207
Троцкий Л.Д., 61
Турен А., 177
Тэйлор Э.Б., 168
Тюпаев С.А., 138
- Уайт Л., 172
Ужинская Л.В., 142, 210
Уэллс Г. Дж., 225
- Фарбер Л.Е., 127, 138
Федосеев П.Н., 9, 10, 18, 19, 20, 28, 30, 31, 66, 67, 116
Фефилов А.И., 115
Филиас В., 89
Филин Ф.П., 9, 70
Филиппов Г.Р., 15
Фихте И.Г., 180
Фишер К., 232
Флоренский П.А., 174, 175
Францев Ю.П., 57, 58
Фролов Б.А., 92
Фролов К.В., 41
- Хадиаров Г.Г., 87
Хайнциг Д., 226
Хайнциг Э., 226
Хаксли О.Л., 225
Херфурт М., 89
Хисамутдинов В.Р., 6, 36, 38, 44, 77, 78, 79, 80, 84, 118,
- 141, 142, 145, 146, 147, 149, 151, 153, 154, 155, 157, 160, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 243
Хлебников Г.В., 169, 228, 244
Хобом Х.-К., 75
Ходош И.А., 18, 50, 69, 70, 78, 114, 119, 150, 151
Хокинг С., 109
Холодковский К.Г., 177
Храпченко М.Б., 12
Хруничев М.В., 149
Хрущев Н.С., 59, 60, 66
- Цветаетова М.И., 178
Цейтлин Ю.В., 191
Цибров М.А., 142, 143, 147
Цимбаева З.Г., 125, 126
Цурганова Е.А., 166, 169
- Чагай Н.А., 77
Чайковский И.И., 194
Чаликова В.А., 6, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 244
Чаянов А.В., 215
Чельшев Е.П., 167
Чемптин, де, 35
Чепкасова Е.Д., 141
Чепкасовы, 156
Червоненко С.В., 59
Чернов В.М., 194
Черный Ю.Ю., 5, 160, 176
Черняк Н., 111
Чичиканова Л.О., 93
Чубарьян А.О., 167
- Чудакова М.О., 177, 216
Чудинов Э.М., 117
- Шабат М.Ц., 69, 70, 72, 73
Шаламов В.Т., 226
Шахназаров Г.Х., 58
Швырева Г.П., 87, 126
Шевцова С.О., 87
Шевырин В.М., 211, 244
Шемберко Л.В., 81, 82, 87, 150, 160
Шершова А.В., 152, 159
Шестов Л.И., 215
Шестопалова Л.А., 138
Широков Е.Н., 72
Шкаренков Л.К., 6, 10, 44, 65, 115, 116, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 244
Шлыков Д.С., 143
Шнайдерман М.Б., 79, 83, 186
Штрётманн К., 84
Шунков В.И., 47, 49, 50, 114, 124, 134
- Эмар М., 43
Этова О.В., 87
- Юрасов Д.Г., 220
Юрченкова Л.В., 5, 160
Юрьев М.Ф., 30
- Яковлев А.Н., 59, 60, 65
Яковлев В.А., 232
Ярошевский М.Г., 92
Ясперс К., 116

**ФБОН-ИНИОН:
Воспоминания и портреты
Выпуск 1**

*Составитель
Марианна Евгеньевна Соколова*

Оформление обложки И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректоры О.В. Шамова, М.П. Крыжановская
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 26/IV – 2011 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 15,75 Уч.-изд. л. 13,0
Тираж 500 экз. Заказ № 54

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. / Факс: (499) 120-45-14
E-mail: market@INION.ru
E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)
Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

